

ISSN 2500-042X

ДИАЛОГ

ПОЛИТИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ

№ 1 (8)
2018

Международный научно-аналитический журнал
Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ

ДИАЛОГ

ПОЛИТИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

№ 1(8) • 2018

Санкт-Петербург

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

О. М. Артыкбаев, депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, кандидат экономических наук;

К. М. Бекарян, член Постоянной комиссии по внешним связям Национального Собрания Республики Армения, кандидат физико-математических наук;

В. А. Бороденя, заместитель председателя Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по бюджету и финансам, кандидат экономических наук;

Р. С. Гринберг, член-корреспондент Российской академии наук, научный руководитель Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор;

В. М. Джабаров, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам, кандидат технических наук;

А. А. Дынкин, президент Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор;

А. У. Жапаров, депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, заслуженный экономист Кыргызской Республики, доктор экономических наук;

М. И. Кротов, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, доктор экономических наук, профессор;

И. А. Максимцев, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор;

И. А. Марзалюк, председатель Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по образованию, культуре и науке, доктор исторических наук, профессор;

С. А. Мирзоев, руководитель Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, кандидат юридических наук;

М. В. Мясникович, Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор экономических наук, профессор;

Ю. Л. Осипов, врид Генерального секретаря Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, кандидат экономических наук;

Г. В. Пальчик, председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор педагогических наук, профессор;

Ф. Рахими, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук, профессор;

К. С. Султанов, член Комитета Мажлиса Парламента Республики Казахстан по международным делам, обороне и безопасности, доктор политических наук, профессор;

А. В. Торкунов, ректор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор;

В. А. Шамахов, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р. С. Гринберг, член-корреспондент Российской академии наук, научный руководитель Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Е. Карлик, доктор экономических наук, профессор;

Ю. В. Косов, доктор политических наук, профессор;

Д. И. Кузнецов, доктор философских наук, профессор;

З. Ф. Мамедов, доктор экономических наук, профессор;

И. Н. Новикова, доктор исторических наук, профессор;

Г. Н. Нурышев, доктор политических наук, профессор;

К. А. Пшенко, доктор исторических наук, профессор;

Н. А. Сафаров, доктор юридических наук, профессор;

С. Т. Сейдуманов, доктор социологических наук, профессор;

А. И. Сурыгин, доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора)

УЧРЕДИТЕЛЬ

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ
СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес: 191015, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., д. 47

Телефоны редакции: (812) 326-68-45, 326-69-24.

Web-страница: www.iacis.ru;

e-mail: dialog.iacis@gmail.com

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационное свидетельство ПИ №ФС 77-67178

от 16.09.2016 г.

© Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПОЛИТИКА

- А. Т. Алтыбаева***
Становление и развитие парламентаризма в Кыргызской Республике 5
A. Altybaeva
Formation and Development of Parliamentarism in the Kyrgyz Republic
-
- К. А. Миралиён***
Молодежный парламентаризм в странах СНГ: практика, проблемы
и перспективы 10
Q. A. Miraliyon
Youth Parliamentarism in the CIS: Practice, Problem and Perspective
-
- Е. О. Дуйсембина***
Социальные сети как политический инструмент в Российской Федерации 21
Y. Duisembina
Social Networks as a Political Instrument in Russian Federation
-
- А. С. Булатова***
Россия и США: 1991–2016 годы 26
A. Bulatova
Russia and the USA: 1991–2016
-

ПРАВО

- С. А. Цыпьяев***
Конституционный тренд между стабильностью и конкуренцией 35
S. Tsyplyaev
The Constitutional Trend Between Stability and Competition
-
- Ч. М. Бердимуратов***
Договорные формы инвестиционной деятельности
в Кыргызской Республике 44
Ch. Berdimuratov
Contractual Forms of Investment Activity in the Kyrgyz Republic
-
- Г. В. Елистратова***
О разработке модельного Трудового кодекса государств — участников
СНГ: основные положения концепции 51
G. Elistratova
On Drafting Model Labor Code for the CIS Member Nations: Main Provisions of the Concept
-

Ю. А. Щербук, Е. Ю. Владимирова О деятельности Экспертного совета по здравоохранению при Межпарламентской Ассамблее государств — участников СНГ	58
<i>Y. Shcherbuk, E. Vladimirova</i> On the Activity of the IPA CIS Board of Experts on Public Health	

ЭКОНОМИКА

Г. Г. Мокров Субсидированный импорт и компенсационные меры защиты внутреннего рынка Евразийского экономического союза	63
<i>G. Mokrov</i> Subsidized Import and Compensatory Measures to Protect the Domestic Market of the Eurasian Economic Union	

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

А. В. Сидорович Евразийская интеграция: новая роль университетов	83
<i>A. Sidorovich</i> Eurasian Integration: a New Role of Universities	

Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева Межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества» — модель эффективного культурного сотрудничества в СНГ	91
<i>N. Bogoliubova, J. Nikolaeva</i> The Interstate Program <i>Cultural Capitals of the Commonwealth</i> — the Model of Effective Cultural Cooperation	

ИНФОРМАЦИЯ

О V международном форуме «Евразийская экономическая перспектива»	99
On the V International Forum <i>Eurasian Economic Prospect</i>	

Итоги IV международной конференции «Евразийский вызов»	104
Outcomes of the IV International Conference <i>Eurasian Challenge</i>	

Информационные процессы в странах СНГ: преодоление противоречий и проблемы устойчивого развития	112
Information Processes in the CIS Countries: Overcoming Contradictions and Problems of Sustainable Development	

А. Т. Алтыбаева

Становление и развитие парламентаризма в Кыргызской Республике

Аннотация: В статье рассмотрена теоретическая и правовая основа парламентаризма как особой системы организации государственной власти, главное внимание уделено особенностям формирования парламентаризма в Кыргызстане.

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, реформа, Жогорку Кенеш, конституция, Кыргызская Республика.

Об авторе

Айнур Тоичиевна Алтыбаева (Бишкек, Кыргызская Республика) — член Комитета по конституционному законодательству, государственному устройству, судебно-правовым вопросам и Регламенту Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, кандидат юридических наук; altybaeva_a@mail.ru

A. Altybaeva

Formation and Development of Parliamentarism in the Kyrgyz Republic

Summary: The article looks upon the theoretical and legal basis of parliamentarism as a special system of organizing the state power. The author pays a thorough attention to the peculiarities of the formation of parliamentarism in Kyrgyzstan as well.

Keywords: parliament, parliamentarism, reform, Jogorku Kenesh, constitution, Kyrgyz Republic.

About the Author

Aynuru Altybaeva (Bishkek, Kyrgyz Republic) — Member of the Committee on Constitutional Legislation, State Device, Judicial and Legal Issues And Regulations of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic, Candidate of Juridical Sciences; altybaeva_a@mail.ru

Парламентаризм определяется прежде всего как политологическая категория, что объясняет его рассмотрение в качестве самостоятельного предмета исследования политологических наук [1]. Между тем все более широкое использование понятия «парламентаризм» в юриспруденции предполагает его изучение с точки зрения конституционно-правовых наук, тем более что оно является одним из центральных понятий науки конституционного права [2]. При этом необходимо иметь в виду, что «попытки расширительного толкования понятия “парламентаризм” путем наложения его на политическую систему в целом или, напротив, сужения до понятия государственного режима ведут к утрате парламентаризмом своей специфики как особого способа организации госу-

дарственной власти, не говоря уже о размывании, столкновении самих понятий политической системы, политического и государственного режимов» [3].

Существует множество определений парламентаризма, однако универсальным считается то, согласно которому парламент имеет привилегированное положение при государственном управлении. Исполнительная власть при парламентаризме подотчетна парламенту и обычно формируется из числа представителей партий, имеющих большинство в парламенте.

Понятие парламентаризма, по справедливому утверждению российского ученого И. И. Степанова, отражает особенности исторического момента, общественного и государственного бытия каждой конкретной страны, националь-

ных традиций, правовой культуры и политической воли народа. Признаками же классической родовой модели парламентаризма являются «верховенство парламента, закона, разделение властей, правительственная ответственность» [4].

Следовательно, только конституционно-правовое закрепление принципов — верховенства закона в правовой структуре общества, разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви, верховенства парламента и правительственной ответственности перед ним как представительным и законодательным органом — является юридическим основанием для становления и развития парламентаризма как особой системы организации государственной власти в демократическом государстве.

Киргизский парламентаризм имеет богатую историю. Для того чтобы изучить особенности, проблемы и перспективы современного парламентаризма в Кыргызстане, необходимо обратить внимание на историческое прошлое народа. Если заглянуть в историю, то можно сказать, что у киргизов всегда была кочевая демократия, в связи с чем на протяжении большей части истории отсутствовала абсолютная централизованная власть хана, не сложился бюрократический аппарат. Разделение на роды и племена, отсутствие централизованной власти, менталитет народа предопределяют тот факт, что оптимальной формой правления для Кыргызстана является парламентская. Следовательно, киргизский парламентаризм, как и парламенты европейских государств, имеет богатую историю, устоявшиеся традиции.

До советской эпохи существовали курултай с участием руководителей родов и племен, а также можно говорить о кратком этапе парламентаризма, который начался с учреждением в Российской империи Государственной думы и завершился после установления советской власти. В советский период выборы депутатов в Верховный совет носили формальный характер. Из этого

можно сделать вывод, что парламентаризм в чистом виде берет свое начало с обретения независимости. Эволюция парламентаризма в Кыргызстане в системном понимании проходит быстрыми темпами, а в функциональном плане, наоборот, наблюдается откат назад. Например, парламентская форма правления установилась в течение примерно 20 лет независимости. Европейским государствам на это потребовались столетия.

Однако быстрое развитие парламентаризма не сопровождается качеством. Хотя Кыргызстан имеет парламент, структурно отвечающий современным стандартам, его функциональная часть оставляет желать лучшего. Если европейские парламенты за столетия своего существования эволюционировали от защиты интересов класса буржуазии и дворянства до необходимости расширения интересов простого народа, то в киргизском парламенте наблюдается совсем другой процесс. Так называемый легендарный парламент пока остается классическим примером народного представительства, который составлял реальную конкуренцию власти президента [5].

Как показывает анализ советского конституционного законодательства с данных позиций, в советский период развития в Киргизии, как и в других союзных республиках, не было никакого парламентаризма, хотя справедливости ради надо отметить, что в советских конституциях были закреплены, если можно так сказать, отдельные элементы парламентаризма [6].

Начало процессам парламентаризации в государственно-правовом развитии Киргизии, как и других союзных республик, было положено общесоюзной конституционной реформой 1988 г., когда приняли законы об изменениях и дополнениях в Конституцию СССР, в том числе о выборах народных депутатов СССР [7]. В соответствии с теми установлениями (в частности, статус Верховного Совета СССР был определен как постоянно действующий законодательный и контроль-

ный орган государственной власти) закреплялось положение о несовместимости депутатского мандата и должности в исполнительных органах, отраслевых органах управления, судах; впервые провозглашалась приверженность идеям и принципам правового государства, и в этих целях была дана установка на такие важные меры, как учреждение Комитета конституционного надзора [8].

На основе данных союзных актов Верховный Совет Кыргызской ССР 23 сентября 1989 г. принял законы «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Кыргызской ССР», «О выборах народных депутатов Кыргызской ССР», «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Кыргызской ССР» [9]. Согласно положениям этих законов Верховный Совет стал постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом государственной власти Кыргызской ССР. А законом «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Кыргызской ССР» учреждался Комитет конституционного надзора Кыргызской ССР [9, с. 135].

12 апреля 1990 г. из Конституции Кыргызской ССР было исключено положение о Верховном Совете как постоянно действующем органе (ст. 97). Конституционным актом, имевшим важное значение для парламентаризации, явилась Декларация о государственном суверенитете Кыргызской Республики от 15 декабря 1990 г. Декларация — это первый законодательный документ Кыргызской Республики, официально провозгласивший основные принципы и положения строительства новой национальной государственности с новыми порядком и задачами в рамках Советского Союза. В данном документе провозглашен государственный суверенитет Республики Кыргызстан, означающий верховенство государственной власти республики на всей ее территории и независимость во внешних сношениях [10], впервые закреплен принцип разделения государственной власти, который в качестве осново-

полагающего принципа нового конституционного строя впоследствии был положен в основу Конституции Кыргызской Республики, принятой на двенадцатой сессии Верховного Совета республики двенадцатого созыва 5 мая 1993 г. Конституция КР коренным образом изменила конституционно-правовой статус Верховного Совета. Изменения заключались, во-первых, в юридическом оформлении отказа от единой системы Советов как полновластных органов; во-вторых, был ликвидирован институт Президиума Верховного Совета; в-третьих, Конституция установила не только новое название высшего представительного органа — Жогорку Кенеш, но и принципиально иные основы организации его деятельности, отражающие правовые стандарты парламентаризма. Жогорку Кенеш в соответствии с принципом разделения государственной власти стал постоянно действующим высшим представительным органом, осуществляющим законодательную власть, а также контрольные функции [11].

Итак, становление кыргызской национальной государственности, поступательное движение Кыргызстана по демократическому пути, и главное, закрепление в Конституции Кыргызской Республики правовых основ парламентаризма обусловили становление парламентаризма как основы современного государственного строительства суверенного Кыргызстана. В этом, скорее всего, заключается историко-правовая особенность становления парламентаризма в стране. При этом нельзя не согласиться с утвердившимся мнением о том, что становление парламентаризма непосредственно зависит от качественного выполнения парламентом своих функций. Иначе говоря, в становлении парламентаризма в Кыргызстане огромна роль самого Жогорку Кенеша.

Вместе с тем в становлении парламентаризма в Кыргызстане нашла отражение вся глубина, противоречивость и динамика конституционных реформ 1989–2003 гг., которые, начавшись

в конце 1980-х гг. на основе общесоюзных реформ, в дальнейшем практически приобрели необратимый комплексный характер, развиваясь и закрепляясь в общественных отношениях принципиально нового конституционного строя. По своей исторической сущности они равнозначны революционным преобразованиям, поскольку их результатом явилась смена общественного и государственного строя.

Процесс объективного развития общества, когда попытки соединения советской социалистической системы организации государственной власти с институтом президентства и принципом разделения властей, с одной стороны, и несоответствие политико-правовой концепции Конституции республики 1978 г. и принципиально новых положений вносимых в нее поправок, с другой стороны, привели к окончательному разрушению основ существующей системы, выдвинул на повестку дня вопрос о принятии новой конституции в 1993 г. При этом Конституция Кыргызской Республики 1993 г. дважды претерпела существенные изменения, а в 2003 г. вовсе была изложена в новой редакции. И это закономерно, поскольку только конституция, адекватная новым общественным потребностям, способна обеспечить стабильность и упорядоченность, которые необходимы для успеха крупных политических и экономических реформ.

Безусловно, реализация конституционно-правовых основ парламентаризма потребует внесения в них в будущем соответствующих поправок, так как поиск оптимального варианта конституционной модели организации и деятельности институтов государственной власти и их согласованного функционирования и взаимодействия в рамках единой конституционной системы сопряжен с конкретными историческими условиями и реалиями государственной и общественной жизни. Подтверждением этому является новая конституционная реформа (2010 г.) в Кыргызской Республике. 27 июня 2010 г. народ Кыргызстана

в ходе конституционной реформы и всенародного референдума выбрал новый путь, который ознаменовал переход от президентской формы правления к парламентско-президентской форме правления. Прошло уже семь лет с тех пор, как Кыргызстан в результате соответствующих изменений Конституции, принятых на референдуме 2010 г., стал парламентской республикой. Сегодня можно сделать наиболее общие выводы, ибо в Кыргызстане уже работает второй созыв парламента, избранный после изменения Конституции.

Перед Жогорку Кенешем Кыргызской Республики были поставлены новые задачи по дальнейшему совершенствованию национального законодательства, контролю исполнения принятых законов и разъяснению их требований среди широкого круга избирателей республики. Это обусловило необходимость разработки концептуального документа, отражающего видение развития парламента, конкретные шаги и этапы действий, т. е. своего рода дорожную карту, ведущую к намеченной цели, чтобы Жогорку Кенеш мог эффективно исполнять свои конституционные полномочия, оптимизировать деятельность и структуру [12].

В 2013 г. парламент страны принял Стратегию развития Жогорку Кенеша Кыргызской Республики до 2016 года, целью которой стало построение эффективной, стабильно работающей парламентской организации, отвечающей требованиям Конституции и ожиданиям общества, способной быстро и адекватно реагировать на современные вызовы.

С целью повышения прозрачности своей деятельности и информированности граждан о работе парламента, принятых законах в мае 2013 г. Жогорку Кенеш расширил зону вещания радио «Парламент», охватив прямыми трансляциями заседаний парламента и другими передачами областные центры республики и прилегающие к ним районы. Ежегодно в Жогорку Кенеше проходят аккредитацию около 300 журналистов местных, зарубежных и международных

средств массовой информации, которые имеют свободный доступ на все заседания и официальные мероприятия в парламенте. Переход к парламентско-президентской форме правления изменил роль Жогорку Кенеша в обществе, существенно подняв его ответственность за принимаемые решения и действия. Это потребовало активизации сотрудничества Жогорку Кенеша с парламентами зарубежных стран, обмена опытом пар-

ламентаризма с государствами, где имеется парламентская форма правления, а также усиления сотрудничества с межпарламентскими организациями.

В настоящее время Жогорку Кенеш Кыргызской Республики находится на очередном этапе становления и развития, идет процесс поиска его оптимальной модели, дальнейшего совершенствования его деятельности в условиях модернизации, трансформации и глобализации.

Использованные источники

1. Рыбкин И. П. Становление и развитие парламентаризма в России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1995. С. 6–7; Жансугурова Ж. А. Эволюция института парламента в контексте становления президентской республики в Казахстане : дис. ... канд. полит. наук. Алматы, 1996. С. 188; Шеримкулов М. Ш. Парламент независимого Кыргызстана. Бишкек, 1998. 425 с.
2. Парламентское право России : учеб. пос. / под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. М. : Юристъ, 1999. С. 5.
3. Шеримкулов М. Ш. Парламент независимого Кыргызстана. Бишкек, 1998. 425 с.
4. Степанов И. И. Формула народовластия: основания конституционной концепции // Конституционный строй России. М., 1996. Вып. III. С. 6–7.
5. Курманов З. К. У нас строят базарно-бюрократическое государство // Вечерний Бишкек. URL: http://www.vb.kg/doc/247421_zaynidin_kurmanov_y_nas_stroiat_bazarno_burokraticheskoe_gosudarstvo.html (дата обращения: 13.10.2017).
6. Арабаев А. А. Конституционное развитие Кыргызстана. Бишкек, 1998; Арабаев А. А. Конституционное законодательство Кыргызской Республики: вопросы парламентаризма // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 1999. № 1. С. 197–215.
7. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1988. № 49. С. 727, 729.
8. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М. : РЮИД, 1997. С. 87–90.
9. Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР. 1989. № 17. Ст. 135, 137, 138.
10. Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан // Закон Республики Кыргызстан от 15 декабря 1990 года № 273-XII.
11. Арабаев А. А. Теоретико-правовые основы парламентаризма и особенности его становления в Кыргызстане // Вестник КРСУ. 2006. Т. 6. № 8. С. 8–12.
12. История кыргызского парламента // Официальный сайт Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. URL: <http://www.kenesh.kg/ru/article/show/38/КЫРГЫЗ%20ПАРЛАМЕНТИНИН%20ТАРЖЫМАЛЫ> (дата обращения: 13.10.2017).

К. А. Миралиён

Молодежный парламентаризм в странах СНГ: практика, проблемы и перспективы

Аннотация: Рассматриваются вопросы формирования молодежного парламентаризма в странах СНГ, в частности необходимость создания данной формы взаимодействия молодежи и государства, ее реализации и развития в контексте совершенствования системы управления молодежной политикой.

Ключевые слова: молодежь, молодежный парламентаризм, государственная молодежная политика, современное общество, демократизация, управление.

Об авторе

Киёмиддин Абдусалимзода Миралиён (Душанбе, Республика Таджикистан) — член Комитета по науке, образованию, культуре и молодежной политике Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Института государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, кандидат политических наук; qmiraliyon@gmail.com

Q. A. Miraliyon

Youth Parliamentarism in the CIS: Practice, Problem and Perspective

Summary: At the present article are considered the questions of formation youth parliamentarism in CIS countries, its necessity, implementation process and development in context of improvement state policy for youth, including active participation of youth in politic life of society.

Keywords: youth, youth parliamentarism, state policy for youth, modern society, democratization, management.

About the Author

Qiyomiddin Abdusalimzoda Miraliyon (Dushanbe, Republic of Tajikistan) — Member of the Committee on Science, Education, Culture and Youth Policy of the Majlisi Namoyandagon of Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, Associate Professor of the Chair of Social-Humanitarian Sciences of the Institute of State Management Under the President of the Republic of Tajikistan, Candidate of Political Sciences; qmiraliyon@gmail.com

За последние десятилетия на пространстве СНГ произошло много преобразований, которые, с одной стороны, были продиктованы условиями переходного периода, переживаемого каждым из государств — участников Содружества, с другой стороны, стали результатом объединенных с целью управления процессами глобализации усилий стран — участниц Содружества. В ходе формирования различных политических моделей развития в условиях демократизации общества парламентаризм и молодежный парламентаризм как форма участия молодежи в политической жизни общества выдвинулись на первый план.

Задача данной статьи — выявление сущности молодежного парламентаризма, осмысление опыта его внедрения

на пространстве СНГ и представление наиболее эффективных методов реализации данной модели в странах Содружества. Источниковую базу исследования составили законодательные и иные нормативные правовые акты, информационно-аналитические и социологические материалы, результаты прикладных исследований, а также другая информация о молодежном парламентаризме.

Модель молодежного парламентаризма берет начало в Германии и во Франции. Впервые молодежный парламент был создан на юге Парижа в качестве школьного проекта, где и прошли (начиная с 1988 г.) его первые международные сессии [1].

На пространстве СНГ модель молодежного парламентаризма появляется

в 1999 г.: в этот год в Институте молодежи (ныне Московский гуманитарный университет) состоялся круглый стол на тему «Молодежный парламент — механизм реализации молодежной политики, интересов молодежи через участие в выборах всех уровней». В 2003 г. прошел I Всероссийский семинар-совещание «Развитие молодежного парламентаризма в Российской Федерации», целью которого являлась разработка рекомендаций по развитию молодежного парламентаризма. Так в Российской Федерации началось создание молодежных парламентских структур.

Несмотря на то что модель молодежного парламентаризма родом из Европы, она не является совершенно новой для стран Содружества. Это своего рода продолжение, но в ином формате, системы комсомола, который, как и молодежный парламент, был построен на основе принципа выборности руководящих органов и имел общественно-консультативный статус. Комсомол был учрежден в 1918 г., опыт его деятельности изучали во многих странах мира, до сих пор в некоторых из них продолжают функционировать различные модели этой системы. Уникальность модели комсомола заключалась в **иерархической структуре управления** [2, с. 29], которая предполагала: 1) **представительство** во всех организациях, в том числе в школах и вузах, на заводах, фабриках, в организациях местного самоуправления и т. д.; 2) **принцип участия** — все члены организации участвовали в процессах принятия организационных решений; 3) **принцип выборности** — всех руководителей в комсомоле избирали члены организации соответствующего уровня; 4) **принцип децентрализации**, т. е. **локальную схему управления** — часть экономических и управленческих вопросов местные организации комсомола решали самостоятельно. Таким образом, молодежный парламентаризм имеет сходство с системой комсомола, однако эта форма взаимодействия государства и молодежи реализуется в новом, современном виде.

Одно из наиболее распространенных определений понятия «молодежный парламентаризм» следующее: система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, которая основана на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи — молодежного парламента, а также других общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства [3].

Система представительства является механизмом привлечения и участия представителей всех групп молодежи по признакам места жительства и рода деятельности и учета их мнений в процессе принятия решений. Суть этого механизма — в демократизации отношений, в обеспечении участия всех заинтересованных лиц в процессах принятия решений и в информировании целевой аудитории о деятельности организации. Тем самым обеспечивается важный элемент управления — мотивация подсистемных структур.

Молодежный парламент может быть создан как при представительном, так и при исполнительном органе государственной власти либо при обоих органах власти — совместно. Однако на практике молодежные парламенты с учетом особенностей их целей в основном функционируют при представительных органах власти — парламентах.

В силу того что молодежный парламентаризм призван активизировать молодежь, ее участие в процессах политического развития общества и государства, функционирование молодежного парламента в качестве общественной консультативно-совещательной организации соответствует заявленной миссии.

Статус молодежного парламента как **некоммерческой организации** также оказывает действенное влияние на политическое развитие общества, однако некоммерческие организации имеют определенные правовые ограничения

и слабые организационные возможности, поэтому не могут в полной мере соответствовать требованиям данной модели молодежного движения. Упомянутые ограничения в каждой стране определены по-разному — с учетом местных культурных, религиозных и других особенностей. Кроме того, во всех странах, особенно в государствах — участниках СНГ, организационно-финансовые возможности некоммерческих организаций очень слабые, а следовательно, таким организациям нелегко обеспечить молодежные инициативы, требующие постоянных финансовых и материальных вложений.

Одним из принципов молодежного парламентаризма является участие молодежи в процессе принятия решений, и на этом следует остановиться особо. Под участием молодежи мы подразумеваем как непосредственное, так и опосредованное участие молодых в жизни общества, их политическую активность, участие в разработке и реализации молодежных программ, расширение возможностей молодых граждан для участия в руководстве соответствующими управленческими структурами. Действительно, активизация молодежи — это ее культурное, правовое и политическое развитие посредством вовлечения молодых граждан в жизнь общества и в реализацию государственных решений.

У большинства людей, и в первую очередь старшего поколения, могут возникнуть вопросы: почему молодежный парламентаризм? Не рано ли молодежи обучаться и набираться опыта в сфере законодательно-политического управления — парламентаризма? Конечно, не рано, потому что:

— во-первых, средний возраст населения Земли составляет 28,5 года, следовательно, большая часть избирателей, участников политических кампаний (около 50%) — молодежь от 20 до 39 лет;

— во-вторых, не всегда граждане проявляют желание участвовать в политических кампаниях и в процессах принятия важных решений, занимают активную

позицию по этим вопросам. Как следствие, их реальные нужды и потребности могут быть не учтены при принятии решений (в будущем), а решения, в которых не учтены интересы большинства граждан, не могут считаться полноценными и даже способны причинить существенный ущерб жизни общества. Участие молодежи в этих процессах в силу того, что она составляет большую часть общества, может быть решающим, а это является существенной гарантией правильности политических и законодательных решений. Более того, участие молодежи обеспечивает и укрепляет демократические принципы принятия решений;

— в-третьих, активное участие молодежи в деятельности законодательных, представительных органов может обеспечить ее высокую заинтересованность и активную позицию в политической сфере. Более того, возможность участия в законодательных, политических процессах может мотивировать молодых людей играть важную роль (в качестве сформировавшихся личностей и подготовленного электората) в решении проблем в области политического управления в ближайшем будущем [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что молодежный парламентаризм — это:

— активное участие молодежи в политической жизни общества и государственной деятельности;

— школа подготовки политически подкованных молодых лидеров, кадров, готовых в будущем достойно представлять наши достижения и ценности;

— возможность развития демократических институтов в обществе и применение принципов эффективного управления в государственной системе.

Прежде чем представить реальный опыт внедрения **модели молодежного парламентаризма**, следует отметить несколько важных показателей/требований к молодежному парламенту. Молодежный парламент должен:

1) быть учрежден на базе законодательного (представительного) органа государственной власти в качестве

отдельной структуры или самостоятельно (независимая структура), но при условии непосредственной координации со стороны законодательного (представительного) органа государственной власти;

2) иметь общественный консультативный и совещательный статус;

3) функционировать в качестве общественной (неправительственной) структуры (не быть непосредственно связанным с государственными органами исполнительной власти);

4) осуществлять деятельность в форме сессий (форумов), проводить свои сессии регулярно, но не менее двух раз в год;

5) иметь избирательный принцип формирования, унифицированную форму консолидации членов организации на всех территориальных уровнях;

6) иметь иерархический стиль, представительский тип управления, т. е. единую структуру управления на всех территориальных уровнях;

7) осуществлять законотворческую деятельность и иметь широкие возможности (механизмы) представления своих рекомендательных решений законодательному (представительному) органу государственной власти для после-

дующего рассмотрения и имплементации.

Ниже будут рассмотрены потенциал и реальное положение дел по внедрению модели молодежного парламентаризма в странах СНГ.

Прежде всего следует отметить, что на пространстве Содружества на базе Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ функционирует Молодежная межпарламентская ассамблея государств — участников СНГ (ММПА СНГ), созданная решением Совета МПА СНГ 22 ноября 2012 г. Молодежная ассамблея является постоянно действующим консультативным органом Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. Цели Молодежной МПА СНГ: вовлечение молодых парламентариев в процесс развития сотрудничества государств — участников СНГ, создание условий для диалога и обмена опытом молодых парламентариев СНГ и представителей молодежных организаций, приобщение молодежи к парламентской дипломатии, повышение правовой культуры, социальной и гражданской активности молодого поколения [5].

Молодежный парламентаризм в Российской Федерации

Выше было подчеркнуто, что активное внедрение модели молодежного парламентаризма началось в Российской Федерации (РФ) в 2003 г. с принятием Рекомендаций по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации. На пространстве СНГ потенциал Российской Федерации в сфере развития молодежного парламентаризма является наиболее устойчивым. Если распределить развитие модели молодежного парламентаризма по этапам — формирование, становление и развитие, — то в РФ развитие молодежного парламентаризма находится на этапе становления.

Сегодня в РФ функционирует Всероссийская общественная организация

«Единое молодежное парламентское движение Российской Федерации» (создана в декабре 2012 г.), целью деятельности которой является содействие развитию и обеспечению взаимодействия молодых парламентариев и молодежных парламентских структур, действующих в РФ. Следует отметить, что опыт России в сфере молодежного парламентаризма весьма подходит для изучения, так как в процессе формирования молодежных парламентов, в том числе на местах (городском, районном и других уровнях), возникает много вопросов, требующих решения и единого пакета ответов на основе реального опыта.

При Федеральном Собрании Российской Федерации, т. е. **на федеральном**

уровне, функционируют два молодежных парламента — Молодежный парламент при Государственной Думе и Палата молодых законодателей при Совете Федерации.

По организационно-правовой форме Молодежный парламент при Государственной Думе является совещательным и консультативным органом, состоит из избранных на заседаниях региональных молодежных парламентах представителей молодежи. Этот орган создан с целью содействия деятельности Государственной Думы в сфере законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи. В структуру Молодежного парламента при Государственной Думе входят: Почетный председатель — Председатель Государственной Думы, куратор — заместитель Председателя Государственной Думы, Совет Молодежного парламента (Председатель Молодежного парламента и его заместители, ответственный секретарь), 11 тематических комиссий [6].

На уровне федеральных округов функционируют координационные советы молодежных парламентах, которые являются добровольными объединениями, созданными при законодательных (представительных) органах власти РФ. Их членами являются молодежные парламентах, действующие при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации (на примере Парламентской ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье») [7].

На региональном уровне (на уровне субъектов Российской Федерации) функционируют 79 молодежных парламентах, которые также действуют в качестве общественных совещательных и консультативных органов при законо-

дательных (представительных) органах в субъектах РФ [8].

Принцип членства в молодежных парламентах на региональном уровне изменяется. Например, в Кировской области Молодежный парламент сформирован из представителей молодежных общественных структур, вузов и ссузов, органов студенческого и ученического самоуправления, представителей политических партий (упомянутый Молодежный парламент создан в 2006 г.) [9]. Однако общепринятый принцип по делегированию представителей каждой местности не нарушается: в Вологодской области наряду с вышеупомянутыми категориями молодежи в Молодежный парламент могут войти по одному представителю от муниципального района и по 10 — от городского округа [10].

Кроме того, в РФ молодежные парламентах существуют и **на муниципальном уровне**, где они организованы в основном в соответствии с общепринятыми принципами, однако при этом изменяются требования к членству в молодежных парламентах, куда привлекается определенная категория молодежи. Например, в соответствии с Положением о молодежном парламенте Егорьевского муниципального района депутаты / члены молодежного парламента избираются из числа студентов высших и средних профессиональных учебных заведений [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что в РФ молодежный парламентаризм имеет устойчивую систему управления: от федерального до муниципального уровня, с принципами и нормами представительского, общественного совещательного (консультативного) функционирования, избирательного способа формирования, демократического принятия решений рекомендательного характера.

Молодежный парламентаризм в Республике Таджикистан

В Республике Таджикистан молодежный парламент начал функционировать

недавно — в 2010 г. Молодежный парламент был создан по инициативе бывшего

Комитета по делам молодежи при Правительстве Республики Таджикистан и общественной организации «Мо ва чомаи шахрванди» («Мы и гражданское общество») в качестве общественного консультативного, совещательного органа. По организационно-правовому статусу молодежный парламент является общественной (не юридической) организацией, действующей на основе регламентирующих документов учредителей и законодательных актов в области реализации государственной молодежной политики.

Организационно-правового отношения к парламенту страны Молодежный парламент не имеет, однако может представлять свои предложения и рекомендации посредством государственного уполномоченного органа по делам молодежи. Управленческая структура Молодежного парламента в Таджикистане является только национальной, а его заседания проводятся не менее двух раз в год. Членами Молодежного парламента в основном являются студенты вузов из всех регионов страны.

Молодежный парламентаризм в Республике Казахстан

В Республике Казахстан (РК), согласно доступной информации, существуют две формы молодежного парламента.

1. Молодежный парламент как некоммерческое юридическое лицо.

В этой форме молодежный парламент начал деятельность в 2003 г. Высшим органом его управления является общее собрание депутатов — членов организации. Молодежный парламент в подобной форме функционирует в Астане. Орган управления состоит из Координационного совета, избранного сроком на один год. Молодежный парламент сотрудничает с Мажилисом Парламента РК. Членство в организации выражается в неординарной форме: желающий стать депутатом молодежного парламента должен подать заявку, заполнив анкету, и представить свою кандидатуру на общее собрание действующих депутатов молодежного парламента. Каждый член организации (депутат) платит ежемесячный членский взнос, сумму которого рассчитывают ежегодно [12].

Можно сделать вывод, что молодежный парламент в описанной форме недействителен, поскольку отсутствует непо-

средственный контакт с представительным органом государственной власти, организация не обладает совещательным статусом, ее деятельность носит экономический характер (взимается членский взнос), в организации не руководствуются выборным принципом в управлении, она не имеет представительств в других регионах.

2. Молодежный парламент на общественных началах.

Является общественной консультативно-совещательной структурой, действует на трех уровнях: Парламента РК, парламента областей РК и вузов. В 2011 г. в результате выборов в молодежный парламент были представлены разные категории молодежи: представители молодежных организаций, студенты, бизнесмены, ученые и т. д.

Из двух описанных форм только вторая соответствует определенным характеристикам молодежного парламента. В РК реализуется молодежный парламентаризм, однако вопрос существования иерархической структуры управления, т. е. представительства молодежного парламента во всех областях, районах и городах, остается открытым.

Молодежный парламентаризм в Кыргызской Республике

В Кыргызской Республике используется весьма современный опыт форми-

рования молодежного парламентаризма — проектное внедрение, т. е. мо-

лодежный парламент создан в виде специального проекта, который в социологии управления изучают в качестве одной из структур, появившихся в условиях рыночной экономики. Проект был реализован в течение полутора лет с охватом 40 активистов из всех регионов Кыргызстана в возрасте от 18 до 29 лет. В процесс работы молодежного парламента были вовлечены представители молодежных ячеек политических партий, молодежных организаций и других категорий активной молодежи. Проект завершен в 2014 г. [13].

Молодежный парламентаризм в Республике Беларусь

В Республике Беларусь при Минском городском Совете депутатов на основе общепринятых принципов избрания депутатов из категории активной молодежи, представительства молодежи от регионов функционирует молодежная палата. При Могилевском городском Совете депутатов также создан молодежный парламент, первая избирательная

Данная модель молодежного парламента с теоретической и методической точек зрения является весьма устойчивой, однако, как показывает опыт, основные недостатки большинства проектных идей подобного плана — их временный характер, отсутствие тесного сотрудничества с государственными органами, а следовательно, слабая поддержка властью их миссии и т. п.

Данный проект завершен, но цели, в том числе развитие молодежного парламентаризма в стране, не достигнуты.

кампания была проведена в 2014 г. Участниками молодежного парламента являются в основном представители учащейся молодежи [14].

Таким образом, в Беларуси модель молодежного парламентаризма находится на стадии формирования, в настоящее время она не имеет национальной структуры.

Молодежный парламентаризм в Республике Армения

В Армении молодежный парламент начал действовать в 2011 г. (Председатель Национального Собрания Республики Армения О. Абрамян подписал распоряжение о создании молодежного парламента [15]). «Согласно регламенту, молодежный парламент будет состоять из 12 комиссий и 131 депутата, 39 из которых будут предложены фракциями Национального Собрания, 50 мест отводятся государственным вузам, 20 мест —

регионам, а 22 места предусмотрены для молодых самовыдвиженцев. Первое заседание молодежный парламент проведет уже в середине мая текущего года» — такая информация приведена на интернет-портале НИРА «Аксакал». Однако в структуре Национального Собрания Республики Армения на официальном сайте не удалось обнаружить молодежный парламент как отдельную единицу.

Молодежный парламентаризм в Азербайджанской Республике

Молодежный парламент в Азербайджане создан в 2005 г. при организационной поддержке Министерства молодежи и спорта и Азербайджанского общественного объединения доброволь-

цев. Молодежный парламент в Азербайджане осуществляет деятельность в качестве неправительственной организации, общественно-консультативного объединения, представляющего интересы

и законные права молодежи. В члены молодежного парламента принимают по результатам заполнения анкеты и собеседования, привлекается молодежь со всей республики [16].

Однако есть и такая информация (по состоянию на 2012 г.): «В Азербайджане создается Молодежный парламента. Молодежный парламента является долгосрочным проектом, выдвинутой инициативной группой из 11 человек. Избрание членов парламента будет проходить в два этапа — подача заявления и собеседование. Молодыми парламентариями могут стать общественно активные молодые люди

в возрасте 18–29 лет, талантливые и общественно активные студенты, молодые люди, работающие в международных организациях, СМИ, частных и государственных структурах, в научной сфере» [17].

Отсюда следует, что молодежный парламента не имеет устойчивой формы функционирования в Азербайджане. Более того, молодежный парламента не находится в структуре законодательного органа государственной власти, а является самостоятельной юридической организацией, что противоречит вышеуказанным характеристикам молодежного парламента.

Заключение

Представляется очевидным, что во всех странах СНГ, кроме России, складывается практически одинаково неудовлетворительная ситуация в сфере развития молодежного парламентаризма. В то же время все страны-участницы объединяет сущность идеи молодежного парламентаризма — политическая и правовая активизация молодежи, все поддерживают ее реализацию в государственно-законодательной (представительной) системе, свидетельством чего является решение Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (МПА СНГ) от 22 ноября 2012 г. № 47 о создании Молодежной межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ (ММПА СНГ) [18].

Это может подтвердить тот факт, что поддержка создания Молодежного парламента на базе (в структуре) МПА СНГ выражает согласие государств — участников МПА СНГ следовать нормам и требованиям данной формы взаимоотношений, ясно отраженной в Положении о ММПА СНГ: «ММПА СНГ состоит из молодежных парламентских делегаций государств — участников СНГ». Членами молодежных парламентских делегаций, как определяет данное Положение, могут быть **депутаты парламента стран СНГ до 35 лет и представители молодеж-**

ных парламента, молодежных консультативно-представительных структур, созданных при национальных парламентах государств — участников СНГ. Эти два индикатора / условия являются довольно важными компонентами вышеуказанного решения, что обязывает страны-участницы соблюдать их.

В настоящее время на пространстве Содружества мало случаев, когда в состав национального парламента избирают 10–20 представителей молодежи в возрасте до 35 лет. В связи с этим невозможно сформировать молодежную парламентскую (национальную) делегацию в количестве 8–10 человек в каждой стране. Таким образом, соблюдение первого индикатора / условия является затруднительным для государств — участников СНГ. Выполнение второго индикатора / условия также затруднительно из-за отсутствия во многих странах СНГ молодежных парламента при национальных парламентах государств — участников СНГ.

Следует упомянуть о Стратегии международного молодежного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств на период до 2020 года, утвержденной решением Совета глав государств СНГ от 10 декабря 2010 г., в которой сформу-

лирована следующая задача: «Создание эффективной модели взаимодействия детских и молодежных общественных объединений и организаций государств — участников СНГ». Реализация Стратегии осуществляется уже несколько лет, однако указанная модель взаимодействия молодежных общественных объединений в устойчивом формате на пространстве СНГ до сих пор отсутствует, т. е. задача пока остается невыполненной.

Молодежный парламент во главе с Молодежной МПА — именно та модель, которая могла бы обеспечить эффективное взаимодействие молодежных объединений и активной молодежи стран СНГ в контексте развития государственной молодежной политики, активизации молодежи и ее социализации в условиях глобализации современного общества.

Таким образом, на основании представленного анализа ситуации, накопленного опыта по формированию молодежного парламентаризма, его системной реализации в Российской Федерации можно считать целесообразной реализацию следующих мер.

1. Сформировать в странах СНГ систему молодежного парламентаризма на основе общественных консультативно-совещательных молодежных парламентов при представительных (законодательных) органах государственной власти (парламентах).

2. Разработать в рамках Молодежной МПА СНГ рекомендации по формированию и развитию молодежных парламентов на базе представительных (законодательных) органов государственной власти (парламентов) государств — участников СНГ с учетом следующих условий:

— молодежный парламент необходимо создавать в структуре представительного (законодательного) органа в организационно-правовом положении комиссии, комитета, палаты или в другой форме;

— молодежный парламент должен иметь общественный консультативный и совещательный статус;

— для молодежного парламента предпочтительно функционирование на общественных началах (не должен быть непосредственно привязан к государственным исполнительным органам, некоммерческим или предпринимательским организациям);

— молодежный парламент как представительный орган должен следовать принципу выборности управленческого персонала, иметь унифицированную форму консолидации членов на всех уровнях территориального внедрения модели;

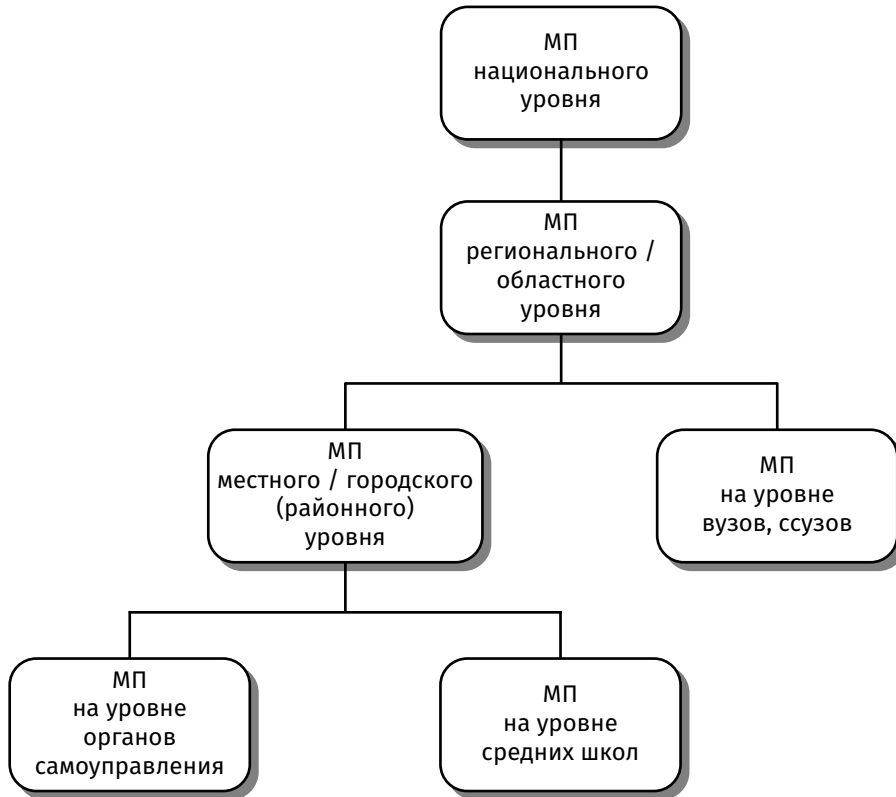
— для молодежного парламента обязательна иерархическая структура управления, подразумевающая подструктуры с единой формой управления на всех возможных территориальных уровнях (см. схему);

— необходимо обеспечивать условия и возможности для нормативно-правовой деятельности молодежного парламента и представление его рекомендательных решений в законодательный орган для последующего рассмотрения и реализации;

— члены / депутаты молодежного парламента должны иметь возможность участвовать в работе комитетов, комиссий или иных структур представительного (законодательного) органа.

3. Среди различных схем формирования молодежных представительных органов рекомендовать как более предпочтительную следующую: состав депутатов молодежного парламента национального уровня должен быть сформирован из числа депутатов регионального уровня, регионального уровня — из числа депутатов местного уровня и активных студентов, местного уровня — из числа депутатов местного самоуправления и активных учащихся, а депутаты уровня местного самоуправления должны быть избраны на основе общепринятых демократических принципов.

4. На национальном уровне следует законодательно закрепить вопрос о развитии и формировании системы молодежного парламентаризма, т. е. внести

Уровневая структура молодежных парламентов

соответствующие дополнения и изменения в законодательные акты, в том числе в регламенты представительного (законодательного) органа государственной власти, содержащие нормы обеспечения эффективного функционирования молодежного парламента в стране.

5. Необходимо учесть актуальность создания экономических условий для

эффективной деятельности молодежных парламентов, так как молодежный парламент — общественное объединение, соответственно, не имеет возможности самофинансирования. Более того, его миссия включает решение довольно важной национальной задачи — политической и правовой активизации молодежи.

Использованные источники

1. European Youth Parliament // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/European_Youth_Parliament.

2. Тощенко Ж. Т. Социология управления. Учебник для вузов. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011.

3. Молодежный парламентаризм // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Молодежный_парламентаризм (дата обращения: 14.12.2016).

4. Youth Participation in National Parliaments // Inter-Parliamentary Union. Berlin, 2011.

P. 19. URL: http://www.ipu.org/pdf/publications/youth_en.pdf.

5. Молодежная межпарламентская ассамблея государств — участников СНГ // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. URL: <http://www.iacis.ru/structure/tmpra/> (дата обращения: 10.03.2017).

6. Молодежный парламент при Государственной Думе ФС РФ // Единый портал молодежного парламентского движения России. URL:

<http://newparlament.ru/pages/view/structure/88> (дата обращения: 10.03.2017).

7. Координационный совет молодежных парламентов // Единый портал молодежного парламентского движения России. URL: <http://newparlament.ru/pages/view/structure/14> (дата обращения: 12.03.2017).

8. Молодежное парламентское движение: Региональный уровень // Единый портал молодежного парламентского движения России. URL: <http://newparlament.ru/workspaces/regional> (дата обращения: 12.03.2017).

9. Молодежный парламент Кировской области // Единый портал молодежного парламентского движения России. URL: <http://newparlament.ru/workspaces/about/4> (дата обращения: 12.03.2017).

10. Положение о Молодежном парламенте Вологодской области // Единый портал молодежного парламентского движения России. URL: <http://newparlament.ru/pages/view/documents/1207> (дата обращения: 12.03.2017).

11. Положение о молодежном парламенте Егорьевского муниципального района // Единый портал молодежного парламентского движения России. URL: <http://newparlament.ru/pages/view/documents/1232> (дата обращения: 13.03.2017).

12. О молодежном парламенте // Молодежный парламент, 2009. URL: <https://sites.google.com/site/youthparliam/about-yr> (дата обращения: 13.03.2017).

13. В Бишкеке стартовал молодежный Парламент // КНИА «Кабар». URL: <http://old.kabar.kg/>

rus/society/full/111772 (дата обращения: 13.03.2017).

14. Молодежный парламент будет создан в Беларуси // Минский районный исполнительный комитет [официальный сайт]. URL: <http://www.mrik.gov.by/ru/republic-ru/view/molodezhnyj-parlament-budet-sozdan-v-belarusi-5666/> (дата обращения: 13.03.2017).

15. Создается Молодежный парламент // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: http://www.parliament.am/news.php?do=view&cat_id=2&day=04&month=04&year=2011&NewsID=4434&lang=rus (дата обращения: 13.03.2017).

16. Молодежный парламент будет играть активную роль в общественно-политической жизни Азербайджана — Джейхун Османлы // ИА 1NEWS.AZ. URL: <http://www.1news.az/news/molodezhnyj-parlament-budet-igrat-aktivnyu-rol-v-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-azerbaydzhana-dzheyhun-osmanly> (дата обращения: 14.03.2017).

17. В Азербайджане создается Молодежный парламент // Trend News Agency. URL: <http://www.trend.az/azerbaijan/politics/2026125.html> (дата обращения: 14.03.2017).

18. Положение о Молодежной межпарламентской ассамблее государств-участников // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. URL: http://iacis.ru/upload/iblock/a61/k-p.2_polozhenie-mmppa-sng.pdf (дата обращения: 14.03.2017).

Е. О. Дуйсембина

Социальные сети как политический инструмент в Российской Федерации

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена использования социальных сетей в качестве политического инструмента в Российской Федерации. Основные объекты изучения: состояние интернет-среды в России и практика использования социальных медиа в политической сфере на территории страны с 2000 г. по 2017 г. Представлены анализ социальных сетей и их места в современной политической жизни России, оценка перспектив использования социальных сетей на благо российского общества, а также методы повышения интернет-грамотности.

Ключевые слова: Интернет, интернет-грамотность, социальные сети, социальные медиа, «ВКонтакте», Twitter, гражданская вовлеченность, политическая ситуация в Российской Федерации.

Об авторе

Екатерина Олеговна Дуйсембина (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; yduisembina@gmail.com

Y. Duisembina

Social Networks as a Political Instrument in Russian Federation

Summary: Following article is designed to conduct a research on political usage of social networks in Russian Federation. The main subjects examined throughout the study are the Internet environment in Russia and the practice of using social media in Russia as a political tool in period from 2000 to 2017. An analysis of social media situation and its place in political sphere in Russia nowadays is introduced. Perspectives on using social media for the benefit of Russian society and methods of raising the awareness of Internet literacy importance are included.

Keywords: Internet, Internet literacy, social networks, social media, VK, Twitter, civic engagement, political situation in Russian Federation.

About the Author

Yekaterina Duisembina (St. Petersburg, Russian Federation) — Postgraduate of the School of International Relations of the St. Petersburg State University; yduisembina@gmail.com

Тенденция превалирования социальных платформ в качестве источников политической информации для широких слоев населения, а также использования этих платформ в политических целях относительно нова для России, хотя давно закрепилась во многих других странах мира.

Несколько лет назад в США было проведено исследование, результаты которого показали, что большинство американцев пользуется Интернетом для получения политических новостей, 75% опрошиваемых подтвердили, что используют для этого социальные сети [1]. За прошедшие годы данный тренд не

только укоренился в сознании людей, но и был признан на государственном уровне. Так, важной частью предвыборных кампаний Д. Трампа и Х. Клинтон в 2016 г. были вовлеченность данных политиков в социальные медиа, в основном Twitter и Facebook, и взаимодействие с их пользователями [2].

Сегодня Россия далека от признания необходимости использования социальных сетей в политической практике. Согласно системе мониторинга и анализа бренда в социальных медиа и СМИ Brand Analytics в мае 2017 г. количество активных пользователей социальных медиа в России достигло 38 млн человек,

70% которых составили пользователи социальных сетей [3]. При этом динамику использования россиянами социальных сетей для получения политической информации проследить непросто. Однако, исследуя контент сети «ВКонтакте», самой популярной социальной сети в стране [3], можно заметить, что официальные сообщества в ней создали телеканалы «Россия 24», «Russia Today», медиахолдинг РБК и т. д. Страницы многих российских новостных служб в данной сети имеют более полумиллиона подписчиков. Говоря о Twitter, стоит отметить популярность официальных аккаунтов Министерства иностранных дел Российской Федерации, Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Медведева.

Несомненно, изучение вопроса использования социальных сетей в политической практике в долгосрочной перспективе может способствовать раскрытию потенциала Интернета как рычага развития гражданского общества в России, а также появлению более прогрессивных средств для ведения диалога «государство — граждане».

Об актуальности данной тематики свидетельствует повсеместное распространение Интернета и, как следствие, увеличение важности социальных сетей для большинства интернет-пользователей. Подводным камнем в этой ситуации является неподготовленность как официальных структур, так и гражданского общества, в частности в России, к вызовам, которые несет новая эпоха.

Социальные сети как политический инструмент обладают рядом качеств, доказывающих их способность влиять на политическую сферу той или иной страны. К таким качествам относятся: высокий уровень доступа по всему миру; широкий спектр возможностей для манипуляции пользователями; невозможность проверки информации на достоверность в связи с огромным количеством источников; количество времени, которое люди проводят в социальных сетях добровольно; разнообразие суще-

ствующих социальных сетей, что повышает вероятность вовлечения каждого пользователя хотя бы в одну из них; возможность выделять в качестве целевой аудитории определенную группу людей в связи с тем, что в большинстве случаев пользователи добровольно предоставляют частную информацию о себе онлайн.

С одной стороны, отмеченные качества позволяют применять социальные сети в России для реализации таких целей, как установление более доверительных и транспарентных отношений между правительством и населением. С другой стороны, эти качества порождают и негативные явления (например, феномен fake news и незаконное использование персональных данных пользователей), обусловленные низкой интернет-грамотностью в стране, что приводит к выводу о необходимости поднятия ее уровня.

Оценить политическую обстановку в России, связанную с социальными сетями, позволяет анализ «ВКонтакте». В 2016 г. международная правозащитная группа Agora опубликовала доклад «Россия под наблюдением», авторы которого сравнивают сегодняшнюю атмосферу социальных платформ с кибервойной [4]. «Сотни интернет-активистов, блогеров и простых пользователей подвергаются серьезному риску уголовного преследования за критику властей в интернете. Только в 2015 году вынесено не менее 18 приговоров к реальному лишению свободы за активность в Сети» [5]. Большая часть подобной активности выпадает на долю сети «ВКонтакте», история создания и развития которой сами по себе политизированы. Так, стоит упомянуть о протестах 2011 г. в Москве, сопровождавших выборы в Государственную Думу, и об обращении российских властей к П. Дурову, возглавлявшему эту социальную сеть в то время, с целью устранения аккаунтов политических активистов [6]. Будучи главой компании, П. Дуров отличался особым отношением к свободе слова, с чем мно-

гие связывали его отставку в 2014 г. [7]. Подобные примеры позволяют сделать вывод, что деятельность онлайн-платформ в политической сфере России во многом обуславливается государственными ограничениями. В то время как люди все чаще стремятся к получению политической информации из социальных сетей, закон скорее ограничивает подобную инициативу, чем поощряет ее. С. Грин, директор Института России Королевского колледжа Лондона, предположил, что существует определенная черта, дальше которой компаниям в России невозможно развиваться и распространять свое влияние без вовлечения интересов государства [8]. Социальные платформы и их руководители, вероятно, испытывают на себе некоторую долю политического давления, однако трудно представить, что Марк Цукерберг, генеральный директор Facebook, оставил бы свой пост из-за разногласий с действующим правительством.

Пример онлайн-активности в период выборов 2011 г. является одним из многих. По мере того как социальные сети развиваются и увеличивают свою аудиторию, меняется и их роль в политической жизни России. Однако подготовленность отечественных интернет-пользователей к новым технологическим прорывам, которые влияют и на расширяющиеся возможности социальных сетей, в том числе в политической сфере, в настоящее время находится под вопросом.

Для более детального анализа социальных платформ как политического инструмента в России можно прибегнуть к рассмотрению коммуникационной схемы «государство — граждане», которая контролируется законодательством. Существует законодательство, регулирующее распространение информации и обмен данными в Интернете, к нему относятся Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей

вред их здоровью и развитию» и некоторые другие.

Несмотря на то что обеспечение безопасной среды для пользователей Интернета является важной задачей, упомянутые федеральные законы и поправки к ним вызвали критику не только среди интернет-пользователей, но и среди представителей бизнес-сообщества России — во многом из-за двусмысленности формулировок и введения большого числа норм, регулирующих интернет-коммуникации и налагающих на онлайн-сообщество новые ограничения. Поиск баланса в отношениях «государство — граждане», перенесенных в онлайн-сферу, может оказать позитивное влияние на политическую обстановку в России не только в Интернете, но и в реальности. Взаимодействие государства и граждан путем онлайн-коммуникаций через социальные платформы может положительно сказаться на уровне доверия населения страны к правительству, политической активности граждан и поднятии духа гражданского общества в Российской Федерации.

В США, как и во многих других странах, ядром гражданской активности и важной частью электората сегодня является молодежь. Один из эффективных способов ее вовлечения в политическую жизнь — использование социальных сетей. В России молодежь может выступить в роли проводника других групп населения к преимуществам онлайн-политики, которые несет с собой новая информационная эпоха. Однако для того чтобы у российской молодежи была возможность действовать, необходимо привести образовательную систему страны в соответствие с требованиями современного мира. Так, использование новых технологий, в частности социальных сетей, должно пропагандироваться в учебных заведениях как средство формирования гражданской позиции и проявления политической активности. Последний документ, устанавливающий стандарты преподавания информатики в школах России (в 10–11-х классах), —

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования — датируется 2012 г. [9]. Этот документ имеет отношение к формированию взглядов молодого поколения на использование технологий, однако принятые пять лет назад стандарты в век стремительного научно-технического прогресса следует признать устаревшими. Государству необходимо осознать значимость повышения интернет-грамотности россиян и пересмотреть образовательные стандарты.

Существует большое количество бесплатных онлайн-платформ, предлагающих обучающие курсы, однако и роль государства в вопросе повышения интернет-грамотности важна. Благодаря различным интерактивным средствам можно достичь более глубокого видения политической ситуации в стране и в мире. Социальные медиа и цифровые каналы коммуникации должны находиться в тесной связи с образовательной системой, традиционными средствами коммуникации, чтобы обеспечить людям, далеким от новых технологий, наиболее мягкую трансформацию.

Размещение большего количества транспарентной политической информации онлайн, в том числе посредством использования социальных сетей, могло бы способствовать росту гражданской активности россиян. Однако сегодня лишь некоторые российские политики

и государственные органы имеют, например, аккаунты в Twitter.

Законодательные ограничения деятельности в российских социальных сетях привели к использованию оппозиционными или альтернативными структурами онлайн-платформ, имеющих более гибкие рамки для публикуемого контента, за пределами страны. Хотя при размещении информации на этих платформах велика вероятность потери значительного сегмента аудитории. В 2013 г. Россия предложила временное убежище Э. Сноудену, однако в остальном для страны характерна политика ограничений по отношению как к иностранному, так и к отечественному сегментам Интернета.

Стоит отметить, что изложенные в данной статье концептуальные предложения не найдут отклика ни у населения, ни у правительства до тех пор, пока отношения между обществом и властью не станут более доверительными. В будущем в стране количество исследований, посвященных данному вопросу, будет расти, отвечая современным тенденциям перемещения политических дебатов и решений в интернет-пространство. Число пользователей социальных сетей увеличивается на миллионы человек каждый месяц, поэтому нельзя упускать любую возможность улучшить среду социальных сетей в России.

Использованные источники

1. Survey: More Americans Get News from Internet than Newspapers or Radio // CNN. URL: <http://edition.cnn.com/2010/TECH/03/01/social.network.news/index.html>.

2. Candidates Differ in Their Use of Social Media to Connect with the Public // Pew Research Center. URL: <http://www.journalism.org/2016/07/18/candidates-differ-in-their-use-of-social-media-to-connect-with-the-public/>.

3. Социальные сети в России, лето 2017: цифры и тренды // Brand Analytics. URL: <http://blog.br-analytics.ru/sotsialnye-seti-v-rossii-let-2017-tsifry-i-trendy/>.

4. Russia's Social Networks Users Under Martial Law. A summary of Agora's Report on Freedom in the Russian-language Internet // Meduza. URL: <https://meduza.io/en/feature/2017/02/07/russia-social-networks-users-under-martial-law>.

5. Гайнутдинов Д., Чиков П. Россия под наблюдением. URL: https://meduza.io/static/0001/Surveillance_Report_Agora.pdf.

6. Russian Social Network Rebuffs FSB Request to Close 'Opposition' Accounts — Spokesman // Sputnik International. URL: <https://sputniknews.com/russia/20111208169489984/>.

7. Левитин В. Павла Дурова уволили с поста гендиректора «ВКонтакте» // Россия сегодня. URL: <https://ria.ru/society/20140421/1004858507.html>.

8. Toor A. How Putin's Cronies Seized Control of Russia's Facebook // The Verge. URL: [https://www.the-](https://www.the-verge.com/2014/1/31/5363990/how-putins-cronies-seized-control-over-russias-facebook-pavel-durov-vk)

[verge.com/2014/1/31/5363990/how-putins-cronies-seized-control-over-russias-facebook-pavel-durov-vk.](https://www.the-verge.com/2014/1/31/5363990/how-putins-cronies-seized-control-over-russias-facebook-pavel-durov-vk)

9. Федеральные государственные образовательные стандарты // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: [https://минобрнауки.рф/документы/336.](https://минобрнауки.рф/документы/336)

А. С. Булатова

Россия и США: 1991–2016 годы

Аннотация: В статье дан краткий обзор развития отношений России и США на современном этапе, разделяя их на определенные тематические блоки, что позволило проанализировать динамику развития взаимодействия сторон, а также выявить факторы, оказывающие влияние на процесс.

Ключевые слова: Россия, США, российско-американские отношения.

Об авторе

Алина Сергеевна Булатова (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; alina.bulatova.vlg@yandex.ru

A. Bulatova

Russia and the USA: 1991–2016

Summary: The article offers a brief overview of the development of the Russia-USA relations in the modern period. They are divided into specific subject-matter topics. This allows us to analyze the dynamic of the relations development and to identify the factors influencing the process.

Keywords: Russia, USA, Russia — USA relations.

About the Author

Alina Bulatova (St. Petersburg, Russian Federation) — Postgraduate of the School of International Relations of the St. Petersburg State University; alina.bulatova.vlg@yandex.ru

8 декабря 1991 г. СССР распался: было подписано Беловежское соглашение. На его место пришли независимые государства, часть из которых образовали СНГ. Российская Федерация стала правопреемницей Советского Союза. Исчезновение великой державы, политический, социальный, экономический кризис в России в 1990-е гг., резкое изменение всей международной системы и потеря Российской Федерацией престижа на мировой арене привели к тому, что Соединенные Штаты Америки фактически оказались единственным мировым лидером. Анализ российско-американских отношений на современном этапе мы разделим на тематические блоки.

Политические взаимоотношения России и США: краткая хронология событий. После распада СССР отношения двух стран претерпели сильные изменения. Уже 1 февраля 1992 г. президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки (Б. Н. Ельцин

и Дж. Буш-старший) впервые официально провозгласили завершение холодной войны [1].

10 февраля 1992 г. началась операция США «Provide Hope» по поставкам гуманитарной помощи странам СНГ для поддержания молодых демократий в период их перехода к рыночной экономике.

17 июня 1992 г. в Вашингтоне состоялось подписание Хартии российско-американского партнерства и дружбы, которая провозглашала «*взаимное доверие и уважение как основы взаимоотношений*» [2].

3 января 1993 г. в Москве между Россией и США был заключен Договор о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-II).

Ванкуверской декларацией, подписанной по итогам встреч в Канаде 3–4 апреля 1993 г., была учреждена комиссия под руководством Председателя Правительства Российской Федерации В. С. Черномырдина и вице-прези-

дента Соединенных Штатов А. Гора, «которая занималась бы двусторонним сотрудничеством в области энергетики и космоса» [3]. Она стала одной из наиболее успешно работающих структур в российско-американских отношениях. Кроме того, на этой встрече был согласован пакет двусторонних экономических программ и мер, направленных на всестороннюю поддержку Российской Федерации для успешного перехода к рыночной экономике и решения неотложных гуманитарных вопросов.

13 мая 1993 г. США заявили об отказе от разработки программы стратегической оборонной инициативы.

В июле 1994 г. была опубликована «Стратегия национальной безопасности участия и расширения», ставшая основой проводимой внешней политики США. Окончательно сформулирована она была в 1996 г. и содержала в себе основные положения нового курса, предполагавшего принцип ограниченного участия США в решении международных проблем при их обязательном лидерстве.

27 мая 1997 г. состоялось подписание основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора.

26 сентября 1997 г. Министр иностранных дел России и Государственный секретарь США подписали Протокол к Договору СНВ-II, предусматривавший отсрочку его осуществления на несколько лет — с 31 декабря 2001 г. до 31 декабря 2007 г.

В 1997 г. была создана организация «Проект нового американского века» (Project for the New American Century, PNAC), в которую вошли видные представители военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов. Ее члены, в том числе Р. Чейни, Д. Рамсфелд, П. Волфовиц, заняли ответственные посты в администрации Дж. Буша-младшего. Эти люди играли важнейшую роль в формировании внешней политики США. В сентябре 2000 г. PNAC опубликовала

доклад «Перестройка обороны Америки: стратегии, силы и ресурсы для нового столетия» (Rebuilding America's Defenses: Strategies, Forces, and Resources for a New Century). Авторы данного доклада видели основной целью США в XXI в. сохранение своей военной мощи и глобальной роли в однополярном мире, что предполагало не поддержание ядерного паритета с Россией, а создание полного превосходства в этой области. Более того, была прописана необходимость развития глобальной противоракетной обороны США для защиты страны и союзников, а также как основы обеспечения влияния Соединенных Штатов в мире [4].

14 апреля 2000 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла решение о ратификации российско-американского Договора СНВ-II, предполагавшего сокращение стратегических наступательных вооружений обеих стран.

22 июля 2001 г. в рамках саммита «Большой восьмерки» в Генуе (Итальянская Республика) состоялись переговоры представителей России и США в узком составе. По итогам встречи было принято совместное заявление об учреждении нового института сотрудничества — «Российско-американского делового диалога». Важным достижением стала договоренность о начале консультаций по взаимосвязанным вопросам наступательных и оборонительных систем [5].

13–15 ноября 2001 г. состоялся первый официальный визит Президента Российской Федерации в Соединенные Штаты Америки. В результате были приняты шесть совместных заявлений, посвященные новым отношениям между странами, экономическим вопросам, борьбе с биотерроризмом, противодействию незаконному обороту наркотиков, положению в Афганистане и ситуации на Ближнем Востоке. Кроме того, государства приняли «План совместных действий», который определил основные направления сотрудничества в политической и экономической областях, а также на международной арене.

23–26 мая 2002 г. состоялся ответный официальный визит Дж. Буша-младшего в Россию, в ходе которого 24 мая был подписан Договор СНП (О сокращении стратегических наступательных потенциалов) и принята Совместная декларация Президента В. В. Путина и Президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. Кроме того, была учреждена Консультативная группа по вопросам стратегической безопасности во главе с руководителями внешнеполитических ведомств и министрами обороны двух стран.

28 мая 2002 г. на базе ВВС Италии Пратика-ди-Маре под Римом на фоне общего улучшения отношений между Россией и странами Запада (и как следствие, с Североатлантическим альянсом, взаимодействие с которым было заморожено с марта 1999 г. из-за военной операции НАТО в Югославии) состоялся саммит Россия — НАТО. На нем была подписана Римская декларация о новом формате отношений, в соответствии с чем был создан Совет Россия — НАТО (СРН), предназначенный для проведения консультаций, сотрудничества и достижения консенсуса между Североатлантическим альянсом и Российской Федерацией [6].

Несмотря на приложенные Россией усилия в построении дружественных отношений со странами Запада, в 2002–2003 гг. произошел целый ряд событий, наглядно продемонстрировавших неоднозначность ситуации: выход США из Договора по ПРО 1972 г., война в Ираке 2003 г. и ликвидация в этой стране крупнейших российских нефтяных концессий, расширение Североатлантического альянса на восток.

В 2007 г. наступило отчетливое осознание изменений в международной обстановке. Мюнхенская речь Президента Российской Федерации В. В. Путина стала неожиданностью для стран Запада и послужила сигналом к тому, что Россия требует равного к себе отношения.

По мнению российского исследователя А. Г. Арбатова, серьезность намере-

ний Российской Федерации отстаивать свои национальные интересы, при необходимости даже силовым путем, была воспринята только после вооруженного конфликта в Грузии в августе 2008 г. [7].

Таким образом, именно в 2008 г. произошел первый серьезный конфликт между Россией и Соединенными Штатами в XXI в. Для восстановления отношений потребовались значительные усилия. Одним из таких шагов стало заявление Президента США Б. Обамы 17 сентября 2009 г. о корректировке политики страны по противоракетной обороне — новый «поэтапный адаптивный» подход в Европе, который предполагал проведение развертывания в четыре этапа, а также территориально-технологические конфигурации.

В 2009 г. была образована Российско-американская двусторонняя президентская комиссия (US-Russia Bilateral Presidential Commission), осуществлявшая работу по целому ряду вопросов, касающихся как взаимоотношений двух государств, так и проблем мирового характера. В частности, начала деятельность рабочая группа по контролю над вооружениями и международной безопасности, возглавляемая с российской стороны заместителем Министра иностранных дел Российской Федерации С. А. Рябковым, с американской — старшим заместителем Государственного секретаря США Э. Таушером [8]. Однако, несмотря на принятые решения, планы по перезагрузке российско-американских отношений, объявленные новым правительством США, так и не были реализованы в полной мере.

19–20 ноября 2010 г. в Лиссабоне прошел саммит Североатлантического альянса, в ходе которого была утверждена новая стратегическая концепция НАТО. В ней впервые была прописана необходимость развития отношений с Российской Федерацией. В рамках саммита состоялось заседание Совета Россия — НАТО на высшем уровне с участием Президента Российской Федерации Д. А. Медведева.

В сентябре 2012 г. вступило в силу двустороннее соглашение об упрощении визовых формальностей.

2013 г. был отмечен серьезными разногласиями между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки по вопросам разрешения ситуаций в Сирии и КНДР, строительства системы противоракетной обороны в Европе, положения некоммерческих организаций в России, принятым в декабре 2012 г. «законам» Магнитского и Димы Яковлева. Состоялось задержание сотрудника ЦРУ Р. Фогла, работавшего в должности третьего секретаря политического отдела Посольства США в России, а также было предоставлено убежище Э. Сноудену. В связи с отсутствием прогресса в двусторонних переговорах в сентябре 2013 г. был отменен визит Б. Обамы в Москву.

В 2013 г. США вышли из рабочей группы Российско-американской двусторонней президентской комиссии по гражданскому обществу. А в 2014 г. деятельность комиссии в целом была приостановлена по инициативе США. События на территории Украины и присоединение Крыма к Российской Федерации в 2014 г. обострили отношения России со странами Запада до уровня холодной войны [8].

17 марта 2014 г. Соединенные Штаты Америки, не согласные с действиями России в ходе украинского кризиса, ввели санкции в отношении высокопоставленных российских политиков (запрет на въезд на территорию США и блокировку активов и собственности). В тот же день министры иностранных дел стран Евросоюза также договорились о введении санкций. В ответ на это 20 марта 2014 г. МИД России опубликовало список официальных лиц и членов Конгресса США, которым был запрещен въезд в Российскую Федерацию. Так началась санкционная политика, действующая по настоящее время.

24 сентября 2014 г. Президент США с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН заявил, что основными мировыми угрозами сегодня являются вирус Эбола, действия России в Европе и террористы

«Исламского государства» (запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации) в Сирии и Ираке. В рамках двустороннего политического диалога в течение 2014 г. президенты В. В. Путин и Б. Обама общались по телефону и несколько раз встречались на международных мероприятиях.

14 ноября 2016 г. в телефонном разговоре Президент Российской Федерации В. В. Путин и новоизбранный Президент Соединенных Штатов Америки Д. Трамп согласились в оценке *«крайне неудовлетворительного состояния российско-американских отношений и высказались в пользу активной совместной работы по их нормализации и выведению в русло конструктивного взаимодействия по самому широкому кругу вопросов»* [9].

Роль событий в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Регион Ближнего Востока и Северной Африки всегда играл важную роль во взаимоотношениях между ведущими державами мира. После краха Советского Союза и начала кризиса в стране Россия долгое время не уделяла этому региону должного внимания, что сказалось на ее позициях в нем. Тем не менее Российская Федерация остается вовлеченной в происходящие там процессы, а в последние годы все более убедительно принимает участие в урегулировании проблем. Безусловно, данные события не могут не оказывать своего воздействия на двусторонние отношения России и США. Внимание заслуживает широкий круг вопросов, однако мы затронем только некоторые из них.

В 1992 г. между Российской Федерацией и Ираном было заключено соглашение «Об использовании ядерной энергии в мирных целях», касавшееся строительства АЭС и сотрудничества двух стран в области мирного использования ядерной энергии. В ряде государств, в частности в США и Израиле, отрицательно восприняли как ядерную программу Ирана, так и его сотрудничество с Россией в этой области. 14 июля 2015 г. министерствами иностранных

дел России, США, Китая, Великобритании, Франции, Германии и Ирана при участии Верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини был согласован Совместный всеобъемлющий план действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы. Таким образом, напряженность в данном вопросе должна была быть снята. Сейчас Иран является важным партнером Российской Федерации в регионе Ближнего Востока, что открыто критикуется в США [10]. Новая администрация Президента Соединенных Штатов Д. Трампа выразила недовольство совершенной сделкой по иранской ядерной программе. Сегодня в адрес Ирана все чаще звучат обвинения в агрессивном и провокационном поведении. По мнению американского специалиста по Ближнему Востоку К. Кацмана, США в настоящий момент рассматривают разные варианты, вплоть до выхода из соглашения по иранской ядерной программе и введения новых санкций [11].

Ухудшению российско-американских отношений в 2003 г. послужила военная операция под эгидой США и Великобритании, которая последовала за вторжением в Ирак американских войск. По сути, целью Соединенных Штатов в иракской войне 2003 г. являлось получение доступа к нефтяным ресурсам страны и закрепление своего видения мирового порядка в XXI в. без учета роли ООН. Россия отнеслась к таким действиям крайне отрицательно. 15 декабря 2011 г. США официально завершили войну в Ираке, но там до сих пор продолжается гражданская война, осложненная тем, что в ней принимает участие террористическая организация «Исламское государство» [12].

В середине февраля 2011 г. в Ливии начались массовые демонстрации с требованием отречения правительства М. Каддафи, которые впоследствии переросли в вооруженное противостояние между правительственными силами и оппозицией. В марте 2011 г. Совет Безопасности

ООН ввел в Ливии бесполетную зону для защиты населения страны от ударов войск М. Каддафи. Сейчас данную резолюцию называют одним из серьезных дипломатических поражений России, ведь введение бесполетной зоны фактически дало основания для операции НАТО на этой территории. В настоящее время Ливия переживает тяжелый кризис, в стране происходят теракты, ведутся военные действия, нет сильной единой власти. По оценке Министерства иностранных дел Российской Федерации, хаос в Ливии стал прямым следствием безответственного вмешательства США и союзников по НАТО во внутривосточный конфликт для свержения режима М. Каддафи с целью «демократизации» страны [13].

Одним из самых значительных вызовов для международного сообщества последних лет стала ситуация в Сирии. В марте 2011 г. в стране начался глубочайший внутривосточный кризис, который уже к концу года перерос в вооруженный конфликт. Его разрастанию способствовала беспрецедентная интернационализация с поддержкой антиасадовской оппозиции региональными (Турция, арабийские монархии) и внешними (в первую очередь США и Франция) игроками. На таком фоне в рядах вооруженной оппозиции усилилось влияние исламских радикалов. Ситуацией воспользовалось «Исламское государство Ирака и Леванта» (позже переименованная в «Исламское государство»). Летом 2014 г. эта террористическая организация провозгласила создание халифата на захваченных территориях Сирии и Ирака. С самого начала сирийского кризиса Российская Федерация неоднократно предупреждала США и их союзников о необходимости учитывать риск развития террористической угрозы в регионе. 30 октября 2015 г. российские военнокосмические силы начали операцию по военной поддержке сирийских войск с воздуха для осуществления борьбы с ИГИЛ. Между Россией и Соединенными Штатами нет согласия по будущему

устройству государства. Они осуществляют поддержку разных политических и военных сил в стране. На уровне Совета Безопасности ООН ведутся жесткие дискуссии по Сирии и событиям, связанным с применением химического оружия [14].

Кроме выше обозначенных вопросов, отметим влияние на позиции государств в регионе целого ряда событий, таких как взрыв авиалайнера А321, следовавшего из Египта в Санкт-Петербург 31 октября 2015 г., инцидент с российским самолетом Су-24, сбитым Турцией и др. Турецкая Республика также является немаловажным фактором в российско-американских отношениях.

Важно учитывать, что со времени противостояния в регионе Ближнего Востока и Северной Африки США и СССР, которые обычно поддерживали там противоборствующие в конфликтах силы, ведущие глобальные игроки утратили возможность удерживать ситуацию в определенных рамках. В результате этого образовался ряд очагов напряженности, служащих источником распространения исламского экстремизма и терроризма. Более того, идет трансформация привычных союзнических связей мировых и региональных игроков [15].

Однако помимо множества противоречий между Россией и Соединенными Штатами в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, можно назвать примеры и конструктивного сотрудничества государств. Событием, оказавшим сильнейшее влияние на развитие мира и российско-американских отношений, стал террористический акт 11 сентября 2001 г. Мировое сообщество объединилось в своей солидарности: 12 сентября 2001 г. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций принял резолюцию № 1368, которая подтвердила право государства на самооборону в случае агрессии и призывала к осуществлению правосудия и участию стран в антитеррористических мерах. Отметим, что на тот момент, несмотря на все разногласия, Россия стала для США важным партне-

ром по проблемам безопасности и представляла минимальную угрозу для Североатлантического альянса; в частности, успешно реализовывалось сотрудничество двух стран по Афганистану [16].

События на пространстве бывшего социалистического блока и СССР. Первый серьезный конфликт в современных российско-американских отношениях связан именно с бывшей сферой влияния СССР. Распад Югославии вызвал ряд напряженных процессов на Балканах, обострение этноконфессиональных вопросов и необходимость участия внешних акторов в разрешении проблем. Остановимся только на нескольких из них.

Настоящим испытанием для Европы и мира стала Боснийская война 1992–1995 гг. Несмотря на усилия ООН и ЕС, конфликт не прекращался. В 1993 г. в миротворческой деятельности начали активно принимать участие Соединенные Штаты, а операция НАТО значительно продвинула ситуацию в сторону мирного исхода. В итоге 14 декабря 1995 г. были подписаны Дейтонские соглашения, благодаря которым была создана Босния и Герцеговина в том виде, в котором она существует сегодня. Безусловно, Россия также принимала участие в урегулировании ситуации наряду с Францией, Германией и Великобританией. Однако разрешение боснийского конфликта стало прорывом именно американской дипломатии, которая закрепила свое присутствие в Европе на совершенно отличных по сравнению с периодом холодной войны условиях. Таким образом, доминирование одной силы в урегулировании и отсутствие серьезных интересов других сторон позволили России и США успешно сотрудничать в данном процессе.

Косовский кризис, напротив, в этом плане сильно отличается от предыдущего примера. В конце 1990-х гг. в Совете Безопасности ООН развернулась острая дискуссия по поводу методов урегулирования: США и Великобритания исходили из возможности военного решения конфликта, а Россия и Китай настаивали на дипломатическом варианте.

В 1999 г. страны Североатлантического альянса во главе с Соединенными Штатами начали интервенцию в Югославию: без санкции Совета Безопасности ООН началась операция «Союзная сила». Она позиционировалась как «гуманитарная интервенция», что подразумевает вмешательство мирового сообщества во внутренние дела страны в том случае, если последняя будет заподозрена в нарушении прав человека (геноциде) по отношению к населению. Отметим, что в мире до сих пор не выработано однозначного отношения к данной концепции. Россия с самого начала рассматривала бомбардировку Югославии как акт агрессии. Первой реакцией была отмена официального визита в США Председателя Правительства Е. М. Примакова, который в знак протеста развернул над Атлантическим океаном свой самолет и вернулся в Москву. Российская Федерация временно прекратила любое сотрудничество с Североатлантическим альянсом.

Конфликт в Косово 1999 г. проявил сильные противоречия между ведущими игроками в регионе. Помимо политического противостояния, не были скоординированы военные действия между «союзниками» (в данном случае Россией и США), что едва не спровоцировало новый международный кризис. А провозглашение независимости Косова в 2008 г. окончательно разделило страны на тех, кто признал и не признал новое государство, при этом не оказалось единства даже в рядах НАТО. Сами события в Сербии можно считать своеобразным прологом к «цветным революциям», развернувшимся позднее на всем постсоветском пространстве [17].

В 2003 г. в Грузии произошла так называемая «революция роз». М. Саакашвили, сменивший на посту Президента Э. Шеварднадзе, проводил откровенно проамериканскую политику. В 2004 г. состоялась «оранжевая революция» в Украине. Революция в Узбекистане и «революция тюльпанов» в Кыргызстане в 2005 г. не достигли своих целей.

В ночь на 8 августа 2008 г. грузинские войска начали наступление на Цхинвал (Южная Осетия). Россия ввела войска для защиты проживающих в регионе российских граждан и в помощь российским миротворцам. А 26 августа 2008 г. Российская Федерация признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Данные события вызвали очередной виток противостояния между Россией и США.

Таким образом, украинский кризис стал окончательным моментом ухудшения отношений между Российской Федерацией и Соединенными Штатами, которые вступили в самый трудный период после окончания холодной войны. США и их союзники совершили большие стратегические просчеты в отношении «арабской весны», пошли на силовое вмешательство вне правового поля, что раскололо великие державы и парализовало деятельность Совета Безопасности ООН. В диалоге с Россией по противоракетной обороне и другим вопросам контроля над вооружениями Вашингтон не проявил гибкости и понимания того, что единство с Российской Федерацией по проблемам ядерного и ракетного распространения намного важнее, чем те или иные технико-географические параметры программы ПРО.

Наступила глубокая стагнация системы и процесса ограничения и сокращения ядерных и обычных вооружений. Распался Договор об обычных вооруженных силах в Европе, и замены ему не предвидится. Противоречия России и США в сфере противоракетной обороны, ограничения тактического ядерного оружия и стратегических вооружений в обычном оснащении могут разрушить остатки системы ядерного разоружения, включая Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности от 1987 г. и новый Договор СНВ. Стороны оказались на пороге гонки вооружений по новейшим направлениям военных технологий.

Все строится на истории, и чтобы определить взаимоотношения между Российской Федерацией и Соединенными

ми Штатами Америки, были выделены ключевые факторы, игравшие весомую роль в построении позиций стран в отношении друг друга: состояние развития государства (чем сильнее обе страны, тем хуже развиваются их отношения); наличие общего сильного «врага» (причем, чем он сильнее, тем больше сближения и заинтересованности во взаимной поддержке; а если общий враг недостаточно силен или отсутствует на определенном этапе, то стороны склонны видеть врага именно друг в друге); обеспечение своей национальной безопасности (для каждой из сторон в своем понимании проблемы); наличие сильных позиций и влияния в Европе и постсоветском пространстве, Азиатско-Тихоокеанском регионе и регионе Ближнего Востока и Северной Африки; идеологическое противостояние (фактически предложение двух разных вариантов для мира).

В результате стоит отметить следующее: отношения между Россией и Соединенными Штатами Америки пережили сильную трансформацию, как и сами государства. Чем сильнее и развитее становились обе страны, тем чаще их интересы сталкивались на мировой арене. Причем в XXI в. при сохранении США статуса сверхдержавы эта тенденция проявляется в одностороннем порядке: чем больше укрепляет свои позиции Россия, тем сильнее она вызывает подозрения со стороны США и тем более глубокие возникают противоречия. Но сегодня существует гораздо больше акторов, которые могут значительно влиять на построение взаимодействия каких бы то ни было сторон. Ввиду этого как России, так и Соединенным Штатам приходится искать свое положение в мире, утверждать позиции и отстаивать национальные интересы.

Использованные источники

1. Кэмп-Дэвидская декларация Президента Буша и Президента Ельцина о новых отношениях, 1 февраля 1992 года // Дипломатический вестник. 1992. № 4–5. Спец. вып. С. 12.
2. Хартия российско-американского партнерства и дружбы, 17 июня 1992 года // Дипломатический вестник. 1992. № 13–14. С. 7–11.
3. Ванкуверская декларация, 3–4 апреля 1993 года // Дипломатический вестник. 1993. № 7–8. С. 18–19.
4. *Rebuilding America's Defenses: Strategies, Forces, and Resources for a New Century* // A Report of The Project for the New American Century, September, 2000. URL: <http://www.informationclearinghouse.info/pdf/RebuildingAmericasDefenses.pdf> (дата обращения: 12.03.2017).
5. Хроника встреч президентов России и США Владимира Путина и Джорджа Буша // РИА Новости. 2002. 23 мая. URL: <https://ria.ru/politics/20020523/152274.html> (дата обращения: 15.03.2017).
6. Отношения Россия — НАТО: Новое качество. Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств — членов НАТО, 28 мая 2002 года // Официальный портал НАТО. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_19572.htm (дата обращения: 15.03.2015).
7. Арбатов А. Г. Политика и национальная оборона // Совет по внешней и оборонной политике. URL: <http://svop.ru/news/3909/>.
8. О параметрах работы Российско-Американской Президентской комиссии, 15 октября 2009 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/277474 (дата обращения: 04.03.2017).
9. Двусторонние отношения. Российско-американские отношения // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/ru/maps/us/-/category/10498> (дата обращения: 29.01.2017).
10. О ходе выполнения Совместного всеобъемлющего плана действий по обеспечению мирного характера иранской ядерной программы // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/web/guest/o-hode-vypolnenia-sovmestnogo-vseob-emlusego-plana-dejstvij-po-obespeceniu-mirnogo-haraktera-iranskoj-adernoj-programmy> (дата обращения: 13.02.2017).
11. Katzman K. Iran: Politics, Human Rights, and U. S. Policy (CRS Report) // Congressional Research Service. 2017. February 17. P. 22.

12. Cordesman A. H., Khazai S. Iraq After US Withdrawal: The Search for Security and Stability // Center for Strategic and International Studies. 2012. July 18. P. 11–12.

13. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросом СМИ относительно урегулирования внутривосточного кризиса, 22 февраля 2017 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2655871 (дата обращения: 16.03.2017).

14. Humud C. E., Blanchard C. M., Nikitin M. B. D. Armed Conflict in Syria: Overview and U. S. Response // Center for Strategic and International Studies. 2017. January 6. P. 6–8.

15. Голубев Д. С. Стратегическое замешательство: о проблемах постановки и реализации целей в современной политике США на Ближнем Востоке // XXV Международный российско-американский семинар в Санкт-Петербургском государственном университете. С. 54–63.

16. O'Hanlon M. E. The Future of National Defense and the U. S. Military Ten Years After 9/11 // The Brookings Institution. 2011. September 13. URL: <https://www.brookings.edu/testimonies/the-future-of-national-defense-and-the-u-s-military-ten-years-after-911/> (дата обращения: 03.05.2017).

17. Барышников Д. Н. Конфликты и мировая политика : учеб. пос. М. : АСТ [и др.], 2008. С. 307–309.

С. А. Цыпляев

Конституционный тренд между стабильностью и конкуренцией

Аннотация: В статье представлены направления эволюции конституционного права в бывших советских республиках. Рассмотрена траектория движения России к Конституции 1993 г. Проанализированы шаги в направлении консолидации власти и постреволюционной стабилизации в России, Казахстане и Азербайджане. Дана оценка перспективам демократизации государственного устройства.

Ключевые слова: конституция, государственное строительство, бывшие советские республики, постреволюционная стабилизация, Россия, Казахстан, Азербайджан, перспективы демократизации.

Об авторе

Сергей Алексеевич Цыпляев¹ (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — декан юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса; stsyplyaev@gmail.com

S. Tsyplyaev

The Constitutional Trend Between Stability and Competition

Summary: The directions of the evolution of constitutional law in the former Soviet republics are studied. The trajectory of Russia's movement towards the 1993 Constitution is considered. Steps towards consolidation of power and post-revolutionary stabilization in Russia, Kazakhstan and Azerbaijan are analyzed. The prospects of democratization of the state structure are estimated.

Keywords: constitution, state building, former Soviet republics, post-revolutionary stabilization, Russia, Kazakhstan, Azerbaijan, democratization prospects.

About the Author

Sergey Tsyplyaev² (St. Petersburg, Russian Federation) — Dean of Law Department of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Full State Counselor of the Russian Federation of the Third Class; stsyplyaev@gmail.com

Государственное строительство после распада Советского Союза

Распад Советского Союза и социалистической системы вызвал взрывное об-

разование самостоятельных государств на постсоветском пространстве. Четверть

¹ В 1989–1992 гг. — народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, секретарь Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности; 1992–2000 гг. — представитель Президента Российской Федерации в городе Санкт-Петербурге; в 1994–2000 гг. (по совместительству) — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Межпарламентской Ассамблее государств — участников СНГ. В настоящее время — член Совета по внешней и оборонной политике и Комитета гражданских инициатив.

² In 1989–1992 years — People's Deputy of the USSR, Member of the Supreme Council of the USSR, Secretary of the Supreme Council's Committee on Defense and State Security; 1992–2000 — Representative of the President of the Russian Federation in the city of St. Petersburg; in 1994–2000 (part-time) — Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Interparliamentary Assembly of the CIS Member Nations. Currently — Member of the Council on Foreign and Defense Policy, Member of the Committee of Civil Initiatives.

века назад началась эпоха конституционного строительства в новых независимых государствах. Каждая страна обзавелась действующей конституцией — не символическим документом, извлекаемым из шкафа только по праздникам, а основным законом, регулирующим реальные отношения в обществе (табл. 1).

Для Советского Союза попытка руководствоваться конституцией закончилась печально. Неожиданно для многих выяснилось, что Конституция СССР определяет союзную республику как суверенное государство, обладающее правом свободного выхода из состава Союза — правом, ничем не ограниченным и не

обусловленным. Попытка создать Союз Суверенных Государств — восточно-европейский аналог Европейского союза была, казалось, близка к успеху: 20 августа 1991 г. предполагалось подписать соответствующий договор и девять союзных республик, в том числе Россия и Украина, были готовы к этому шагу. Но августовский путч уничтожил последние надежды: республики бросились врассыпную от грохочущих в Москве танков. Результаты путча для союзного государства оказались катастрофическими. Уже в августе 1991 г. о выходе из состава Советского Союза заявили: Эстония, Латвия, Молдавия, Азербайджан,

Таблица 1. Принятие конституций в бывших союзных республиках

№ п/п	Страна	Способ принятия	Дата
1	Литва	Парламент	11.03.1990
		Референдум	25.10.1992
2	Латвия	Парламент	04.05.1990–06.08.1993
3	Казахстан	Парламент	28.01.1992
		Референдум	30.08.1995
4	Туркмения	Парламент	18.05.1992
5	Эстония	Референдум	28.06.1992
6	Узбекистан	Парламент	08.12.1992
7	Киргизия	Парламент	05.05.1993
		Референдум	21.10.2007
		Референдум	27.06.2010
8	Россия	Референдум	12.12.1993
9	Белоруссия	Парламент	15.03.1994
10	Молдавия	Парламент	29.08.1994
11	Таджикистан	Референдум	06.11.1994
12	Армения	Референдум	05.07.1995
13	Грузия	Парламент	24.09.1995
14	Азербайджан	Референдум	12.11.1995
15	Украина	Парламент	12.07.1996

Таблица 2. Распределение стран по моделям республики

Модель республики	Страна
Парламентская	Армения (после 2015 г.), Киргизия (после 2010 г.), Латвия, Эстония
Президентская	Азербайджан, Таджикистан, Туркмения
Президентско-парламентская	Армения (до 2015 г.), Белоруссия, Грузия, Молдавия, Казахстан, Киргизия (до 2010 г.), Литва, Россия, Узбекистан, Украина

Киргизия, Узбекистан, в сентябре — Таджикистан и Армения, в октябре — Туркмения. Украина приняла решение о независимости 24 августа. Еще раньше Союз покинули Литва (11 марта 1990 г.) и Грузия (9 апреля 1991 г.). Остались Белоруссия, Казахстан, Россия. Советский интеграционный проект рухнул. Беловежские соглашения — лишь констатация этого факта и создание СНГ, мягкой рамки сосуществования бывших союзных республик.

У бывших союзных республик были два варианта действий. Первый — восстановление действия конституции до советского периода, если таковая имела в истории. Второй вариант — создание принципиально новых вариантов основного закона. По первому пути пошли Латвия и Литва.

Верховный Совет Латвийской ССР 4 мая 1990 г. провозгласил восстановление независимости Латвийской Республики и возобновление действия статей 1, 2, 3 и 6 конституции 1922 г. Полностью конституция была восстановлена 6 июля 1993 г., а в 1998 г. дополнена разделом о правах человека.

Верховный Совет Литовской ССР 11 марта 1990 г. отменил действие советских конституций, возобновил действие конституции 1938 г. и для согласования ее положений с фактической ситуацией принял Временный основной закон Литовской Республики. Позже Литва пошла по второму пути: ныне действующая конституция Литовской Республики была принята путем всенародного референдума 25 октября 1992 г.

Все остальные страны создавали новые конституции. Они были приняты в 1992–1996 гг.

Новые независимые государства избрали различные модели республик, некоторые — Киргизия и Армения — со временем перешли от президентской к парламентской. В табл. 2 представлено распределение стран по моделям республики, которое сложилось на настоящий момент.

Принятие конституции, фиксирующей определенную архитектуру публичной власти, знаменует собой завершение этапа политической борьбы, созидающее разрушение предыдущего порядка. Конституции выходят из революционных битв, опаленные огнем политических сражений. Они представляют собой оригинальное сочетание основополагающих идей и конкретного исторического расклада политических сил в стране.

Латвия и Эстония вернулись к парламентской республике — наиболее требовательной к уровню политической культуры граждан республиканской модели. Особая ситуация в Киргизии: страна прошла череду государственных переворотов, что не позволило какой-либо группировке консолидировать власть.

Президентские республики в восточном исполнении достаточно далеки от классического образца и не опираются на действительное разделение властей. Власть де-юре и де-факто концентрируется в руках президента.

Совершенно естественно, что большинство республик бывшего СССР вы-

брали президентско-парламентскую форму правления. Эта модель более всего подходит для начинающих демократических наций. Именно президентско-парламентская форма правления максимально дробит власть на части: здесь уже четыре центра власти, между которыми устанавливаются линии напряжения и сотрудничества. Политической традиции соответствует статус пре-

зидента в этой модели. Президент является главой государства, но не является главой исполнительной власти. Он стоит над тремя властями, обладая частью полномочий в каждой из них. Главная задача президента в такой модели — арбитраж, обеспечение согласованного функционирования всех властей. Роль примера России в выборе других республик тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Российский путь к новой конституции

Российская конституция прошла сложный эволюционный путь от исходной Конституции РСФСР к ныне действующей Конституции Российской Федерации. В череде часто вносимых поправок можно выделить несколько принципиальных узловых точек.

Изначально конституции СССР и РСФСР формально устанавливали республиканскую форму государственного правления, наиболее близкую к ее парламентскому варианту. Избираемые гражданами Верховные Советы формировали правительства — Советы Министров, избирали судей Верховных Судов, назначали руководителей прокуратур. В 1988 г. — в союзной конституции, а в 1989 г. и в российской появляется своеобразный орган — Съезд народных депутатов. Статья 104 Конституции РСФСР гласила: «Высшим органом государственной власти РСФСР является Съезд народных депутатов РСФСР. Съезд народных депутатов РСФСР правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР». Таким образом, это был абсолютный диктатор, исполняющий обязанности народа.

Можно указать два следствия этой неограниченной власти. Первое — постоянная конституционная нестабильность. Съезд голосованием принимал целый комплекс конституционных поправок, немедленно вступавших в действие, так что на следующий день вы уже имели другую страну. Подчас фундаментальные

изменения вносились «с голоса» — от микрофона в зале заседаний. Автор имел личный опыт такого изменения статьи 49 Конституции СССР, открывшего возможность создания политических партий в стране.

Второе следствие вытекает из первого. Ключевой властной фигурой в политической системе де-факто становился лидер Съезда народных депутатов. Публичные лидеры — и М. С. Горбачев, и Б. Н. Ельцин — считали, что они укрепляют свои позиции, занимая пост президента, наделенного персональными полномочиями. При этом они уходили с позиций председателей коллегиальных органов и постепенно утрачивали контроль над Съездом народных депутатов, т. е. важнейший рычаг власти. Если в случае с М. С. Горбачевым последствия не успели проявиться в полной мере, то российская ситуация предельно ясно продемонстрировала этот институциональный конфликт. Съезд народных депутатов под председательством Р. И. Хасбулатова начал все больше сдерживать реформаторский порыв президента, а затем приступил и к ограничению президентской власти. Исход этого «сражения» в рамках действующего законодательства не вызывал сомнения — предполагался полный разгром президентской власти и превращение ее в декоративную конструкцию. Эскалация конфликта привела к силовому противостоянию, разрешившемуся принятием новой Конституции Российской Федерации, которая

признает разделение властей в форме президентско-парламентской модели республики и не содержит такого института, как съезд народных депутатов.

Российская модель республики в основных чертах следует конструкции французской Пятой республики. В качестве существенных стоит выделить следующие отличия.

В российской конституции ослаблена исполнительная власть — правительство: президент России может самостоятельно отправить правительство в отставку, президент Франции этого не может, если правительство пользуется доверием парламента; президент России самостоятельно издает указы нормативного характера, президент Франции нуждается

в контрассигнации правительства по вопросам, прямо не отнесенным конституцией к его полномочиям.

Есть существенная разница и во взаимоотношениях с парламентом. Если президент и парламент не достигают согласия по поводу формирования правительства, то право «последней руки» в России оставлено за президентом, а во Франции — за парламентом. С другой стороны, вне ситуации спора о правительстве президент России не может распустить Государственную Думу, а президент Франции может распустить Национальное собрание в любое время (кроме первого года полномочий) после консультаций с председателями обеих палат и председателем правительства.

Постреволюционная стабилизация

В постсоветских странах вслед за общей дестабилизацией, вызванной распадом советской государственности, часто вспыхивала конкурентная борьба различных элитных групп за позицию в постреволюционном общественном устройстве. Естественным итогом этой борьбы становилась новая конституция, закреплявшая постреволюционный порядок. Подчас консолидация не удавалась, что приводило к новым столкновениям и конституционному переустройству. Ярким примером может служить Киргизия, где дважды отстранялись от власти президенты и дважды на референдумах серьезно менялась конституция вплоть до смены в 2010 г. модели республики с президентско-парламентской на парламентскую.

Любая революция заканчивается этапом консолидации власти. В обществе усиливаются реставрационные настроения, возникает запрос на стабильность. При этом можно выделить два базисных вектора стабилизации — динамическая и статическая стабильность.

Динамическая стабильность подразумевает создание устойчивых правил

игры, обеспечивающих регулярную смену политического руководства. Такая стабилизация осуществляется в форме конкурентных демократических процедур, например в США, где правила в основном неизменны более 200 лет, а результаты выборов приводят к смене политического руководства и правящих группировок.

Статическая стабильность подразумевает сколько угодно длительное пребывание у власти одной элитной группы во главе с несменяемым лидером. Яркий пример дает Казахстан, где идет де-факто шестой срок первого президента. Вторая тенденция, сопровождающая этот вариант стабилизации, — расширение властных полномочий президента, направленное на усиление контроля властной элиты.

Смешанный вариант реализован в Китае, здесь на основе внутриэлитного консенсуса каждые 10 лет происходит обязательная смена политического руководства при сохранении партийной монополии на власть. Сейчас у власти находится так называемое пятое поколение руководителей (счет поколений ведется от Мао).

Продлить прекрасное мгновение

Сегодня Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев является неоспоримым дуайеном корпуса руководителей на постсоветском пространстве: он был всенародно избран президентом 1 декабря 1991 г., будучи единственным кандидатом на этот пост, за него было подано 99% голосов при 88% участия в голосовании. При этом принятая 28 января 1993 г. конституция установила правило «не более двух сроков подряд», в то время считавшееся непременным атрибутом демократического порядка. 29 апреля 1995 г. в Казахстане прошел референдум по вопросу продления полномочий действующего президента до 1 декабря 2000 г.: «за» высказались 95% избирателей при 91% участия. 30 августа 1995 г. проводится следующий референдум, на нем принимается новая конституция страны, в которой сохраняется правило «не более двух сроков подряд» и появляется жесткое ограничение возраста президента — 35–65 лет, что с неизбежностью предопределяет плановую смену политического лидера.

Эта идеология продержалась недолго. Уже 7 октября 1998 г. в конституцию были внесены соответствующие изменения: срок полномочий президента увеличен до семи лет, отменено верхнее возрастное ограничение, а нижнее повышено до 40 лет, отменено ограничение на количество сроков избрания (что было предсказуемо). 10 января 1999 г. состоялись вторые (внеочередные) выборы президента, которые дали 85% голосов поддержки. 4 декабря 2000 г. прошли третьи выборы президента, на которых 91% избирателей отдали свой голос за Н. А. Назарбаева.

Следующий пакет изменений в конституцию был принят через семь лет — 21 мая 2007 г. Снова вернули правило «не более двух сроков подряд», срок полномочий президента в пять лет. При этом было предусмотрено особое положение первого президента, на него не

распространяется ограничение по срокам, а статус первого президента определяет отдельный конституционный закон. Это означает, что цель построения плановой сменяемости власти отодвигается в светлое будущее, над которым неминуемо будут довлеть традиции настоящего. 2 февраля 2011 г. в конституцию внесли право президента объявлять досрочные выборы. Похоже, что этот чрезвычайный механизм становится нормой: досрочно были проведены четвертые выборы президента 3 апреля 2011 г. (96% голосов поддержки) и пятые выборы 26 апреля 2015 г. (98% голосов).

Этот пример наглядно демонстрирует особенность статической стабильности: интенсивное изменение правил игры при гарантированно неизменном результате пяти выборов и одном продлении срока.

Аналогичные тенденции наблюдаются, например, в Белоруссии. 15 марта 1994 г. была принята конституция, в основных чертах повторяющая российскую конституцию 1993 г. Уже 24 ноября 1996 г. проведен референдум, который существенно расширил полномочия президента. Он был наделен правом назначать и увольнять с должности министров, генерального прокурора, судей и руководство национального банка. А в результате следующего референдума, состоявшегося 17 октября 2004 г., было изъято правило «не более двух сроков подряд».

Основной критической проблемой персоналистских режимов является уход лидера. Чаще всего это происходит в силу естественных причин. При действующем лидере никто не может публично заявлять свои амбиции, ибо система не допускает даже намеков на конкуренцию. В связи с этим определение следующего лидера происходит внутриэлитным способом. Если удастся достичь согласия, процесс смены власти происходит относительно гладко.

В противном случае в элите разворачивается острейшая борьба за наследование власти, чреватая дестабилизацией всего общества.

Своеобразная попытка решить вопрос наследования власти была предпринята в Азербайджане. Азербайджанскую конституцию приняли на референдуме 12 ноября 1995 г. Трижды (2002 г., 2009 г., 2016 г.) проводились референдумы по внесению изменений в нее. Из восьми вопросов референдума 2009 г. только два непосредственно затрагивали пост президента: решено избирать президента большинством более половины участвующих в голосовании избирателей, а не большинством в две трети, полномочия президента страны в случае досрочного их сложения передаются премьер-министру, а не председателю парламента. В результате референдума 2009 г. было снято ограничение числа президентских сроков (в 2013 г. президент избран на третий пятилетний

срок), референдума 2016 г. — президентский срок увеличен до семи лет. Кроме того, президенту в президентской модели республики предоставлено право роспуска парламента — Милли Меджлиса, сняты возрастные ограничения для кандидатов в депутаты и президенты, нижний возрастной ценз установлен в соответствии с возрастом приобретения активного избирательного права. Все эти изменения лежат в русле описанных выше подходов, ограничивающих сменяемость власти.

Особым механизмом наследования власти в Азербайджане стало введение постов вице-президентов, назначаемых президентом. При этом первый вице-президент определяется в качестве преемника. Тем самым вопрос определения преемника полностью передается в руки действующего президента. После принятия этих поправок Президент Азербайджанской Республики назначил первым вице-президентом свою супругу.

Россия. Курс на стабильность

В Российской Федерации был предпринят ряд шагов, замедляющих или блокирующих механизмы смены власти, предусмотренные конституцией страны. Прежде всего внесены изменения непосредственно в текст конституции. Произведено увеличение сроков полномочий президента (шесть лет вместо четырех) и Государственной Думы (пять лет вместо четырех), которое вступило в силу 31 декабря 2008 г.

Весьма существенным решением, предопределившим дальнейшее политическое развитие страны, стало новое толкование конституционной нормы «не более двух сроков подряд»: оно, в отличие от изначального (и общепринятого) понимания этого правила как ограничителя общего времени пребывания у власти двумя сроками подряд, было интерпретировано как ограничение числа последовательных сроков, не ограничи-

вающее числа «двухсроковых» серий. Такое толкование имеет принципиальное значение, поскольку открывает потенциальную возможность неограниченно долгого пребывания у власти. Удлинение политического цикла замедляет скорость обновления управленческой элиты, увеличивает риск общественной стагнации.

Следует упомянуть еще одно изменение конституции, предоставляющее президенту право назначать до 10% членов Совета Федерации (вступило в силу 22 июля 2014 г.). Это ведет к относительному уменьшению доли потенциально выборного элемента политической системы по сравнению с элементом, основанным на принципе назначений. Правда, до настоящего времени эта норма еще ни разу не применялась, пока она является «спящей».

Еще одним принципиальным шагом по ограничению избирательных возмож-

ностей граждан стали отмена выборности губернаторов избирателями и переход к наделению полномочиями руководителя исполнительной власти субъекта Федерации решением законодательного органа субъекта по предложению президента. Соответствующий закон был принят в декабре 2004 г., последние выборы губернатора состоялись в январе 2005 г. в Ненецком автономном округе.

Вернулись к выборности губернаторов, хотя и ограниченной, в 2012 г., при этом ограничение списка кандидатов на выборах осуществлялось благодаря так называемому муниципальному фильтру: кандидату необходимо заручиться определенным процентом (не менее 5–10%, конкретный процент устанавливается региональным законом) подписей муниципальных депутатов и (или) избранных глав муниципальных образований, представляющих не менее трех четвертей муниципалитетов, которые расположены на территории субъекта Федерации, избирающего своего губернатора. При повсеместном контроле муниципалитетов правящей партией практически полностью исключалась реальная конкуренция, выдвижение не согласованных с правящей партией кандидатов.

В марте 2016 г. федеральное законодательство предоставило право субъ-

ектам Федерации самим отказываться от прямых выборов. В этом случае федеральные и региональные парламентские партии представляют кандидатуры президенту. Президент определяет три кандидатуры и вносит их на рассмотрение регионального парламента, который и выбирает из представленной тройки высшее должностное лицо (руководителя высшего органа исполнительной власти) субъекта Федерации. Такую схему избрали девять субъектов Федерации — преимущественно республики со сложным этническим составом.

Особо действенным инструментом контроля деятельности и обеспечения лояльности региональных руководителей является установленное федеральным законом право президента освобождать глав субъектов Федерации в связи с утратой доверия. Этот дамоклов меч исключает проведение в субъекте Федерации политики, оппозиционной федеральным властям, и препятствует появлению на региональной «грядке» политических лидеров, представляющих разные политические течения и способных претендовать на руководящие позиции в федеральном центре.

В целом указанные механизмы позволяют практически полностью определять кадровый состав первых лиц регионов и обеспечить их лояльность политическому руководству страны.

Что дальше?

Традиционная культура целого ряда наций — участников Советского Союза тяготеет к авторитарным нелиберальным системам общественной организации. Исторический опыт, прежде всего военный, диктует каноны единства нации и сплоченности вокруг вождя в целях отражения внешних угроз. Общественное сознание не принимает конкуренцию, рассматривает ее как деструктивное начало, нарушающее гармоничный порядок.

Однако потребности модернизации, поиск достойного места в постиндустриальном мире неизбежно будут расширять пространство свободы и конкуренции. Естественная смена поколений, политических лидеров будет открывать «окна возможностей» для создания динамических развивающихся систем. Насколько эти возможности будут использованы, зависит от уровня политической культуры общества, овладения опытом республиканской само-

организации в гражданском обществе. Это потребует целенаправленной просветительской работы, накопления опыта низовой демократии — местного самоуправления. Цель не может быть достигнута актом политической воли,

поскольку государство, как утверждал Цицерон, «есть достояние народа, а народ... соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов»³.

³ Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О законах. М. : Наука, 1994.

Ч. М. Бердимуратов

Договорные формы инвестиционной деятельности в Кыргызской Республике

Аннотация: Статья посвящена анализу договорной природы инвестиционной деятельности. Особое внимание уделено вопросу автономии воли при заключении инвестиционного соглашения. Сделан акцент на такой разновидности договорной формы инвестиционной деятельности, как лизинг.

Ключевые слова: договор, инвестиционная деятельность, лизинг, инвестор.

Об авторе

Чынгызбек Муртазакулович Бердимуратов (Бишкек, Кыргызская Республика) — заместитель заведующего юридическим отделом Аппарата Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, преподаватель кафедры административного и финансового права Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина; berdimuratov1988@mail.ru

Ch. Berdimuratov

Contractual Forms of Investment Activity in the Kyrgyz Republic

Summary: This article analyzes the nature of the investment contract. The author pays special attention to the issue of autonomy of the will at the conclusion of the investment agreement. The article focuses on a variety of contractual forms of investment activities, as leasing.

Keywords: contract, investment, leasing, investor.

About the Author

Chyngyzbek Berdimuratov (Bishkek, Kyrgyz Republic) — Deputy Head of the Legal Department of the Office of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic, Lecturer of the Department of Administrative and Financial Law of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin; berdimuratov1988@mail.ru

Инвестиционная деятельность основана на договорных условиях между сторонами. По сути, как такового договора инвестиции в чистом виде нет, однако можно отметить такие договоры, как договор подряда, лизинга, простого товарищества, купли-продажи. Особенно, сути и содержанию договора инвестиционной деятельности в юридической науке уделено мало внимания.

Для начала необходимо пояснить суть таких понятий, как «договор», «контракт», «соглашение».

Согласно словарю С. И. Ожегова: договор — это «соглашение, обычно письменное, о взаимных обязательствах»; соглашение — «взаимное согласие, договоренность», «договор, устанавливающий какие-нибудь условия, взаимоотношения, права и обязанности сторон»; контракт — «договор, соглашение» [1].

В современном юридическом словаре понятие «договор (контракт)» в гражданском праве трактуется следующим образом: соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, разновидность сделки [2].

Основываясь на указанных определениях, инвестиционный договор следует определить как договор в письменной форме, фиксирующий, по сути, взаимное согласие сторон сделки. При этом отметим, что правовые формы оформления инвестиционных сделок, имея одну цель и общее содержание, могут именоваться по-разному: договор, контракт и соглашение.

В юридической литературе существуют разные точки зрения по поводу отраслевой природы правовой сущности инвестиционного договора (контракта).

По мнению одних ученых [3], инвестиционные договоры относятся к гражданско-правовым контрактам, по мнению других [4], такой договор можно отнести к административно-правовым контрактам, а по мнению третьих, «договор не только относительно обособленное, но и системное явление; в системе правового регулирования договор связан не только с иными договорами, но и с иными правовыми формами правового опосредствования хозяйственных связей; причем эта система включает в себя ряд разноуровневых подсистем» [5]. По мнению четвертых, стороны в инвестиционных отношениях самостоятельно определяют границы и направление своих действий, а также саму форму этих действий, не выходя за границы законодательства [6].

По мнению И. В. Андреева, «...основными договорными формами сотрудничества с иностранными инвесторами являются: концессия, соглашение о разделе продукции, договор франчайзинга» [7].

Как отмечает казахстанский ученый С. П. Мороз, «инвестиционный контракт — это особая разновидность гражданско-правового договора, выделяемая не по видам деятельности, как традиционно формируется система гражданско-правовых договоров, а по экономическим сферам» [8].

По-своему трактует рассматриваемый договор А. М. Мингазова: «Инвестиционный договор — особая разновидность гражданско-правового договора, выделяемая по видам деятельности, за которым скрываются различные договорные виды, обладающие инвестиционной сущностью договоров особого рода, которая заключается в преобразовании вкладываемых инвестиций из одной натуральной формы в другую (например, в объект недвижимости)» [9].

Вышеперечисленные мнения не исчерпывают всех дискутируемых на сегодня в юридической науке и варьируются на протяжении достаточно длительного периода — от советского по настоящее время. Следовательно, и под-

ходы к определению инвестиционного договора могут быть разными с учетом изменения понятия, цели и особенностей содержания рассматриваемого договора.

В целях правильного толкования инвестиционного договора на законодательном уровне, возможно, следовало бы обратиться к законодательству: к действующему Гражданскому кодексу Кыргызской Республики и Закону Кыргызской Республики «Об инвестициях в Кыргызской Республике». Однако необходимо отметить, что как таковое словосочетание «инвестиционный договор» в упомянутых законодательных актах отсутствует, поэтому необходимо обратиться к основам понятия «договор» в гражданском законодательстве. Так, в соответствии со статьей 381 Гражданского кодекса Кыргызской Республики «...договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей» [10].

Поскольку в законодательстве отсутствует строгое определение понятия «инвестиционный договор», ученые и практики пребывают в поиске, предлагая различные точки зрения по данному вопросу. Основываясь на практике реализации существующих заключенных соглашений об инвестициях, можно (даже необходимо) назвать характерные признаки и особенности инвестиционного договора.

Инвестиции осуществляются как отечественными, так и иностранными физическими и юридическими лицами, следовательно, для правового закрепления таких взаимоотношений заключаются инвестиционные договоры. Однако виды договоров (соглашений) различаются как по названию, так и по норме правового регулирования. В статье 1 Закона Кыргызской Республики «О концессиях и иностранных концессионных предприятиях в Кыргызской Республике» указано: «Концессия представляет собой разрешение Правительства Кыргызской Республики инвестору на осуществление определенного вида предприниматель-

ской деятельности, связанной с представлением ему во временное пользование имущества, земли и ее недр» [11]. А определение понятия «договор», а также его видов для отечественных инвесторов представлено в Гражданском кодексе Кыргызской Республики.

В числе общих для инвестиционных договоров (соглашений) существенных признаков можно назвать следующие: цель и предмет договора, на какой период заключается договор, наличие контроля с обеих сторон, источники, цели и порядок финансирования. Таким образом, необходимо обратить внимание на определенные важные условия и признаки в инвестиционном договоре.

На наш взгляд, надо выделить следующие особенности при заключении договора (соглашения).

1. В соответствии с гражданско-правовым равноправием сторон любой договор является добровольным, т. е. лица, вступающие в эти отношения, добровольны в своих желаниях, целях. Согласно статье 382 Гражданского кодекса Кыргызской Республики «...граждане и юридические лица свободны в заключении договора» [10].

На наш взгляд, относительно индивидуального регулирования договора правильной позиции придерживается В. Р. Шарифулин: «Индивидуально-договорное регулирование является специфическим уровнем частно-правового регулирования, поскольку практически полностью определяется волеизъявлением субъектов, что в большей степени по сравнению с другими видами правового регулирования связано с правовой саморегуляцией, выражающей диспозитивную направленность частного права» [12]. Таким образом, следует, что стороны равны при заключении договора, в выборе условий и возможных особенностей соглашения.

В соответствии с законодательством принудительное заключение договора недопустимо, однако есть оговорка, что гражданским или иным законодательством могут предусматриваться случаи,

когда возникает обязательство заключить договор.

2. Условия заключения договора, основанные на принципе добровольности, предполагают право самостоятельно выбрать законодательство, в соответствии с положениями которого будут регулироваться общие и особенные положения договора. Если инвестор является субъектом из Кыргызстана, то и нормы законодательства будут отечественные. Когда же одной или несколькими сторонами договора являются иностранные субъекты, то они могут выбрать то законодательство, которое, по их мнению, будет в наибольшей степени отвечать интересам сделки. Как отмечает С. П. Мороз, данная особенность, свойственная только инвестиционному контракту, обусловлена тем, что это внешнеэкономический договор, и она «...определяет его особенности и отличительные черты, а также выступает критерием дифференциации инвестиционных договоров на две основные группы: инвестиционные договоры с участием иностранных инвесторов и инвестиционные договоры с участием национальных инвесторов» [8].

Бесспорно, очень важно соблюдать законодательство той страны, в которой инвесторы желают вложить свои средства, но нельзя забывать и о том, что существуют международные нормы, которые также необходимо соблюдать. Поскольку инвестиции предполагают вложение моральных, интеллектуальных и материальных ресурсов в другую страну, то и защита от незаконного посягательства, различных непредвиденных обстоятельств должна предусматриваться. На уровне международного права защита иностранных инвесторов располагается универсальными актами, такими как: Всеобщая декларация прав человека, в которой довольно подробно говорится о защите имущества каждого человека, о недопустимости произвольного лишения имущества, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (упоминается защита собственности человека и гражданина), Конвенция

Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (упоминается право на собственность физических и юридических лиц). Таким образом, можно резюмировать, что вложения иностранных и отечественных инвесторов защищаются как отечественными, так и международными нормами права.

3. Необходимость заключения инвестиционных соглашений в письменной форме регулируется положениями Венской конвенции о праве международных договоров (Кыргызская Республика присоединилась к Конвенции в соответствии с Законом КР от 5 июля 1997 г. № 49), в соответствии с которыми заключение или подтверждение договора купли-продажи в письменной форме необязательно, равно как и подчинение иному требованию по поводу формы. Однако, в соответствии со статьей 1190 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, внешнеэкономическая сделка, хотя бы одним из участников которой является юридическое лицо или гражданин Кыргызской Республики, совершается, независимо от места заключения сделки, в письменной форме [10]. Естественно, данная коллизия решается в пользу Венской конвенции о праве международных договоров, так как, согласно статье 6 Гражданского кодекса Кыргызстана, если международный договор ратифицирован Жогорку Кенешем Кыргызской Республики, то применяются правила этого международного договора [10].

Регулирование концессионной деятельности также осуществляется в соответствии с положениями статьи 2 Закона Кыргызской Республики «О концессиях и иностранных концессионных предприятиях в Кыргызской Республике», Гражданского кодекса Кыргызской Республики, Закона Кыргызской Республики «Об инвестициях в Кыргызской Республике» и других законодательных актов, регулирующих инвестиционную и предпринимательскую деятельность на территории Кыргызской Республики. В случае если международным договором

установлены иные правила, чем те, которые, содержатся в законодательстве Кыргызской Республики, применяются положения международного договора.

Отдельным видом инвестиционного договора можно считать договор лизинга, по которому в соответствии с гражданским законодательством лизингодатель обязуется приобрести в собственность указанное другой стороной имущество и предоставить лизингополучателю это имущество за плату во временное владение и пользование в предпринимательских целях. Согласно статье 604 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, предметом договора финансовой аренды могут быть любые непотребляемые вещи, используемые для предпринимательской деятельности, и земельные участки (но не другие природные объекты) [10].

Характерными чертами договора лизинга являются следующие положения: право выбора объекта лизинга и продавца лизингового имущества принадлежит лизингополучателю, если иное не предусмотрено договором; лизинговое имущество используется лизингополучателем только в предпринимательских целях; лизинговое имущество приобретает лизингодатель у продавца только при условии передачи его в лизинг лизингополучателю; в договоре лизинга может быть предусмотрено право выкупа лизингового имущества лизингополучателем и т. д.

Правовое регулирование лизинга обеспечивают Конвенция о межгосударственном лизинге от 25 ноября 1998 г. (ратифицирована Законом Кыргызской Республики от 13 февраля 2006 г. № 47), Гражданский кодекс Кыргызской Республики, Закон Кыргызской Республики «О финансовой аренде (лизинге)» от 23 июля 2002 г. № 121.

Выделяют следующие формы лизинга (статья 7 Закона Кыргызской Республики «О финансовой аренде (лизинге)»):

— внутренний лизинг — форма лизинга, при которой лизингодатель и лизингополучатель являются резидентами Кыргызской Республики;

— международный лизинг — форма лизинга, при которой лизингодатель или лизингополучатель являются нерезидентами Кыргызской Республики [15].

В мировой практике при выделении видов лизинга исходят, по мнению В. Д. Газмана, прежде всего из признаков их классификации, которые отражают: отношение к арендуемому имуществу, тип финансирования лизинговых операций, состав участников лизинговой сделки, тип передаваемого в лизинг имущества, сектор рынка, где производятся лизинговые операции, отношения к налоговым, таможенным и амортизационным льготам и преференциям, порядок лизинговых платежей, степень риска для лизингодателя [16].

В зависимости от объема обслуживания (отношения к арендуемому имуществу) выделяют:

— чистый лизинг — когда все расходы на обслуживание имущества принимает на себя лизингополучатель;

— полный лизинг — когда лизингодатель принимает на себя все расходы по обслуживанию имущества. Как правило, такой лизинг используют сами изготовители оборудования;

— частичный лизинг (с частичным набором услуг) — когда на лизингодателя возлагаются лишь отдельные функции по обслуживанию имущества.

Кроме того, выделяют: возвратный лизинг, сублизинг, вторичный лизинг, финансовый лизинг, операционный (оперативный) лизинг, компенсационный лизинг, бартерный лизинг и др.

Таким образом, лизинг представляет собой особый вид договора, согласно которому лизингодатель инвестирует временно свободные или привлеченные финансовые средства для приобретения в собственность имущества, обусловленного договором, и передает имущество лизингополучателю за плату. Как правило, лизинговое соглашение является смешанным договором. Следовательно, можно сделать вывод о комплексной природе договора лизинга, отличительные особенности которого позволяют

признать его одним из основных видов инвестиционного договора.

В настоящее время отношения в области недропользования оказались в новых условиях, поскольку распад СССР и возникновение таких процессов, как интернационализация нефтегазового сектора, глобализация международных экономических отношений, усиление позиций транснациональных компаний (ТНК), оказали существенное влияние на порядок правового регулирования недропользования. Сегодня ученые в качестве одного из основных направлений дальнейшей глобализации мировой экономики называют создание и развитие ТНК, деятельность которых за счет осуществления трансфертных поставок с использованием внутренних цен, благоприятных условий производства, лучшего учета рыночной ситуации и т. д. позволяет обойти многочисленные барьеры, такие как предоставление налоговых преференций, снижение таможенных пошлин, упрощенное администрирование, расширение производства, что позволит увеличить товарооборот, обеспечить рабочими местами незанятых граждан, предложить сравнительно недорогие по себестоимости товары и услуги, предоставляемые ТНК. В связи с этим в рамках глобализационных процессов приобретает важное значение придание адекватного статуса ТНК, в частности, в инвестиционных отношениях в сфере недропользования.

По статусу ТНК является единым экономическим механизмом, основанным на субординации и подчинении. Только в этом ракурсе, по мнению И. И. Лукашук, сторонами инвестиционного соглашения являются ТНК и государство [17]. Однако с правовой точки зрения это убеждение является заблуждением, поскольку ТНК состоит из ряда юридически самостоятельных отделений в двух и более странах, причем каждое отделение осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством той страны, в которой функционирует.

С точки зрения современной теории и практики международного инвестици-

онного права ТНК не являются единым субъектом права, а выступают совокупностью формально самостоятельных юридических лиц, созданных в соответствии с законодательством различных стран мира [18]. Поэтому изучение правовой природы инвестиционных соглашений не позволяет сделать вывод, что соглашение заключается именно ТНК как таковой и государством [19].

Отметим, что практика заключения инвестиционных соглашений в сфере недропользования неоднородна. Участились случаи, когда государство заключает с иностранным инвестором соглашение о создании совместного предприятия, контролируемого данным инвестором. Подобные правовые отношения основаны на том, что осуществление инвестирования посредством создания совместного предприятия является лишь одним из договорных механизмов (наряду с такими, как концессия, соглашения о разделе продукции, контракты на обслуживание и т. д.). В подтверждение этому можно сослаться на Генеральное соглашение по проекту разработки золота на месторождении Джеруй (включая Северо-Западный, Центральный, Восточный и Юго-Восточный участки) от 17 июня 1993 г.: в пункте 2 указано, что «совместное предприятие будет являться исключительно тем инструментом, с помощью которого “Кыргызалтын” и “Моррисон Кнудсен Гоулд” осуществляют задачи Проекта» [20]. И, как правило, в целях

регулирования деятельности совместно-го предприятия заключаются отдельные соглашения. Так, в подпункте А пункта 2 вышеупомянутого соглашения устанавливается, что стороны подготовят и подпишут учредительные документы по созданию и деятельности совместного горнодобывающего предприятия («Соглашение по Предприятию»).

Правоотношение по заключенному 4 декабря 1992 г. Генеральному соглашению по проекту «Кумторзолото» возникает не между Правительством Кыргызской Республики и канадской корпорацией «Самесо» — корпорация имеет отделения не только в Кыргызстане (совместное предприятие «Kumtor Gold company»), но и в Монголии (совместное предприятие «Boro Gold company», при этом владеет 95% акций предприятия), а также в США (в Неваде компания «REN» — совместное предприятие с компанией «Barrick Gold», при этом упомянутая корпорация владеет 69% акций предприятия) [21], — а между Кыргызстаном и конкретной стороной соглашения. Таким образом, хотя корпорация «Самесо» вместе со своими отделениями и является единой корпорацией — транснациональной, однако с юридической точки зрения право Кыргызстана регулирует деятельность лишь сторон конкретного инвестиционного соглашения, а не деятельность ТНК, осуществляемую в юрисдикции не только Кыргызстана, но и многих третьих стран.

Использованные источники

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М. : Русский язык, 1984. 797 с.
2. Сухарева А. Я. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. М. : ИНФРА-М, 2010. 858 с.
3. Мороз С. П. Инвестиционное право Республики Казахстан. Алматы, 2006.
4. Мозолин В. П. Гражданское право. М. : Юристъ, 2005–2007; Кулагин М. И. Избранные тру-

ды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2004.

5. Договор в народном хозяйстве: Вопросы общей теории / авт. кол.: М. К. Сулейманов, Б. В. Покровский, В. А. Жакенов и др.; отв. ред. М. К. Сулейманов. Алма-Ата : Наука КазССР, 1987. С. 62.

6. Чикулаев Р. В. Инвестиционная деятельность: организация и государственно-правовое регулирование : учеб. пос. Пермь : Пермский ун-т, 2003.

7. Андреев И. В. Договорные формы взаимодействия с иностранными инвесторами: правовой аспект // Псковский государственный университет [официальный сайт]. URL: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt122/wt122_03.pdf (дата обращения: 27.04.2017).

8. Мороз С. П. Инвестиционный контракт // Бизнес, менеджмент и право. Научно-практический экономико-правовой журнал. URL: http://bmpravo.ru/show_stat.php?stat=647 (дата обращения: 27.04.2017).

9. Мингазова А. М. Особенности договорного регулирования инвестиционной деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2.

10. Гражданский кодекс Кыргызской Республики. Часть I // ТОКТОМ: информационно-правовой портал. URL: <https://online.toktom.kg/LogOn?ReturnUrl=%2fToktom%2f1364-0> (дата обращения: 27.04.2017).

11. Закон Кыргызской Республики «О концессиях и концессионных предприятиях в Кыргызской Республике» от 6 марта 1992 года № 850-XII // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/800> (дата обращения: 27.04.2017).

12. Шарифулин В. Р. Частно-правовое регулирование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Казань, 2006. 32 с.

13. Постановление Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 17 мая 1995 года № 76-1 «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» // Посольство Кыргызской Республики в Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://kyrgyzembassy.ru/?page_id=1720 (дата обращения: 27.04.2017).

14. Постановление Собрания народных представителей Жогорку Кенеша от 31 мая 1995 года № 62-1 «О присоединении Кыргызской Республики к Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-k/52210> (дата обращения: 27.04.2017).

15. Закон Кыргызской Республики от 23 июля 2002 года № 121 «О финансовой аренде (лизинге)» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-k/1078> (дата обращения: 27.04.2017).

16. Газман В. Д. Рынок лизинговых услуг. М.: Фонд «Правовая культура», 1999.

17. Лукашук И. И. Современное право международных договоров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ВолтерсКлувер, 2005.

18. Эратов И. Т. Правовая природа инвестиционных соглашений // Вестник КРСУ. 2010. № 6. С. 41.

19. Доклад о мировых инвестициях, 2007 год: Транснациональные корпорации, добывающая промышленность и развитие. ООН, 2007. С. 38.

20. Генеральное соглашение по проекту разработки золота на месторождении Джеруй (включая Северо-Западный, Центральный, Восточный и Юго-Восточный участки). Одобрено постановлением Правительства Кыргызской Республики от 17 июня 1993 года № 266 // ИС «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30263921#pos=0;0 (дата обращения: 27.04.2017).

21. Официальный сайт корпорации «Самсо». URL: <https://www.cameco.com/> (дата обращения: 27.04.2017).

Г. В. Елистратова

О разработке модельного Трудового кодекса государств — участников СНГ: основные положения концепции

Аннотация: В статье определены цели и задачи создания модельного Трудового кодекса (МТК), раскрыто содержание его концепции. Авторы проекта модельного Трудового кодекса ставят перед собой задачу создания кодифицированного правового документа, который может быть использован парламентами государств — участников СНГ для совершенствования национального трудового законодательства. МТК определяет стратегию развития и совершенствования трудового законодательства государств СНГ, выражает социальную и правовую функции трудового права, которые делают эту отрасль права одним из важнейших инструментов управления человеческими ресурсами. Предлагаемая концепция МТК решает тактические задачи достижения поставленных целей посредством определения основных направлений и принципиальных подходов к решению ключевых проблем реформирования трудового законодательства.

Ключевые слова: механизм правового регулирования труда, модельный Трудовой кодекс, нормы международного права, основные гарантии в сфере труда, правовые инструменты, системы менеджмента, эффективность труда, Содружество Независимых Государств.

Об авторе

Галина Валентиновна Елистратова (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доцент кафедры гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; elistratova.gv@yandex.ru

G. Elistratova

On Drafting Model Labor Code for the CIS Member Nations: Main Provisions of the Concept

Summary: The article defines goals and objectives of drafting Model Labor Code (MLC) and provides the framework of the concept. Authors of the project aim to create a codified legal instrument that may be used by the CIS parliaments to improve national labor legislation. MLC defines the strategy of development and improvement of labor legislation of the CIS countries, reflects social and legal functions of the labor law which make this branch of law one of the most important tools of human resource management. Proposed concept of MLC addresses the objectives to achieve the desired goals through defining the main approaches to address the key issues to reform labor legislation.

Keywords: labor legal regulation, Model Labor Code, norms of international law, basic guarantees in the field of labor, legal instruments, management systems, labor efficiency, Commonwealth of Independent States.

About the Author

Galina Elistratova (St. Petersburg, Russian Federation) — Associate Professor of Civil and Labor Law Department of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; elistratova.gv@yandex.ru

Актуальность разработки модельного Трудового кодекса

Развитие рыночных отношений в государствах Содружества Независимых Государств привело к серьезным преобразованиям во всех сферах общественной жизни: политической, социальной, культурной и др. Происходят глубокие

изменения и в действующем законодательстве, в том числе трудовом. Главная причина изменений в трудовом законодательстве — изменения в структуре и содержании предмета правового регулирования, в трудовых отношениях.

В большинстве государств СНГ приняты трудовые кодексы (ТК), регулирующие трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения. В каждом из них есть то, что может быть включено в трудовое законодательство всех стран Содружества.

Меняются методы правового регулирования трудовых отношений, слабеет их централизованное регулирование и происходит усиление децентрализованного. Все больше диспозитивных норм включается в трудовые кодексы государств СНГ. Этот опыт необходимо широко использовать всем странам Содружества. Однако содержание национальных ТК не всегда отвечает современным задачам. В них недостаточно обеспечивается защита работника как слабой стороны в трудовых отношениях. Нередко диспозитивность норм проявляется не в увеличении гарантий и льгот, предоставляемых работникам, а в бесконтрольном расширении прав работодателей.

Трудовое законодательство государств СНГ недостаточно интегрировано в систему международно-правового регулирования трудовых отношений. Необходимо принятие дополнительных мер по реализации таких основных принципов регулирования трудовых отношений, как запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда, повышение уровня государственных гарантий в защите прав участников трудовых отношений, расширение социального партнерства в согласовании интересов работников и работодателей.

Требуется специальное урегулирование нестандартных трудовых отношений, связанных с созданием более благоприятных правовых возможностей для формирования малого бизнеса, призванного играть важную роль не только в развитии экономики, но и в организации дополнительных рабочих мест для обеспечения занятости всего трудоспособного населения.

Принципы разработки модельного Трудового кодекса

Основными принципами организации работы над модельным Трудовым кодексом являются:

— уважение конституционных основ и суверенных прав государств — участников СНГ;

— соблюдение основных принципов и правил, закрепленных в подписанных в рамках Содружества международных документах, соглашениях и договорах МПА;

— признание равенства сторон при обсуждении и подготовке норм законодательства;

— проведение взаимосогласованной политики, обеспечивающей консоли-

дацию законодательства государств — участников СНГ.

При разработке проекта модельного Трудового кодекса в качестве основы будут использованы принципы и нормы, закрепленные в конвенциях и декларациях Международной организации труда, рекомендациях МОТ, рекомендациях комитетов ООН по вопросам трудового права, во Всеобщей декларации прав человека, в Европейской социальной хартии, международных договорах, заключенных в рамках Содружества, конституциях и трудовых кодексах государств — участников СНГ.

Цели и задачи разработки проекта модельного Трудового кодекса

Цель разработки модельного закона заключается в сближении и гармонизации трудового законодательства государств — участников СНГ по

определенным направлениям для решения задач интеграционного развития Содружества Независимых Государств.

МТК создается как рекомендательный документ для государств — участников СНГ в целях:

- формирования и осуществления согласованной политики и законодательной деятельности на пространстве Содружества в области трудовых отношений;

- приведения законодательства государств СНГ в соответствие с международными договорами, заключенными в рамках Содружества, и иными международными договорами, участие в которых государств СНГ является желательным для достижения общих целей;

- конкретизации положений договоров, заключенных в рамках Содружества, и других международных договоров, их имплементации в законодательстве государств СНГ;

- создания эффективных правовых инструментов, обеспечивающих реализацию в полном объеме основных прав и гарантий в сфере труда, которые закреплены в международных правовых актах, конституциях и трудовых кодексах стран Содружества.

Правовые институты модельного Трудового кодекса должны способствовать решению следующих задач:

- создание универсального механизма правового регулирования наемного труда, обеспечивающего баланс интересов работника и работодателя;

- реализация в полном объеме прав и законных интересов всех участников трудовых отношений;

- устойчивое развитие рынка труда;

- совершенствование систем кадрового менеджмента, создание эффективной системы управления персоналом;

- создание высокотехнологичной и гибкой национальной экономики;

- повышение эффективности производства и других видов деятельности;

- рост производительности труда;

- увеличение конкурентоспособности создаваемых товаров, осуществляемых работ и услуг;

- повышение благосостояния общества, обеспечение достойного уровня жизни всех членов общества.

Разработчики проекта модельного Трудового кодекса ставят перед собой задачу создания кодифицированного правового документа, который парламенты государств — участников СНГ смогут использовать для совершенствования национального трудового законодательства путем внесения изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты или принятия новых актов.

Модельный Трудовой кодекс будет способствовать определению перспектив развития правового регулирования труда в государствах — участниках СНГ на основе:

- выработки общих принципов правового регулирования наемного труда;

- формирования оптимальной структуры основных правовых институтов трудового права;

- внедрения новых правовых инструментов, учитывающих потребности современного бизнеса и реалии рынка труда, а также особенности развития рыночных экономик и систем государственного управления в государствах — участниках СНГ.

В условиях рыночной экономики социальная и правовая функции трудового права делают эту отрасль права одним из важнейших инструментов управления человеческими ресурсами. Механизм правового регулирования труда, закрепленный в МТК, должен соответствовать уровню развития техники и технологий, систем менеджмента, современным формам организации труда.

МТК должен обеспечить разработку таких законодательных инструментов, которые будут способствовать развитию свободы предпринимательства, в том числе через создание особых правовых условий для организаций малого, среднего бизнеса, микропредприятий. Эти правовые инструменты должны одновременно обеспечивать реализацию в полной мере принципа экономической свободы предпринимателя и гарантировать реализацию социальной (защитной) функции трудового права.

На основе системного анализа трудового законодательства стран Содру-

жества будут выработаны практические рекомендации по выявлению и решению проблем правоприменительной и судебной практики, предложены адекватные правовые инструменты регулирования трудовых отношений.

Развитие экономики (переход к цифровой экономике), развитие рынка труда требуют создания особых правовых институтов для регулирования нестандартных трудовых отношений: дистанционного труда, труда работников микропредприятий, работников, предоставляемых одним работодателем другому по гражданско-правовому договору о возмездном оказании услуг, электронного документооборота. Формирование новых правовых институтов необходимо не только в связи с созданием более благоприятных возможностей для развития малого бизнеса, оно также призвано содействовать организации дополнительных рабочих мест.

В МТК должно быть отражено одно из ведущих направлений развития трудового законодательства — повышение уровня государственных гарантий в трудовых правоотношениях, в рамках которых реализуются основные права и свободы наемного работника:

— обеспечения равных прав и возможностей работников в сфере труда, без какой-либо дискриминации;

— запрета любых форм принудительного труда;

— охраны труда, контроля создания здоровых и безопасных условий труда на рабочих местах;

— оплаты труда;

— обеспечения права на отдых, ограничения рабочего времени;

— предоставления гарантий, льгот и компенсаций отдельным категориям работников;

— расширения социального партнерства в регулировании трудовых отношений.

Основные положения концепции модельного Трудового кодекса

Концепция модельного Трудового кодекса основывается на следующих принципиальных положениях, определяющих направления развития национального законодательства государств — участников СНГ.

1. Развитие и совершенствование национального трудового законодательства должно осуществляться на основе норм международного права, в первую очередь конвенций Международной организации труда, рекомендаций и решений комитетов ООН, европейских конвенций. Правовые системы государств — участников СНГ должны развиваться в русле развития международного права, учитывать его и не противоречить ему. Однако применять нормы международного права, рекомендации международных организаций необходимо с учетом особенностей национальной культуры, традиций, структуры и содержания правовой системы государства, конкретных социальных целей и задач, которые при-

звано решать трудовое право. Нормы международного права должны имплементироваться в национальном законодательстве при условии установления ими более высоких гарантий прав наемного работника.

В основу базовых правовых институтов МТК положены: Конвенция № 95 Международной организации труда «Относительно защиты заработной платы» [1], Конвенция № 132 Международной организации труда «Об оплачиваемых отпусках» [2], Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» [3], Конвенция № 30 Международной организации труда «О регламентации рабочего времени в торговле и в учреждениях» [4], Конвенция № 156 Международной организации труда «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» [5] и ряд других конвенций МОТ.

2. Следует определять направления развития и реформирования национального трудового законодательства, опираясь на основополагающие конституционные принципы национального трудового права, обеспечивая баланс между необходимостью сохранения особенностей национальных правовых систем и созданием унифицированных правовых инструментов и механизмов регулирования наемного труда в государствах — участниках СНГ.

Разработчики проекта модельного Трудового кодекса не ставят перед собой задачу полной унификации трудового законодательства всех государств — участников СНГ. Различия естественны и необходимы, так как не одинаковы государственное устройство, политические и правовые системы, закрепленные в конституциях государств. Модельный Трудовой кодекс, не затрагивая конституционные основы того или иного государства, предлагает универсальные правовые инструменты, обеспечивающие выполнение трудовым законодательством главной своей социальной функции — защиты прав и законных интересов наемного работника.

Также разработчики не стремятся к изобретению принципиально новых правовых институтов и механизмов. В каждом трудовом кодексе есть примеры норм, обеспечивающих результативное и эффективное регулирование трудовых отношений, успешное решение правоприменительных проблем. Комплексный анализ трудового законодательства разных государств позволит выявить и закрепить в МТК такие нормы.

Перечень правовых институтов, которые можно или необходимо унифицировать, определяется положениями декларации МОТ «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» [6]. Кроме того, он должен включать нормы, устанавливающие статус трудящихся-мигрантов, порядок и условия заключения и расторжения трудовых договоров с ними, перечень предоставляемых им гарантий и льгот. В первую очередь не-

обходимо стремиться к созданию унифицированного механизма правового регулирования труда мигрантов — граждан государств СНГ. Важно создать равные условия трудовой деятельности для мигрантов — граждан стран Содружества. Национальное миграционное и трудовое законодательство должно также предусматривать определенные преференции (гарантии, льготы, упрощенные процедуры легализации трудовой деятельности) для граждан государств — участников СНГ.

3. Модельный Трудовой кодекс должен содержать рекомендации по формированию механизмов правового регулирования трудовых отношений, обеспечивающих единообразное, четкое, грамотное толкование и применение норм трудового права. Общей проблемой постсоветского трудового законодательства является возможность многообразного толкования правовых норм, наличие противоречий и пробелов. МТК вводит правовые конструкции и формулировки, исключающие необходимость обращения к подзаконным актам, судебной практике и разъяснениям различных государственных органов. Кроме того, кодекс предлагает конкретные решения общих, наиболее актуальных проблем реализации и защиты прав и законных интересов наемных работников непосредственно в рамках трудовых отношений, без обращения к механизмам судебной защиты.

Основополагающие принципы регулирования наемного труда, основные права и гарантии трудящихся превращаются в пустые лозунги, не влияющие на правовой статус субъектов, если в трудовом кодексе не закреплен эффективный механизм реализации принципов и гарантий, если в нормах есть пробелы, противоречия или ошибки.

Такой принцип, как право на отдых, не реализуется, если не установлена фиксированная продолжительность междуспящего отдыха или перерыв не позволяет работнику полноценно отдохнуть, уменьшать продолжительность такого отдыха недопустимо.

Принцип свободы труда не действует, если в трудовом кодексе установлены ограничения, связанные, например, с увольнением по собственному желанию при срочном трудовом договоре или с продолжительностью работы при неполном рабочем времени.

Одним из спорных вопросов является дискриминация в сфере труда. Запрет дискриминации при приеме на работу не должен противоречить принципу экономической свободы. На наш взгляд, обременение работодателя обязанностями по приему на работу отдельных категорий работников может нарушать баланс интересов сторон трудового договора.

Отдельные нормы трудовых кодексов почти всех государств СНГ требуют конкретизации, уточнения и детализации, а иногда и исправления. МТК содержит рекомендации по решению этих проблем.

4. Модельный Трудовой кодекс предполагает возможность инкорпорирования в него ряда не утративших своего социального значения в современных условиях прогрессивных норм советского трудового законодательства, которые получили отражение в международно-правовых документах в сфере труда и воспроизведены в правовых системах многих стран с развитой экономикой. В первую очередь речь идет о советских нормативных правовых актах, которые не нашли отражения в действующих трудовых кодексах. Например, аттестация, результаты которой могут быть основанием для увольнения работника по инициативе работодателя, упоминается практически во всех трудовых кодексах, но механизм ее проведения не установлен. Порядок аттестации работников и требования к ее проведению подробно представлены в советских документах.

До сих пор остаются актуальными документы советского периода, посвященные регулированию рабочего времени и времени отдыха, определяющие порядок предоставления отпусков, предоставления льгот и гарантий за работу,

связанную с вредными и опасными условиями труда, а также за работу в особых климатических условиях. К сожалению, отменяя советские документы, законодатели не всегда вносят соответствующие изменения в трудовые кодексы. Так, например, совсем недавно в Российской Федерации женщины с двумя и более детьми до 12 лет потеряли право выбирать время отпуска в связи с отменой постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которое предоставляло им такое право. В советском законодательстве, в документе 1929 г., была четко определена продолжительность ежедневного отдыха. Этот документ действовал в Российской Федерации до 2017 г. В настоящее время в России такой нормы нет, если не считать санитарно-эпидемиологических правил и нормативов, о которых мало кто знает. В трудовых кодексах других стран эта норма либо отсутствует, либо устанавливает значительно меньшую продолжительность отдыха, чем было закреплено в вышеуказанном документе. Также в современном трудовом законодательстве трудно найти положение об оплате сверхурочной работы в ночное время. Дословное цитирование советских документов нам представляется избыточным, но они могут использоваться как ориентиры при установлении социальных гарантий работников. При этом не стоит забывать, что советское трудовое законодательство, в первую очередь Кодекс законов о труде (КЗоТ) 1922 г., было одним из самых прогрессивных и социально направленных, даже по меркам аналогичного законодательства европейских стран. В нем были закреплены революционные завоевания работников наемного труда, за которые они вместе с профсоюзами боролись не одно десятилетие, многие его положения нашли отражение в конвенциях МОТ, принятых позже, а также в трудовом законодательстве других стран.

Разработчики проекта МТК надеются, что в результате согласования правовых

инструментов, предложенных в модельном Трудовом кодексе, удастся создать основы универсального механизма пра-

вового регулирования наемного труда, отвечающего интересам и потребностям всех государств — участников СНГ.

Использованные источники

1. Конвенция № 95 Международной организации труда «Относительно защиты заработной платы» (Женева, 1 июля 1949 г.).

2. Конвенция № 132 Международной организации труда «Об оплачиваемых отпусках», пересмотренная в 1970 г. (Женева, 24 июня 1970 г.).

3. Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (Женева, 25 июня 1958 г.).

4. Конвенция № 30 Международной организации труда «О регламентации рабочего вре-

мени в торговле и в учреждениях» (Женева, 28 июня 1930 г.).

5. Конвенция № 156 Международной организации труда «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (Женева, 23 июня 1981 г.).

6. Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» (Женева, 18 июня 1998 г.).

Ю. А. Щербук, Е. Ю. Владимирова

О деятельности Экспертного совета по здравоохранению при Межпарламентской Ассамблее государств — участников СНГ

Аннотация: В статье представлена информация о целях и задачах функционирования Экспертного совета по здравоохранению при Межпарламентской Ассамблее государств — участников СНГ, а также о результатах его деятельности за пять лет с момента создания. Рассмотрены перспективы работы Экспертного совета по совершенствованию модельной законодательной базы в сфере охраны здоровья населения.

Ключевые слова: Экспертный совет, Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ, здравоохранение, законодательная база.

Об авторах

Юрий Александрович Щербук (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — председатель Экспертного совета по здравоохранению при Межпарламентской Ассамблее государств — участников СНГ, декан факультета стоматологии и медицинских технологий Санкт-Петербургского государственного университета, доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии наук.

Евгения Юрьевна Владимирова (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — ответственный секретарь Экспертного совета по здравоохранению при Межпарламентской Ассамблее государств — участников СНГ, секретарь Постоянной комиссии МПА СНГ по социальной политике и правам человека, кандидат экономических наук; vey@iacis.ru

Y. Shcherbuk, E. Vladimirova

On the Activity of the IPA CIS Board of Experts on Public Health

Summary: The article provides information on the goals and objectives of the IPA CIS Board of Experts on Public Health, as well as on the performance of the Board of Experts for the five years since its establishment. It gives an assessment of the prospects of the future work of the Board of Experts related to the improvement of the model legal framework in the field of public health.

Keywords: Board of Experts, Interparliamentary Assembly of the CIS Member Nations, public health, legal framework.

About the Authors

Yuri Shcherbuk (St. Petersburg, Russian Federation) — Chair of the IPA CIS Board of Experts on Public Health, Dean of the Department of Dentistry and Medical Technologies of St. Petersburg State University, Doctor of Medical Science, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences.

Evgenia Vladimirova (St. Petersburg, Russian Federation) — Secretary-in-Charge of the IPA CIS Board of Experts on Public Health, Secretary of the IPA CIS Permanent Commission on Social Policy and Human Rights, PhD in Economics; vey@iacis.ru

Экспертный совет по здравоохранению при Межпарламентской Ассамблее государств — участников СНГ является постоянно действующим консультативным органом, созданным в соответствии с постановлением Совета МПА СНГ от 11 апреля 2013 г. для оказания содействия Межпарламентской Ассамблее в вопросах совершенствования модельной законодательной базы в сфере охра-

ны здоровья, материнства и детства, санитарии и гигиены; развития медицинской науки, медицинского и фармацевтического образования, использования и экспертизы лекарственных средств и медицинских технологий; организации медицинского страхования; экологической безопасности и благоприятной окружающей среды; формирования здорового образа жизни, развития физической

культуры и спорта, туризма, функционирования лечебно-оздоровительных местностей и курортов. Первое заседание Совета состоялось 25 сентября 2013 г. в Таврическом дворце — штаб-квартире Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ.

Для членов Экспертного совета особенно важно то, что этот орган оказывает содействие Межпарламентской Ассамблее государств — участников СНГ в процессе совершенствования модельной законодательной базы в сфере охраны здоровья населения.

В связи с необходимостью комплексного анализа приоритетов существующей системы здравоохранения, изучения влияния инновационных решений в здравоохранении на социально-экономические показатели государств — участников СНГ, реализации совместных законодательских, организационных и научно-образовательных инициатив, разработки новой модели охраны здоровья населения в настоящее время особенно актуально и важно создание перечня модельных законов и рекомендаций в сфере здравоохранения, которые носили бы более общий характер, были бы направлены на регулирование основ законодательства об охране здоровья, профилактику заболеваний населения, обеспечение доступности медицинской помощи для граждан государств — участников СНГ, а также определили бы базовую программу сближения и гармонизации законодательства в сфере деятельности совета.

Наибольшее внимание в деятельности Экспертного совета уделяется перспективе создания законодательной базы, в первую очередь регулирующей вопросы организации оказания медицинской помощи для граждан СНГ, находящихся на территории государств Содружества, гражданами которых они не являются.

На рассмотрение Постоянной комиссии МПА СНГ по социальной политике и правам человека советом были представлены рекомендации «О сближении законодательства государств — участников СНГ в сфере охраны здоровья», целью

которых является содействие законодательному обеспечению сближения правовых норм об охране здоровья граждан в государствах — участниках СНГ, а соответственно, обеспечению эффективной социальной политики государств в предоставлении гарантий доступности и качества медицинской помощи на территории стран Содружества.

На пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, состоявшемся 16 апреля 2015 г., эти рекомендации были приняты и стали основой деятельности Экспертного совета по формированию перечня модельных законов и рекомендаций в сфере здравоохранения, разработка которых имеет первостепенное значение.

Взаимодействие государств Содружества в решении вопросов охраны здоровья населения приобретает особую актуальность в связи с развитием процессов глобализации, массовой миграцией населения, открытостью границ, развитием общего экономического пространства Содружества Независимых Государств.

Экспертный совет по здравоохранению при МПА СНГ продолжил большую работу Ассамблеи, связанную с правовым регулированием вопросов лечения и профилактики сахарного диабета. Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с ростом заболеваемости сахарным диабетом принято Советом глав правительств СНГ 14 ноября 2008 г. в Кишиневе. Проект документа подготовлен рабочей группой Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ с учетом положений модельного закона «Об основах медико-социальной защиты граждан, больных сахарным диабетом», принятого МПА СНГ в 2004 г., и после одобрения Советом МПА СНГ направлен в Исполнительный комитет СНГ для проведения соответствующих процедур. Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с ростом заболеваемости сахарным диабе-

том — чрезвычайно важный документ, создающий международно-правовую базу оказания медицинской помощи больным сахарным диабетом в государствах — участниках СНГ. Стороны соглашения обязуются: принимать меры, направленные на совершенствование национального законодательства по проблеме сахарного диабета, разработку и утверждение долгосрочных комплексных программ в области профилактики сахарного диабета и предупреждения его осложнений; обеспечивать проведение мероприятий по раннему выявлению и профилактике сахарного диабета.

В соглашении оговорено, что для стран, законодательство которых требует выполнения внутригосударственных процедур, оно вступает в силу с даты сдачи на хранение депозитарию уведомления о выполнении этих процедур. Соглашение вступило в силу для Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Республики Молдова и Российской Федерации. В настоящее время проходит процедура межведомственного согласования в Республике Казахстан.

Реализация Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с ростом заболеваемости сахарным диабетом предполагала разработку и принятие Межгосударственной программы сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств по профилактике и лечению сахарного диабета на 2016–2020 годы.

Основным разработчиком указанной программы стал Экспертный совет по здравоохранению при МПА СНГ. При самом деятельном участии Российской диабетической федерации в лице заместителя ее председателя, члена Экспертного совета по здравоохранению при МПА СНГ М. Г. Шипулиной совет подготовил проект программы, принятый 7 июня 2016 г. в Бишкеке на заседании Совета глав правительств СНГ. Проведение мероприятий программы может стать важным этапом противодействия росту заболеваемости сахарным диабетом.

На основе Межгосударственной программы сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств по профилактике и лечению сахарного диабета на 2016–2020 годы во всех странах Содружества были подготовлены национальные программы по профилактике и лечению сахарного диабета на период до 2020 г.

По предложению Экспертного совета Постоянная комиссия МПА СНГ по социальной политике и правам человека рассмотрела проекты модельного закона «О страховой медицине» и Рекомендаций по охране медицинского персонала и объектов здравоохранения в период вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия. Подготовка этих документов была необходима для развития медицинского права и имплементации инструментов международного гуманитарного права в национальных правовых системах стран Содружества.

В государствах — участниках СНГ имеются существенные различия в системе медицинского страхования. Актуальность разработки модельного закона «О страховой медицине» была связана в первую очередь с тем, что во многих странах идет активная подготовка к внедрению обязательного медицинского страхования, происходит развитие страховой медицины, а такие государства, как Республика Армения или Республика Беларусь, могут заинтересоваться развитием страховой медицины, тем более что система добровольного медицинского страхования в них действует.

Модельный закон регулирует отношения, возникающие в связи с осуществлением обязательного и добровольного медицинского страхования, в том числе определяет правовое положение субъектов медицинского страхования, основания возникновения и гарантии реализации их прав и обязанностей, отношения и ответственность, касающиеся уплаты страховых взносов на обязательное медицинское страхование неработающего населения.

Акты насилия против медицинского персонала, объектов и санитарно-транс-

портных средств во время вооруженных конфликтов и других чрезвычайных ситуаций все чаще случаются в разных странах, на разных континентах, затрагивая миллионы людей во всем мире. Они варьируются от прямых нападений на пациентов, медицинский персонал, медицинские учреждения и медицинский транспорт до отказа в доступе к медицинской помощи и разграбления медицинских учреждений. Уважение и защита раненых и больных, медицинского персонала, медицинских объектов и санитарно-транспортных средств — постулаты, ставшие основой международного гуманитарного права после принятия Женевской конвенции 1864 г. Однако эти вопросы и сегодня не теряют своей актуальности. Рекомендации по охране медицинского персонала и объектов здравоохранения в период вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия, направленные на комплексное урегулирование защиты медицинского персонала, объектов, санитарно-транспортных средств во время вооруженных конфликтов и других чрезвычайных ситуаций, касаются:

- законодательных мер для реализации существующей международной правовой базы;
- распространения информации, образования и профессиональной подготовки;
- координации усилий заинтересованных сторон.

Модельный закон «О страховой медицине» и Рекомендации по охране медицинского персонала и объектов здравоохранения в период вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия приняты на 45-м пленарном заседании МПА СНГ 25 ноября 2016 г.

Экспертный совет принял участие в разработке Плана мероприятий по реализации Стратегии «Здоровье населения государств — участников Содружества Независимых Государств» на 2018–2019 годы. Стратегия, утвержденная главами правительств СНГ в июне 2016 г., призвана оказать дополнительную поддерж-

ку странам в повышении согласованности их национальных стратегий и планов в области здравоохранения, для того чтобы системы здравоохранения могли предоставлять полный комплекс услуг по диагностике и лечению и объединять работу всех заинтересованных сторон. По предложению совета в план по реализации Стратегии «Здоровье населения государств — участников Содружества Независимых Государств» внесен пункт о подготовке модельного закона «О социальной рекламе и пропаганде здорового образа жизни».

Проводятся специализированные заседания Экспертного совета по здравоохранению, такие как: «Перспективы сближения законодательства о здравоохранении и лекарственном обеспечении государств — участников СНГ», «О вопросах лекарственного обращения в государствах — участниках СНГ», «Медико-социальные аспекты обеспечения безопасности дорожного движения и доказательная медицина».

В преддверии Евразийского женского форума 23 сентября 2015 г. состоялось заседание Экспертного совета, посвященное вопросам женского здоровья. На заседании 31 марта 2016 г. основным стал вопрос «Об объединении усилий в повышении качества медицинской помощи, лекарственного обеспечения и соблюдении прав ребенка-пациента в государствах — участниках СНГ (медицинские, фармакоэкономические, правовые и гуманитарные подходы)». По итогам этого заседания члены совета внесли на рассмотрение Постоянной комиссии МПА СНГ по социальной политике и правам человека предложение о необходимости подготовки рекомендаций «Об обеспечении прав детей на охрану здоровья в государствах — участниках СНГ». Рекомендации вошли в Перспективный план модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на 2016–2020 годы и будут представлены в текущем году.

Важным аспектом деятельности Экспертного совета является разработка

клинических рекомендаций. Использование инструментов глобального уровня по подготовке клинических рекомендаций на региональном уровне с учетом особенностей региона СНГ может привлечь к подготовке рекомендаций как законодателей, так и специалистов-практиков.

Экспертным советом заложены направления сотрудничества с Европейским региональным бюро Всемирной организации здравоохранения, в частности в области распространения на территории СНГ программы «Здоровые города».

В заседаниях Экспертного совета по здравоохранению активное участие принимают представители международных

организаций: Международного комитета Красного Креста, Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, Всемирной организации здравоохранения, Объединенной программы Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС), Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и др. Это позволяет наиболее полно учитывать основные направления развития международного права и создавать предпосылки для дальнейшего успешного осуществления законотворческой деятельности в сфере охраны здоровья населения государств — участников СНГ.

Г. Г. Мокров

Субсидированный импорт и компенсационные меры защиты внутреннего рынка Евразийского экономического союза

Аннотация: В статье анализируется практика применения компенсационных мер защиты внутреннего рынка Евразийского экономического союза от субсидированного импорта товара, осуществляемого компаниями экспортирующего иностранного государства на евразийскую единую таможенную территорию. Главное внимание уделяется таким методам расчета специфической субсидии экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств), как расчет субсидии, распределенной во времени, расчет субсидии на единицу товара и расчет доли субсидии в цене товара. Особое место отводится механизму использования таких инструментов защиты экономических интересов предприятий и отраслей организации евразийской экономической интеграции, как компенсационная пошлина (предварительная и окончательная) и принятие добровольных обязательств субсидирующей третьей страной или экспортером товара (в том числе связанных с отменой или сокращением специального субсидирования и пересмотром экспортной цены товара в сторону ее повышения на размер специфической субсидии).

Ключевые слова: субсидированный импорт, специфическая субсидия, компенсационные меры защиты, компенсационная пошлина, материальный ущерб отрасли экономики, добровольные обязательства субсидирующего государства.

Об авторе

Геннадий Григорьевич Мокров (Москва, Российская Федерация) — профессор кафедры международного бизнеса и таможенного дела Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор экономических наук; mokrov43@mail.ru

G. Mokrov

Subsidized Import and Compensatory Measures to Protect the Domestic Market of the Eurasian Economic Union

Summary: The article analyzes the practice of application of compensatory measures to protect the internal market of the Eurasian Economic Union from subsidized imports of goods carried out by companies exporting a foreign state to the Eurasian common customs territory. The main attention is paid to such methods of calculation of a specific subsidy of the exporting foreign state (union of foreign states) as calculation of the subsidy in time, calculation of the subsidy for unit of goods and calculation of the share of the subsidy in the price of goods. Special emphasis on the mechanism of using these tools to protect the economic interests of enterprises and organizations of the Eurasian economic integration, as countervailing duty (preliminary and final) and the adoption of voluntary commitments subsidizing a third country or by an exporter of goods (including those associated with the abolition or reduction of special subsidies and the revision of export prices of goods in the direction of its increase in size).

Keywords: subsidized imports, specific subsidies, compensatory protection measures, compensation duty, material damage to the economy, voluntary obligations of the subsidizing state.

About the Author

Gennady Mokrov (Moscow, Russian Federation) — Professor of the Department of International Business and Customs Affairs of the G. V. Plekhanov Russian Academy of Economics, Doctor of Economics; mokrov43@mail.ru

Кризисные процессы в глобальной экономике, замедление темпов роста мировой торговли, обострение конкурентной борьбы за экспортные рынки и широкое применение правительствами большинства стран мира протекционистских мер инициируют значительное вни-

мание Евразийской экономической комиссии к вопросам повышения конкурентоспособности экономик стран, входящих в состав Евразийского экономического союза, и их надежной защиты от широко практикующихся методов недобросовестной конкуренции (субси-

дированного, демпингового и возросшего импорта) со стороны компаний экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) путем введения и применения компенсационных, антидемпинговых и специальных мер защиты внутреннего (общего) рынка государств — членов Евразийского экономического союза.

В частности, компенсационные меры защиты, направленные на ограничение ввоза иностранных товаров на евразийскую единую таможенную территорию для их свободного обращения на общем (внутреннем) рынке государств — членов Евразийского экономического союза, устанавливаются в связи с импортом товара, при производстве, транспортировке или экспорте которого использовались специфические субсидии иностранного государства (союза иностранных государств), что причиняет (или реально может причинить) материальный ущерб либо существенно замедляет создание той или иной отрасли экономики Евразийского экономического союза.

В соответствии с Соглашением по субсидиям и компенсационным мерам, подготовленным в результате длительных многосторонних консультаций стран — участниц Генерального соглашения по тарифам и торговле, те или иные компенсационные меры защиты общего рынка Евразийского экономического союза при осуществлении внешней торговли товарами могут быть применены в отношении иностранных компаний при наличии установленной Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии в ходе предварительного расследования причинно-следственной связи между *тремя* базовыми событиями в сфере международной торговли:

первое событие — импорт аналогичного товара, при производстве, экспорте или транспортировке которого использовались специфические субсидии экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств);

второе событие — причинение материального ущерба соответствующей отрасли экономики Евразийского экономического союза, создание реальной угрозы причинения такого ущерба или существенное замедление создания отрасли экономики на евразийской единой таможенной территории;

третье событие — наличие причинно-следственной связи между субсидированным импортом аналогичного товара и материальным ущербом (или реальной угрозой его причинения) конкретной отрасли экономики Евразийского экономического союза.

Заявление производителя (или ассоциации производителей) о применении компенсационной меры защиты в отношении субсидируемого импорта аналогичного товара, ввозимого на евразийскую единую таможенную территорию, поданное в Департамент защиты внутреннего рынка, должно содержать не только неоспоримые доказательства того, что импорт товара, в отношении которого применялись специфические субсидии, наносит материальный ущерб (либо создает реальную угрозу причинения материального ущерба) или замедляет создание отрасли экономики государств — членов Евразийского экономического союза, но и описание методики определения объемов импорта и экспорта аналогичного товара, а также всесторонний анализ представленных данных об изменении показателей субсидированного импорта такого товара на евразийскую единую таможенную территорию.

1. Определение специфической субсидии

Специфическая субсидия представляет собой финансовое содействие, осуществляемое субсидирующим органом

в пределах таможенной территории экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) и направ-

ленное на стимулирование производства, экспорта или транспортировки товара на общий (внутренний) рынок Евразийского экономического союза, к пользованию которым допускаются не все национальные компании, а ограниченное число определенных организаций — конкретные производители, экспортеры или транспортные компании, их объединения (группы или союзы), а также отрасли экономики экспортирующего иностранного государства, расположенные в географическом регионе, находящемся под юрисдикцией субсидирующего органа.

По мнению экспертов ВТО, любая субсидия экспортирующего иностранного государства или союза таких государств является специфической, если в соответствии с нормативным правовым актом или фактически она связана по меньшей мере с двумя условиями:

1) субсидия непосредственно увязана с результатами производства, экспорта или транспортировки аналогичного товара на общий (внутренний) рынок Евразийского экономического союза (т. е. субсидия считается фактически увязанной с экспортом товара, если ее предоставление на практике корреспондируется с осуществленным или возможным вывозом товара за границу, а также с получением экспортной валютной выручки);

2) субсидия предоставлена национальным компаниям-экспортерам в целях использования ими товаров импортозамещения, произведенных на предприятиях экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств), взамен ввозимых на его таможенную территорию товаров. Например, государство предоставляет налоговые льготы инвестору при строительстве нового предприятия на определенных условиях: инвестор берет на себя обязательство об использовании в процессе изго-

товления товаров сырья и комплектующих местного производства.

Субсидия не может считаться специфической в случае, когда субсидирующим органом или законодательством экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) устанавливаются и строго соблюдаются общие объективные критерии либо условия, которые определяют безусловное право любой национальной компании (независимо от формы собственности, объема и номенклатуры выпускаемой продукции, числа занятых на производстве работников, уровня рентабельности и т. д.) на получение безвозмездной финансовой помощи, любой формы поддержки доходов или цен, а также прямого перевода денежных средств в виде дотаций, займов или покупки акций.

Таким образом, под специфической субсидией понимается любое финансовое содействие (дотации, займы, налоговые кредиты, пониженные ставки налога, освобождение от уплаты налогов, отсрочка или рассрочка по уплате налога, таможенных пошлин, ускоренная амортизация оборудования, списание долгов государством, льготные условия при приватизации земли и других активов по ценам ниже их рыночной стоимости и т. д.), оказываемое субъекту экономической деятельности (получателю субсидии) государственными органами или по их поручению (например, органами местного самоуправления) в целях производства, экспорта или транспортировки товара, вывозимого на евразийскую единую таможенную территорию, предоставление которого сопровождается ограничением числа компаний, допущенных к пользованию субсидией (фактически или в соответствии с нормативным правовым актом), и которое можно достаточно точно исчислить в денежном выражении.

2. Методы расчета размера специфической субсидии

Установление факта предоставления национальной компании экспортиру-

ющего иностранного государства (союза иностранных государств) специфической

субсидии и определение ее размера осуществляется на основе расчета суммы финансовой поддержки и процентов, которые бенефициар (компания — получатель выгоды) должен был бы выплатить в случае заимствования соответствующей суммы денежных средств на финансовом рынке своей страны. То есть размер специфической субсидии определяется исходя из величины финансовой выгоды, извлекаемой ее получателем, по следующей формуле:

$$S = G \times (1 + R),$$

где:

S — размер специфической субсидии;

G — сумма предоставленной дотации;

R — ставка коммерческих банков по кредитам (стоимость денежных средств на рынке).

Иначе говоря, размер финансовой выгоды, извлекаемой получателем специфической субсидии, в общем виде определяется как сумма предоставленной специфической субсидии и процентов, которые компания-получатель должна была бы выплатить в случае заимствования соответствующей суммы денежных средств на финансовом рынке своей страны.

При расчете размера специфической субсидии, предоставленной национальной компанией экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств), необходимо учитывать по меньшей мере *три* особенности. Во-первых, в случае, когда отсутствует возможность получения достоверной информации о стоимости денежных средств на финансовом рынке той или иной страны (страны, компания которой осуществляет субсидированный импорт товара на евразийскую единую таможенную территорию) на основании ставок коммерческих банков, в целях расчета размера специфической субсидии используется *уровень ставки рефинансирования*. Во-вторых, при расчете размера специфической субсидии следует учитывать тот факт, что полезный эффект от ее предоставления может проявляться в течение продолжительного периода.

В-третьих, специфические субсидии, предоставленные до периода специального расследования, должны быть также рассмотрены в целях определения их доли, относящейся к периоду расследования на предмет субсидированного импорта товаров на евразийскую единую таможенную территорию.

Как показывает практика, конкретные расчеты размера специфической субсидии, предоставленной национальной компанией экспортирующим иностранным государством (союзом иностранных государств), можно производить двумя методами: на единицу времени (обычно год) и на единицу товара (тонна, литр или другие единицы измерения).

2.1. Расчет специфической субсидии, распределенной во времени

При расчете размера специфической субсидии, распределенной во времени, необходимо учитывать не только субсидию, которая предоставлена и действует в период расследования факта субсидированного импорта аналогичного товара на общий (внутренний) рынок Евразийского экономического союза, но и субсидию, которая была предоставлена и прекратила свое действие до начала расследуемого периода, однако ее полезный эффект продолжает действовать в течение последующих лет, в том числе и в период расследования.

Специфические субсидии, предоставляемые иностранным компаниям в целях производства, экспорта и транспортировки товаров на евразийскую единую таможенную территорию, можно объединить в две группы:

1) **воспроизводимые** (постоянно повторяющиеся) субсидии (например, налоговые льготы или льготное кредитование), полезный эффект которых проявляется с момента их предоставления;

2) **единовременные** (невоспроизводимые) субсидии, полезный эффект которых проявляется в долгосрочной перспективе (например, субсидии, связанные с приобретением основных активов,

общая стоимость которых распространяется на весь период их использования).

Таким образом, если полезный эффект от предоставленной специфической субсидии проявляется незамедлительно, то финансовое содействие, оказанное компании-экспортеру до начала периода расследования, во внимание не принимается. Если же полезный эффект от получения специфической субсидии проявляется не только в ближайшей, но и в более отдаленной перспективе, то такое финансовое содействие, оказанное компании-экспортеру до начала периода расследования, безусловно, должно быть учтено при расчете размера специфической субсидии, распределенной во времени, в полном объеме.

При предоставлении национальным компаниям экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) *воспроизводимых* специфических субсидий финансовая поддержка, выделенная им на стимулирование производства, экспорта и транспортировки товара на евразийскую единую таможенную территорию, используется непосредственно в период расследования, а использованные суммы обычно увеличиваются на размер годовой процентной ставки в целях полного отражения финансовой выгоды компании — получателя специфической субсидии. В частности, размер специфической субсидии, предоставляемой иностранной компании в форме налоговой льготы, рассчитывается по следующей формуле:

$$S = T \times (1 + R),$$

где:

S — размер специфической субсидии;

T — чистые налоги (общая сумма налогов за вычетом субсидий и трансфертных платежей);

R — ставки коммерческих банков по кредитам (стоимость денег на рынке).

Иначе говоря, чтобы определить финансовую выгоду получателя специфической субсидии, полезный эффект которой проявляется сразу с момента ее предоставления, используемую сумму

денежных средств необходимо увеличить на размер годовой процентной ставки коммерческих банков по кредитам (выгода, полученная вследствие отсутствия необходимости в привлечении финансовых ресурсов на денежном рынке).

При предоставлении национальным компаниям экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) *единовременных* специфических субсидий, связанных с приобретением на рынке капитала основных активов (здания, сооружения, оборудование и т. д.), субсидируемые средства, например в форме дотаций (предполагается, что получатель использует их в целях повышения конкурентоспособности в долгосрочной перспективе, т. е. для покупки тех или иных активов), могут быть распределены в соответствии со сроками их амортизации, установленными в конкретной отрасли экономики, путем применения *линейного метода* начисления (расчета) амортизационных отчислений. Например, если период амортизации основных активов составляет *пять лет*, то ежегодно 20% от размера дотации должны быть отнесены к периоду расследования на предмет определения размера специфической субсидии.

Доход от предоставления компании-экспортеру специфической субсидии в форме инвестиций в ее активы, распределенный во времени, можно рассчитать по следующей формуле:

$$P = \frac{\frac{I}{t} + \left[\left(I - \frac{I}{t} \right) \times (k - 1) \right] \times R}{(1 + R)},$$

где:

P — доход от специфической субсидии, полученный в году распределения;

I — инвестиции, направленные на производство товара;

t — срок полезного использования объектов инвестирования;

R — ставка коммерческих банков по кредитованию получателя субсидии;

k — год распределения.

Подобное распределение размера специфических субсидий эквивалентно

ряду ежегодно предоставляемых компании-экспортеру государственных дотаций на одну и ту же сумму. Для определения финансовой выгоды компании-экспортера (получателя субсидии) ежегодно предоставляемые дотации должны быть увеличены на размер соответствующей процентной ставки по кредитованию, установленной коммерческими банками, что позволит отразить выгоду, полученную вследствие отсутствия необходимости привлекать дополнительные денежные средства на открытом финансовом рынке. Кроме того, чтобы в полном объеме определить выгоды получателя субсидии (компании-экспортера), связанные с целевым распоряжением освобожденными финансовыми ресурсами в период расследования, их размер необходимо увеличить на среднюю сумму процентов, которые компания-экспортер (получатель субсидии) могла бы сама заработать с части дотации, не отнесенной на амортизацию, в течение всего данного периода.

Подход, предусматривающий распределение размера специфической субсидии во времени, означает, что единовременные (невоспроизводимые) субсидии, предоставленные национальным компаниям экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) за несколько лет до начала периода расследования, должны также быть компенсированы тогда, когда их полезный эффект продолжается в период расследования факта субсидированного импорта аналогичного товара. Исключение составляют субсидии, размер которых не превышает 1% от стоимости объекта субсидирования, даже если они связаны с приобретением основных активов.

На практике воспроизводимые и единовременные специфические субсидии нередко переплетаются (дополняют одна другую). Например, если при предоставлении специфических субсидий, связанных с приобретением основных активов, иностранные компании освобождаются от уплаты импортной таможенной пошлины на оборудование, ввезенное на

территорию субсидирующего государства, то стоимость финансовых выгод, накопленных в течение периода амортизации, должна быть также учтена, а соответствующая их часть — отнесена на период расследования. Повторяющиеся специфические субсидии, предоставленные в крупных суммах до начала периода расследования факта субсидированного импорта, при определенных обстоятельствах могут быть распределены во времени, если установлено, что они связаны с приобретением основных активов и продолжают оставаться источником финансовой выгоды, извлекаемой получателем субсидии в течение периода расследования.

В целом размер специфических субсидий должен представлять собой сумму финансовых средств, полученных от экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств), и стоимостного выражения выгод компании-экспортера (получателя субсидии), полученных вследствие отсутствия необходимости привлечения дополнительных ресурсов на финансовых рынках.

2.2. Расчет специфической субсидии на единицу товара

Распределение полной стоимости специфической субсидии, относимой на период расследования, в расчете на единицу товара, ввозимого на общий рынок Евразийского экономического союза, предполагает количественное сопоставление величины двух экономических показателей, как то:

1) размер специфической субсидии, позволяющей национальной компании экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) осуществлять недобросовестную конкуренцию на внутреннем рынке государств — членов Евразийского экономического союза и дающей ей дополнительные конкурентные преимущества и финансовые выгоды;

2) количество ввозимого на евразийскую единую таможенную территорию

товара, являющегося предметом субсидируемого импорта, если при его производстве, экспорте или транспортировке использовалась специфическая субсидия экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств). В частности, если поставки товара осуществляются в отношении: а) *потребительских товаров долгосрочного пользования* (например, пылесосов, телевизоров, холодильников или стиральных машин), то за единицу товара принимается каждый отдельный объект купли-продажи; б) *насыпной или наливной продукции* (такой, как зерно, дизельное топливо, сжиженный газ, минеральные удобрения или другие химические препараты), то размер специфической субсидии определяется в расчете на тонну или другую меру веса ввозимой продукции, указанной в товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС).

Определение размера специфической субсидии, относимой на период расследования, позволяет Департаменту защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии рассчитать объем специфической субсидии на единицу продукции, который устанавливается путем распределения полной стоимости субсидии в соответствии с показателем величины экспорта или объема продаж конкретного товара, в отношении производства, экспорта или транспортировки которого применяются (или применялись) специфические субсидии.

В частности, если расчет специфической субсидии на единицу товара ведется в отношении поставок продукции на общий рынок государств — членов Евразийского экономического союза, то показателем распределения стоимости специфической субсидии являются **объемы экспорта** аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию в течение периода расследования, так как полезный эффект таких субсидий распространяется только на производство, экспорт и транспортировку

товара на внешний рынок экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств), т. е.:

$$S = \frac{Q}{E},$$

где:

S — размер специфической субсидии на единицу товара;

Q — полная стоимость специфической субсидии;

E — экспорт аналогичного товара на внутренний рынок Евразийского экономического союза.

Если расчет специфической субсидии на единицу товара ведется в отношении поставок продукции *на внутренний рынок* экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств), то в качестве экономического показателя распределения стоимости специфической субсидии используются общие **объемы продаж**, так как полезный эффект таких субсидий распространяется не только на реализацию товара на внутреннем рынке субсидирующего иностранного государства, но и на экспортные поставки товара на общий рынок государств — членов Евразийского экономического союза, т. е.:

$$S = \frac{Q}{V},$$

где:

S — размер специфической субсидии на единицу товара;

Q — полная стоимость специфической субсидии;

V — объем продаж аналогичного товара, произведенного и реализуемого как на внутреннем рынке экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств), так и на общем рынке государств — членов Евразийского экономического союза.

В случае если полученный полезный эффект от предоставления специфической субсидии распространяется только на конкретный вид продукции, показатель распределения должен отражать объемы экспорта или объемы продаж исключительно этой продукции (в противном случае необходимо использовать

статистические данные об общих объемах продаж компании — получателя субсидии).

Таким образом, размер специфической субсидии должен представлять собой сумму денежных средств, полученных от экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств), и стоимостного выражения выгод компании-экспортера (получателя субсидии) вследствие отсутствия необходимости привлекать дополнительные средства на финансовых рынках. Если финансовая поддержка предоставляется на единицу товара (например, в случае использования экспортных скидок), то размер специфической субсидии обычно определяется путем расчета средневзвешенной стоимости всех скидок в течение периода расследования. Другие же субсидии не могут быть изначально выражены в расчете на единицу товара, так как они включают в себя общие суммы денежных средств, которые должны быть отнесены на соответствующий вид продукции в целом.

2.3. Расчет доли субсидии в цене товара

Существующие подходы к расчету размера специфической субсидии и распределению ее стоимости на единицу товара позволяют оценить ту выгоду (конкурентное преимущество), которую компания-экспортер (бенефициар субсидии) может получить, исходя из доли субсидии в цене товара с использованием следующей формулы:

$$SW = \frac{S}{EP_{CIP/CIF}} \times 100\%,$$

где:

SW — доля специфической субсидии в цене импортируемого товара;

S — размер специфической субсидии на единицу импортируемого товара;

$EP_{CIP/CIF}$ — экспортная цена товара на условиях коммерческой поставки CIP/CIF (до границы Евразийского экономического союза).

Как видим, при расчете доли специфической субсидии в цене субсидиру-

емого товара необходимо размер специфической субсидии на единицу импортируемого товара, рассчитанный для каждого конкретного предприятия-экспортера (получателя субсидии), пересчитать в процентах к стоимости импортного товара, сформировавшейся на таможенной границе страны-импортера, представив его в виде процентного отношения к цене товара на условиях коммерческой поставки CIP/CIF (ввозные таможенные пошлины не уплачены). Иначе говоря, чем меньше доля специфической субсидии в цене товара, тем меньшую выгоду (конкурентное преимущество) имеет компания-экспортер (получатель субсидии) на общем рынке государств — членов Евразийского экономического союза.

Финансовая помощь, оказываемая компаниям экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) в форме специфической субсидии при производстве, экспорте или транспортировке товара на евразийскую единую таможенную территорию, *не может* рассматриваться в качестве предоставления конкурентного преимущества в случаях:

1) кредита, предоставляемого субсидирующим органом, если *отсутствует разница* между суммой, которую компания-экспортер (получатель кредита) уплачивает за государственный кредит, и суммой, которую она должна была бы уплатить (или уже уплатила) за полученный сопоставимый кредит коммерческого банка, работающего на финансовом рынке экспортирующей третьей страны;

2) адекватного вознаграждения за поставку или закупку субсидирующим органом товаров либо услуг, если: а) продажа их осуществляется *за менее чем* адекватное вознаграждение и б) покупка их не осуществляется *за более чем* адекватное вознаграждение (адекватность вознаграждения определяется исходя из существующих рыночных условий покупки и продажи этих товаров или услуг на внутреннем рынке экспортирующей

третьей страны, включая такие показатели, как: цена, качество, доступность, ликвидность, транспортировка, страхование и иные условия продажи или покупки товаров либо услуг);

3) гарантирования кредита субсидирующим органом, если *отсутствует разница* между суммой, которую компания-экспортер (получатель гарантии) уплачивает за кредит, гарантированный субсидирующим органом, и суммой, которую она уплатила бы за сопоставимый кредит коммерческого банка без предоставления государственной гарантии;

4) непосредственного участия субсидирующего органа в капитале компании-экспортера, при условии, что такое участие не может быть расценено как не отвечающее обычной инвестиционной практике (включая предоставление рискового капитала) на таможенной территории экспортирующей третьей страны.

Минимально допустимая доля специфической субсидии в цене товара, ввозимого на евразийскую единую таможенную территорию (размер специфической субсидии на единицу товара, выраженный в процентах к экспортной

цене товара на условиях коммерческой поставки CIP/CIF), не должна превышать *однопроцентный* рубеж. Если доля специфической субсидии в цене импортируемого товара меньше минимально допустимой величины, она считается *незначительной* и, по оценке экспертов ВТО, не может нанести серьезный материальный ущерб или создать угрозу причинения такого ущерба либо оказать решающее воздействие на существенное замедление создания соответствующей отрасли экономики государств — членов Евразийского экономического союза.

Объем субсидируемого импорта, как правило, признается *незначительным*, если составляет *менее одного процента* от общего объема ввоза аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию, при условии, что на экспортирующие третьи страны, индивидуальная доля каждой из которых в импорте составляет менее одного процента, в совокупности приходится *не более трех процентов* от общего объема импорта аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию.

3. Ущерб отрасли экономики вследствие субсидированного импорта

Материальный ущерб, причиненный отрасли экономики (или угроза его причинения, или существенное замедление создания соответствующей отрасли экономики) Евразийского экономического союза, обусловленный импортом аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию, при производстве, экспорте или транспортировке которого иностранные компании пользовались специфическими субсидиями своих правительств, определяется Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии.

Под отраслью экономики Евразийского экономического союза понимаются все производители аналогичного товара, зарегистрированные на евразийской единой таможенной территории,

либо те из них, доля которых составляет существенную часть, но не менее 25% в общем объеме производства такого товара. Агрегированные данные по предприятиям, составляющим отрасль экономики Евразийского экономического союза, характеризуются такими показателями, как: а) объем производства; б) производственные мощности предприятий и степень их загрузки; в) полная себестоимость товара на условиях коммерческой поставки EXW; г) цена аналогичного товара на условиях коммерческой поставки EXW (без НДС); д) факторы, влияющие на изменение средневзвешенной себестоимости на единицу товара и средневзвешенной отпускной цены товара (без НДС); е) размер прибыли от реализации аналогичного товара;

ж) рентабельность производства и рентабельность продаж аналогичного товара; з) объем инвестиций, направляемых на производство и реализацию аналогичного товара; и) изменение товарных запасов на складах и в товаропроводящей сети; к) производительность труда; л) занятость и заработная плата персонала, задействованного в производстве данного товара.

Оценка материального ущерба, причиненного отрасли экономики Евразийского экономического союза (если выделить такую отрасль на основании статистической информации невозможно, то воздействие субсидированного импорта определяется в отношении отрасли экономики, производящей группу товаров, включая аналогичный товар, по которому имеется необходимая и достаточная информация), основывается на результатах исследования объема субсидированного импорта аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию, а также его воздействия на непосредственных производителей и цены аналогичного товара. Такая оценка ведется по пяти основным направлениям.

Первое направление — исследование состояния внутреннего рынка аналогичного товара Евразийского экономического союза, в том числе:

а) выявление степени наполняемости (существенной или несущественной) рынка субсидированным импортом аналогичного товара (в абсолютном и относительном выражении) в двух отношениях:

— в отношении к уровню производства товара, что сказывается на экономических интересах производителей;

— в отношении к уровню потребления товара, что сказывается на экономических интересах потребителей;

б) анализ структурных изменений, происходящих на внутреннем рынке Евразийского экономического союза, включая увеличение доли субсидированного импорта товара; сохранение доли субсидированного импорта товара; незначительное уменьшение доли субсидированного импорта товара, которое было

бы более значительным при отсутствии специфических субсидий экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств);

в) оценка последствий, вызванных применением иностранных субсидий как метода недобросовестной конкуренции, а именно: вытеснение или затруднение импорта аналогичного товара на внутренний рынок субсидирующей страны или на национальный рынок какого-либо третьего государства; увеличение доли компаний субсидирующего иностранного государства на зарубежных рынках того или иного сырьевого товара по сравнению с той долей, которую субсидирующая страна имела (в среднем) за предшествующий *трехлетний* период, как устойчивая тенденция.

Второе направление — исследование динамики цены аналогичного товара, при производстве, экспорте или транспортировке которого использовались специфические субсидии иностранных государств (союза иностранных государств), путем сравнения:

1) цены субсидированного товара с ценой аналогичного товара на одном и том же рынке и при одном и том же объеме продаж за сопоставимый период;

2) цены субсидированного товара с ценой аналогичного товара, производимого и реализуемого на внутреннем рынке Евразийского экономического союза;

3) цены субсидированного аналогичного товара на национальных рынках третьих стран, на которые поступает такой товар, непосредственно произведенный предприятиями Евразийского экономического союза.

Третье направление — исследование степени воздействия субсидированного импорта товара на соответствующую отрасль экономики Евразийского экономического союза, производящую аналогичный товар. В частности, при определении реальной угрозы материального ущерба отрасли экономики тщательному анализу подвергаются следующие факторы:

а) характер и размер рассматриваемых субсидий (обычные или специфические) и степень их воздействия на внешнеторговую деятельность предприятий;

б) динамика роста объемов субсидируемого импорта аналогичного товара, свидетельствующая о реальной возможности его увеличения в ближайшей или более отдаленной перспективе;

в) потенциал субсидируемого импорта аналогичного товара, предполагающий очевидную неотвратимость усиления экспортной направленности иностранных корпораций;

г) ценовые риски при наращивании интенсивности импорта аналогичного товара, а именно осуществление субсидируемого импорта по ценам, которые будут оказывать подавляющий эффект или сдерживающее влияние на цены производителей товара в государствах — членах Евразийского экономического союза, что может привести к дальнейшему увеличению спроса на импортные аналогичные товары, субсидируемые экспортирующим иностранным государством (союзом иностранных государств);

д) негативное влияние на уровень запасов аналогичного товара на складах и в товаропроводящей сети.

Четвертое направление — исследование кумулятивного ущерба, причиненного отрасли экономики Евразийского экономического союза субсидированным импортом одного и того же аналогичного товара из нескольких экспортирующих иностранных государств, не находящихся в составе единого союза. Такая оценка (оценка на совокупной основе), как правило, допускается, только если в ходе специального расследования установлено, что:

— во-первых, определение материального ущерба на кумулятивной основе может быть уместно лишь с учетом условий конкуренции между импортными товарами и условий конкуренции между импортным товаром и аналогичным товаром, произведенным предприятиями Евразийского экономического союза;

— во-вторых, размер специфической субсидии в каждом экспортирующем иностранном государстве на данный товар составляет более 1% от его стоимости.

Пятое направление — исследование факторов, действующих в тот же период и оказывающих негативное воздействие на состояние отрасли экономики Евразийского экономического союза, но не связанных с субсидированным импортом аналогичного товара. К ним относятся:

а) объем реализации и цена импортного товара, в отношении которого специфические субсидии не применялись;

б) сокращение спроса или изменение в структуре потребления;

в) сокращение экспортных поставок;

г) изменение потенциала предприятий и отраслей, ориентирующихся на производство импортозамещающих товаров;

д) различия и изменения в технологии производства.

При установлении факта угрозы причинения материального ущерба отрасли экономики Евразийского экономического союза вследствие субсидируемого импорта аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию Департамент защиты внутреннего рынка, проводящий расследования, учитывает следующие факторы:

— характер, размер специфической субсидии (или субсидий), а также ее возможное воздействие на внутренний рынок Евразийского экономического союза;

— темпы роста субсидируемого импорта, свидетельствующие о реальной возможности его дальнейшего увеличения;

— наличие у экспортера товара, являющегося предметом субсидируемого импорта, достаточного экспортного потенциала (или очевидная неотвратимость его увеличения), который свидетельствует о реальной возможности увеличения субсидируемого импорта данного товара (с учетом возможности других экспортных рынков принять любой дополнительный экспорт данного товара);

— уровень цен товара, являющегося предметом субсидируемого импорта, если такой уровень цен может привести к снижению (или сдерживанию) цены аналогичного товара на внутреннем рынке Евразийского экономического союза и дальнейшему росту спроса на товар, являющийся предметом субсидируемого импорта;

— объем запасов товара на складах компаний экспортирующего иностранного государства и в товаропроводящей сети.

Всесторонний анализ перечисленных и ряда других факторов, влияющих на степень нанесения материального ущерба отрасли экономики Евразийского экономического союза, дает возможность исключить наиболее значимые из них, которые ухудшают условия ведения внешнеторговой деятельности. К ним относятся:

— отсутствие эффективных механизмов реализации имущественных прав и их защиты;

— наличие значительного нерыночного сектора в национальных экономиках государств — членов Евразийского экономического союза;

— значительный удельный вес теневого сектора экономики;

— несоблюдение обязательств по внешнеторговым контрактам;

— неравенство условий конкуренции;

— слабое информационное обеспечение внешнеторговой деятельности;

— избыточное бюрократическое регулирование хозяйственной деятельности предприятий, ориентированных на внешний рынок.

Решение о наличии угрозы причинения материального ущерба отрасли экономики Евразийского экономического союза принимается, если по результатам анализа всех факторов Департамент защиты внутреннего рынка Евразийской

экономической комиссии как орган, проводящий специальное расследование, приходит к заключению о недопустимости продолжения субсидируемого импорта аналогичного товара и неотвратимости причинения таким импортом материального ущерба соответствующей отрасли экономики в случае непринятия компенсационной меры защиты общего (внутреннего) рынка Евразийского экономического союза от недобросовестной конкуренции со стороны иностранных компаний.

Оборотной стороной оценки материального ущерба отрасли экономики Евразийского экономического союза в результате субсидированного импорта аналогичного товара является размер финансовой выгоды, извлекаемой иностранной компанией — получателем специфической субсидии при производстве, экспорте или транспортировке аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию.

Все исследования, направленные на определение размера финансовых выгод иностранной компании — получателя специфической субсидии и оценку материального ущерба отрасли экономики Евразийского экономического союза (или реальной угрозы нанесения такого ущерба), основываются на тщательном и всестороннем анализе поступившей в распоряжение Департамента защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии финансовой, бухгалтерской и статистической информации, которая имеет прямое или косвенное отношение к факту предоставления экспортирующим иностранным государством (союзом иностранных государств) национальным компаниям специфической субсидии, использованной в целях производства, экспорта или транспортировки аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию.

4. Компенсационные меры защиты общего рынка

Компенсационные меры защиты внутреннего рынка Евразийского эко-

номического союза от недобросовестной конкуренции со стороны ино-

странных компаний применяются исключительно на основе результатов специального расследования, проводимого Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии, в ходе которого достоверно установлено наличие причинно-следственной связи между специфическим субсидированным импортом аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию и материальным ущербом, причиненным (или возможностью его причинения) соответствующей отрасли экономики государств — членов Евразийского экономического союза, либо существенным замедлением создания такой отрасли экономики на евразийской единой таможенной территории.

Факторами, подтверждающими наличие причинно-следственной связи между специфическим субсидированным импортом и ухудшением ситуации в той или иной отрасли экономики Евразийского экономического союза, могут считаться:

— вытеснение с внутреннего рынка евразийской единой таможенной территории товара, произведенного предприятиями Евразийского экономического союза, аналогичным импортным товаром, являющимся объектом специального расследования;

— влияние субсидированного импорта на ценовую политику производителей (союза производителей) аналогичного товара в государствах — членах Евразийского экономического союза;

— переориентация потребителей продукции, произведенной на евразийской единой таможенной территории, на использование аналогичного импортного товара, приобретенного на внутреннем рынке экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств).

Конкретными инструментами компенсационных мер защиты внутреннего рынка Евразийского экономического союза от недобросовестной конку-

ренции со стороны иностранных компаний, по сложившейся в ВТО практике, являются:

а) со стороны государства-импортера — компенсационная пошлина;

б) со стороны государства-экспортера — добровольные обязательства субсидирующей страны или экспортера товара.

4.1. Компенсационная пошлина

Компенсационная пошлина представляет собой вид косвенных налогов, вводимых в качестве реакции импортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) на субсидированный импорт товара как метод недобросовестной конкуренции со стороны компаний экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) в сфере международной торговли, построенной по принципу «удар на удар», а именно:

— экспортирующее иностранное государство (союз иностранных государств) оказывает финансовое содействие национальным компаниям при производстве, экспорте или транспортировке аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию посредством предоставления им специфических субсидий;

— импортирующее иностранное государство (союз иностранных государств) защищает внутренний рынок Евразийского экономического союза от субсидированного импорта аналогичного товара путем введения компенсационной пошлины, которая применяется при введении компенсационной меры и взимается таможенными органами независимо от импортной таможенной пошлины.

Компенсационная пошлина как инструмент защиты внутреннего рынка Евразийского экономического союза от субсидированного импорта аналогичного товара выполняет *двухединую фискально-протекционистскую* функцию:

— с одной стороны, компенсационная пошлина является источником пополнения доходной части национальных бюджетов стран — членов Евразийского экономического союза, т. е., по существу, они присваивают специфическую субсидию экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств);

— с другой стороны, компенсационная пошлина служит эффективным инструментом протекционистской политики, направленной на защиту внутреннего рынка Евразийского экономического союза от недобросовестной конкуренции со стороны компаний экспортирующих иностранных государств (союза иностранных государств).

Неразрывное единство фискальной и протекционистской функций, выполняемых компенсационной пошлиной, заложено в самой основе экономического механизма регулирования внешнеторговой деятельности государств — членов Евразийского экономического союза.

Введение компенсационных пошлин как реакция на предоставление экспортирующим иностранным государствам (союзом иностранных государств) специфических субсидий своим национальным компаниям при производстве, экспорте или транспортировке аналогичных товаров на евразийскую единую таможенную территорию ведет в конечном счете к ряду негативных последствий.

Прежде всего, компенсационные пошлины влияют на цену аналогичного товара, ввозимого на евразийскую единую таможенную территорию, которая зависит как от эластичности спроса и предложения на данный товар по отношению к цене (или доходу), так и от абсолютной величины такого спроса и предложения:

— во-первых, цена товара в государствах-импортерах (при равенстве всех прочих условий) возрастает тем меньше, чем больше (и эластичнее) предложение такого товара и чем ниже

(и менее эластично) предложение аналогичного товара, ввозимого компаниями экспортирующих иностранных государств;

— во-вторых, цена аналогичного товара возрастает в странах-импортерах тем меньше, чем выше на внутреннем рынке Евразийского экономического союза эластичность спроса и чем ниже (и жестче) спрос на данный товар на внутреннем рынке экспортирующего иностранного государства;

— в-третьих, повышение цены товара вследствие взимания компенсационной пошлины тем выше, чем ниже сам импорт облагаемого таможенными платежами товара по сравнению с производством в стране-экспортере и чем выше импорт по отношению к производству в стране-импортере.

Кроме того, компенсационные пошлины влияют на количество импортируемого на внутренний рынок Евразийского экономического союза товара, которое, в свою очередь, зависит от эластичности спроса и предложения по отношению к цене. В частности, величина импорта сокращается тем больше, чем эластичнее спрос стран-импортеров и чем выше предложение товаров-субститутов, производимых предприятиями на евразийской единой таможенной территории.

И наконец, компенсационные пошлины ведут к межбюджетному транзиту на международном уровне, а именно: денежные средства из бюджета экспортирующего иностранного государства перемещаются в бюджет импортирующего иностранного государства в виде уплаченной компенсационной пошлины, которая равна специфической субсидии, предоставленной иностранным компаниям в целях производства, экспорта и транспортировки товара на евразийскую единую таможенную территорию. Влияние компенсационной пошлины на доходную часть бюджета государств — членов Евразийского экономического союза (фискальный эффект) будет тем

выше, чем незначительнее будет сокращение субсидированного импорта аналогичного товара компаниями экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств). Не случайно правительства многих государств, ранее активно поддерживавшие специфическими субсидиями деятельность национальных компаний на внешних рынках, сделали в конечном счете вывод, что специфическая субсидия экспортирующего иностранного государства, предоставляемая с благими намерениями компаниям-экспортерам, на деле превращается в дорогостоящую и неоправданную форму финансовой поддержки налогоплательщиками субсидирующей страны уровня занятости на частных предприятиях. Такая форма недобросовестной конкуренции на внешних рынках весьма незначительно влияет на ускорение темпов роста национальных экономик в государствах, практикующих субсидированный экспорт товаров.

Симптоматично, что до настоящего времени Евразийская экономическая комиссия, представленная Департаментом защиты внутреннего рынка, провела лишь одно расследование (в июне 2016 г.) в отношении субсидированного импорта ферросиликомарганца, произведенного украинскими предприятиями ПАО «Запорожский завод ферросплавов», ПАО «Стахановский завод ферросплавов» и ПАО «Никопольский завод ферросплавов» и ввозимого на внутренний рынок государств — членов Евразийского экономического союза. На наш взгляд, такое положение дел объясняется тем, что иностранные компании умело «маскируют» субсидированный импорт под демпинговый. Это влечет необходимость проводить параллельные расследования по двум направлениям: на предмет субсидированного импорта и на предмет демпингового импорта. Трудность в выборе направления специального расследования состоит

в том, что в международной коммерческой практике демпинговый и субсидированный импорт аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию нередко дает сходный эффект — экспортная цена товара устанавливается ниже его нормальной стоимости. Однако в первом случае разницу (маржу) компенсирует компания-экспортер за счет мобилизации внутрифирменных финансовых ресурсов и обычных («горизонтальных») субсидий, а во втором случае — иностранное государство (союз иностранных государств) путем предоставления экспортирующим компаниям специфических субсидий. С учетом того, что торговые партнеры из третьих стран используют в целях продвижения товаров на евразийскую единую таможенную территорию все виды обычных и специфических субсидий (и прямые, и косвенные, и комбинированные), выбор адекватных мер борьбы с антиконкурентными практиками иностранных компаний делается в пользу антидемпинговых инструментов защиты внутреннего рынка Евразийского экономического союза. Достаточно сказать, что в настоящее время Департамент защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии успешно завершил семь антидемпинговых расследований (в том числе в отношении ферросиликомарганца, произведенного украинскими предприятиями) и активно ведет 21 расследование на предмет демпингового импорта товаров на общий рынок государств — членов Евразийского экономического союза.

В ходе специального расследования на предмет субсидированного импорта аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию принимается решение о применении компенсационной меры защиты внутреннего рынка Евразийского экономического союза посредством введения предварительной или окончательной компенсационной пошлины.

4.1.1. Предварительная компенсационная пошлина

Предварительная компенсационная пошлина вводится Евразийской экономической комиссией по представлению Департамента защиты внутреннего рынка на срок до *четырёх* месяцев (при условии одновременного продолжения расследования) в целях предотвращения ущерба отрасли экономики Евразийского экономического союза, причиняемого субсидированным импортом аналогичного товара в период проведения расследования. В частности, предварительная компенсационная пошлина вводится решением Коллегии Евразийской экономической комиссии не ранее чем через 60 календарных дней с начала расследования, если:

— специальное расследование на предмет субсидированного импорта аналогичного товара инициировано заинтересованными лицами и имеется официальная публикация соответствующего уведомления;

— заинтересованным сторонам было предоставлено достаточно времени (*шесть* месяцев), чтобы направить в адрес Евразийской экономической комиссии необходимую информацию и публично высказать свои соображения;

— в предварительном порядке определяется наличие субсидированного импорта товара, нанесшего материальный ущерб отрасли экономики Евразийского экономического союза (или создающего реальную угрозу его нанесения) или существенно замедляющего создание отрасли экономики на евразийской единой таможенной территории.

Предварительная компенсационная пошлина вводится в размере, равном предварительно рассчитанной величине стоимости специфической субсидии экспортирующего иностранного государства на единицу субсидируемого товара, экспортируемого на евразийскую единую таможенную

территорию. Такое решение принимается только, если экспортирующему иностранному государству, предоставляющему специфическую субсидию, было предложено получить консультации, однако оно отказалось от консультаций либо в ходе консультаций не удалось найти компромиссное или взаимоприемлемое решение.

4.1.2. Окончательная компенсационная пошлина

Окончательная компенсационная пошлина вводится Евразийской экономической комиссией на срок до *пяти лет*, включая срок действия предварительной компенсационной пошлины. Основанием для ее введения служит установленный в процессе специального расследования неоспоримый факт, а именно: а) размер предоставленной экспортирующим иностранным государством (союзом иностранных государств) специфической субсидии превышает однопроцентный рубеж стоимости товара; б) сама специфическая субсидия многократно направлялась на возмещение расходов, связанных с основной деятельностью иностранной компании, причиняя материальный ущерб соответствующей отрасли экономики Евразийского экономического союза (или реально угрожая его причинить) либо существенно замедляя создание отрасли экономики на евразийской единой таможенной территории.

Размер окончательной компенсационной пошлины определяется путем деления общей стоимости специфической субсидии на количество (вес, объем и другие физические единицы измерения) аналогичного товара, ввезенного на евразийскую единую таможенную территорию. Величина окончательной пошлины:

— во-первых, не должна превышать размер предоставленной экспортирующим иностранным государством (союзом иностранных государств) специфической субсидии в расчете на

единицу субсидируемого и экспортируемого товара (в случае если субсидии предоставляются в соответствии с различными программами финансовой помощи, учитывается их совокупный размер);

— во-вторых, должна быть скорректирована с учетом индикаторов, характеризующих уровень инфляции в соответствующем иностранном государстве (союзе иностранных государств);

— в-третьих, в ходе оценки размера специфической субсидии из ее общей суммы вычитается регистрационный сбор, а также другие расходы, понесенные в процессе получения необходимой финансовой поддержки со стороны субсидирующего органа страны — экспортера товара, позволяющей обеспечить успешный выход иностранной компании на внутренний рынок Евразийского экономического союза.

Окончательное решение о величине компенсационной пошлины (ее адекватности размеру специфической субсидии) принимает Коллегия Евразийской экономической комиссии на основании доклада, подготовленного Департаментом защиты внутреннего рынка (с учетом мнения потребителей аналогичного товара, на экономические интересы которых может повлиять введение компенсационной пошлины).

4.2. Добровольные обязательства субсидирующей страны или экспортера товара

Добровольные обязательства, принимаемые субсидирующим иностранным государством или экспортером товаров, представляют собой инструмент защиты общего рынка Евразийского экономического союза от недобросовестной конкуренции. Они принимаются исключительно после вынесения предварительного утвердительного определения о наличии специфической субсидии и материаль-

ного ущерба отрасли экономики, причиняемого такой формой финансовой поддержки компаний при производстве, экспорте или транспортировке аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию.

В практике ВТО по борьбе с недобросовестной конкуренцией в сфере международной торговли применяются два вида добровольных экспортных обязательств:

1. Иностранное государство (союз иностранных государств), из которого экспортируется товар, являющийся объектом специального расследования на предмет субсидированного импорта, соглашается добровольно отменить или сократить финансовую помощь национальным компаниям в форме специфической субсидии либо принять соответствующие меры в целях устранения последствий такого финансового содействия в продвижении аналогичного товара на общий рынок Евразийского экономического союза. В частности, Украина отказалась с 2015 г. от предоставления национальным предприятиям ПАО «Запорожский завод ферросплавов», ПАО «Стахановский завод ферросплавов» и ПАО «Никопольский завод ферросплавов» специфической субсидии в форме льготных тарифов на электроэнергию, что позволило Департаменту защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии принять решение от 28 июня 2016 г. об отсутствии причин для введения компенсационной пошлины в отношении ферросиликомарганца из Украины, ввозимого на единую таможенную территорию государств — членов Евразийского экономического союза.

2. Экспортер товара, являющегося объектом расследования, добровольно соглашается пересмотреть установленные им цены на данный товар (а при наличии аффилированных лиц в государствах — членах Евразийского экономического союза — обеспечить поддержку этими лицами его обязательств

о пересмотре цен) таким образом, чтобы в результате всестороннего анализа принимаемых экспортером обязательств Департамент защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии, проводящий специальное расследование, пришел к заключению, что их принятие устранил неблагоприятные последствия субсидируемого импорта указанного товара. Согласно таким обязательствам уровень цен на товар, являющийся объектом расследования, должен быть не выше, чем это необходимо для нейтрализации воздействия специфической субсидии экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) на соответствующую отрасль экономики Евразийского экономического союза. Повышение цены товара, являющегося объектом расследования, может быть меньше, чем размер специфической субсидии, если оно является достаточным для устранения ущерба соответствующей отрасли экономики.

Принятие субсидирующим государством или экспортером добровольных обязательств и уведомление об этом Евразийской экономической комиссии в письменной форме позволяет завершить специальное расследование на предмет субсидированного импорта товара без введения предварительных или окончательных компенсационных пошлин в качестве инструмента защиты общего рынка Евразийского экономического союза от недобросовестной конкуренции со стороны компаний экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств).

В случае нарушения иностранным государством (союзом иностранных государств) или экспортером товара добровольных обязательств либо отзыва таких обязательств Евразийская экономическая комиссия принимает решение о применении компенсационной меры защиты общего рынка Евразийского экономического союза

посредством введения предварительной компенсационной пошлины, если расследование еще не завершено, или окончательной компенсационной пошлины, если результаты расследования свидетельствуют о наличии специфической субсидии иностранного государства (союза иностранных государств), в результате которой производством, экспортом или транспортировкой ввозимого на евразийскую единую таможенную территорию аналогичного товара был причинен материальный ущерб отрасли экономики (либо создана угроза причинения такого ущерба) или существенно замедлено создание соответствующей отрасли экономики Евразийского экономического союза.

От введения компенсационной пошлины (предварительной или окончательной) либо принятия добровольных обязательств субсидирующим государством или экспортером товара зависит степень защиты (протекции) внутреннего рынка Евразийского экономического союза от субсидируемого импорта аналогичного товара, уровень которой можно определить по следующей формуле:

$$P = \frac{V - V_1}{V},$$

где:

P — уровень протекции (защиты) внутреннего рынка;

V — внутренняя добавленная стоимость в условиях свободной торговли;

V_1 — внутренняя добавленная стоимость после введения компенсационной пошлины.

Вместе с тем возможность использования компенсационных мер (компенсационной пошлины или добровольных экспортных обязательств) в качестве инструмента защиты внутреннего рынка Евразийского экономического союза от недобросовестной конкуренции со стороны иностранных компаний ограничена: они применя-

ются (и должны применяться) не ко всем товарам, ввозимым на евразийскую единую таможенную территорию.

Во-первых, компенсационные меры применяются в отношении только аналогичных товаров, которые являются объектом специального расследования на предмет защиты внутреннего рынка Евразийского экономического союза от специфической субсидии, получаемой иностранными компаниями при производстве, экспорте и транспортировке таких товаров на евразийскую единую таможенную территорию. При этом они могут быть введены в качестве защитной меры:

а) в отношении товаров отдельных иностранных производителей, экспортеров или перевозчиков товара;

б) в отношении всего субсидированного импорта аналогичного товара на внутренний рынок Евразийского экономического союза.

Тем самым компенсационные меры позволяют ввести в практику ведения торговли на внутреннем рынке Евразийского экономического союза *принцип адресности* мер, обеспечивающий необходимую степень защиты (и уровень поддержки) только определенных товаропроизводителей, и вывести из сферы протекции процессы, направленные на нейтрализацию форс-мажорных обстоятельств (стихийных бедствий, забастовок, перебоев на транспорте и т. п.), также оказывающих серьезное негативное воздействие на экономическое и финансовое состояние соответствующих предприятий и отраслей экономики, которые функционируют на евразийской единой таможенной территории, но не связаны с наличием субсидированного импорта аналогичного товара.

Во-вторых, компенсационные меры вводятся на индивидуальной основе, т. е. они: а) применяются с учетом практики применения таких мер в отношениях с экспортирующими иностранными государствами (союзами иностранных государств); б) вводятся непосредственно по отношению к каждой иностранной компании, пользующейся специфической

субсидией экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств) при производстве, экспорте или транспортировке аналогичного товара на евразийскую единую таможенную территорию.

Нередко установление компенсационных пошлин или принятие добровольных обязательств субсидирующим государством либо экспортером товара не просто не исключает, а, наоборот, предполагает дальнейшее наращивание экспортирующим иностранным государством (союзом иностранных государств) финансовой помощи и содействия национальным компаниям при производстве, экспорте или транспортировке аналогичного товара на внутренний рынок Евразийского экономического союза при наличии у них достаточного производственного и экспортного потенциала, включающего:

— производственные мощности компаний и степень их загрузки у иностранных производителей аналогичного товара;

— предполагаемые инвестиции с целью расширения производственных мощностей компаний иностранных производителей аналогичного товара;

— открытость (закрытость) рынков сбыта товара, являющегося объектом расследования, в третьих странах, а также введение ограничительных (защитных) мер другими странами в отношении аналогичного товара;

— уровень потребления товара, являющегося объектом расследования, на внутреннем рынке экспортирующего иностранного государства (союза иностранных государств);

— открытость (закрытость) внутреннего рынка Евразийского экономического союза для сбыта аналогичного товара;

— наличие у иностранных производителей складских запасов, позволяющих существенно увеличить экспорт аналогичного товара.

В целом недооценка компенсационных мер защиты общего рынка Евразийского экономического союза от недобро-

совестной конкуренции со стороны иностранных компаний ведет не только к проникновению аналогичных товаров на евразийское единое экономическое пространство и вытеснению с него товаров местного производства, но и к огра-

ничению доступа аналогичных товаров, произведенных предприятиями Евразийского экономического союза, на внутренний рынок субсидирующего иностранного государства (союза иностранных государств).

Использованные источники

1. Мокров Г. Г. Евразийский экономический союз. Общий рынок: формирование, регулирование, защита. М. : Проспект, 2018.

2. Мокров Г. Г. Евразийский экономический союз: инструменты защиты внутреннего рынка от недобросовестной конкуренции. М. : Проспект, 2016.

3. Мокров Г. Г. Государственное регулирование внешнеторговой деятельности. М. : Юркнига, 2006.

4. Протокол к Договору о Евразийском экономическом союзе о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (приложение 8).

5. Шепенко Р. А. Введение в право ВТО: курс антидемпингового регулирования. М. : Проспект, 2016.

А. В. Сидорович

Евразийская интеграция: новая роль университетов

Аннотация: В статье представлена взаимосвязь развития евразийской интеграции и высшего образования. Особое внимание уделено обоснованию необходимости повышения роли университетов в интеграционных процессах в Евразийском экономическом союзе, а также рассмотрены особенности их взаимодействия в ЕАЭС. Показаны формы деятельности Евразийской ассоциации университетов как особого регионального образовательного интеграционного объединения, направленные на взаимодействие университетов евразийского пространства как центров образования, науки и культуры.

Ключевые слова: региональная интеграция, евразийская интеграция, Евразийская ассоциация университетов, сетевые университеты.

Об авторе

Александр Владимирович Сидорович (Москва, Российская Федерация) — директор Казахстанского филиала МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой экономики, председатель Исполкома Евразийской ассоциации университетов, доктор экономических наук, профессор; avsidorovich@rambler.ru

A. Sidorovich

Eurasian Integration: a New Role of Universities

Summary: The article examines the relationship between the development of Eurasian integration and higher education. Particular attention is paid to the justification of the need to enhance the role of universities in the integration processes in the Eurasian Economic Union. The peculiarities of universities interaction in the EEU are considered. Activity forms of the Eurasian Association of Universities as a special regional educational integration association aimed at interaction of universities in the Eurasian space as centers of education, science and culture are shown.

Keywords: regional integration, Eurasian integration, Eurasian Association of Universities, network universities, university ratings.

About the Author

Alexander Sidorovich (Moscow, Russian Federation) — Director of Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University, Head of Economics Department, Head of the Euroasian Universities Association Executive Committee, Doctor of Economics, Full Professor; avsidorovich@rambler.ru

1 января 2018 г. со дня вступления в силу Договора о Евразийском экономическом союзе исполнилось три года. Сегодня, когда в Евразийском союзе уже пять государств и его деятельность привлекает пристальное внимание стран мира, можно сказать, что евразийская интеграция в широком смысле слова получила организационную основу для консолидации и развития.

Небольшой накопленный опыт функционирования ЕАЭС показал всю серьезность проблем, которые стоят на пути развития данного интеграционного объ-

единения. Эти проблемы объективны, их разрешение требует продолжительного времени. В науке принято различать формальное и реальное развитие того или иного явления или процесса. Институциональное оформление ЕАЭС — это еще формальная стадия развития. Реальный процесс интеграции непременно требует создания согласованного механизма принятия решений по основным вопросам развития интеграции. Одним из ключевых признаков региональной экономической интеграции является умение совместно решать общие вопросы регио-

нального развития, достигать общих целей и решать совместно задачи оказания содействия развитию стран — членов интеграционного объединения, формировать общие воспроизводственные связи. Можно сказать, что реальная экономическая интеграция в рамках Евразийского экономического союза находится на начальном этапе, и в ее углублении важную роль могут сыграть университеты и вся система высшего образования.

Проблема евразийской интеграции широко обсуждается на различных конференциях и форумах, наработан интеллектуальный и научный потенциал исследования интеграции. Среди важных и перспективных проблем интеграции на одном из первых мест в обсуждениях стоит проблема роли образования в интеграционных евразийских процессах. Данная проблема является важнейшей по нескольким причинам.

В общем плане это связано с ролью образования в современном мире, повышением значимости человеческого капитала в развитии всех стран. Особую остроту и значимость данной проблеме для евразийской интеграции придает то, что Евразийский союз как особое региональное интеграционное объединение создавался и развивается на качественно новой по сравнению с другими региональными объединениями основе — в условиях продолжающегося процесса становления новых государств, большинство которых переходят к стадии осознания не только своих ценностей, но и ответственности за свою независимость. Этот фактор предопределяет практически все стороны деятельности и развития евразийской интеграции. Его недопустимо недооценивать. Особенно в сфере образования.

Ценности независимости и суверенитета в современных государствах Содружества осознаны ими как *высшие ценности каждой страны*, которые не могут быть поставлены под сомнение — это «красная черта» (В. В. Путин). Евразийский союз объективно исторически мог стать реальностью тогда, когда стра-

ны ощутили ценности своей независимости. Объединение равных и достойных партнеров в рамках союза может быть только в условиях независимости и суверенитета стран. Следует отметить, что уже в 1994 г., выступая в Московском университете, Президент Казахстана Н. А. Назарбаев совершенно ясно обозначил этот ключевой пункт евразийской интеграции: «Теперь, в условиях независимости, признавая равные права всех, уважая суверенитет и независимость каждого государства, можно было бы создать совершенно новое объединение. Я бы назвал его “Евразийский союз”!» [1, с. 15].

Приобретение странами независимости напрямую связано с формированием национальных систем образования и, соответственно, изменением содержания работы национальных университетов. Продолжается процесс формирования принципов самоопределения стран постсоветского пространства в современном сложном мире, что неизбежно затрагивает трансформацию общественного сознания и неразрывно связано с особенностями государственной системы образования и воспитания. Поэтому не случайно, что ЕАЭС (в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе) — сугубо экономическое образование, и Договор не предусматривает развитие гуманитарного и образовательного сотрудничества в качестве целей и задач союза.

Можно сказать, что в этом заключается одно из противоречий ЕАЭС. Развитие любой региональной интеграции по определению неизбежно связано с усилением взаимосвязей субъектов экономики и развитием отношений людей. Фактор сближения людей, желание и умение понять друг друга — это коренные принципы евразийского мира. Во многом именно поэтому ЕАЭС получает поддержку населения и народы стран евразийского пространства стремятся быть участниками Евразийского союза, несмотря на противоречивое настроение элит. Об этом свидетельствует, в частности,

последний опрос, который проводился в Республике Казахстан по оценке евразийской интеграции. На вопрос «Одобряете ли вы участие Казахстана в ЕАЭС?» 86,4% опрошенных ответили положительно, лишь 1,8% опрошенных категорически не одобряют это. Сотрудничество со странами — членами ЕАЭС является приоритетным для опрошенных по сравнению с другими объединениями и странами, в том числе Европейским союзом и Китаем. При этом высокий уровень одобрения зафиксирован во всех возрастных группах, включая группу молодежи 18–24 лет [2].

Объективным выражением потребностей региональной экономической интеграции является выработка определенных унифицированных требований к организации и оценке качества образования в рамках объединения. Практические действия в этом направлении выражает Болонский процесс. Последний не просто означает реализацию единых принципов общеевропейского образования, но является региональным ответом на противоречия развития образования в Европе. Можно и необходимо дискутировать о реализации принципов Болонского процесса, однако за ними необходимо видеть и то, что этот процесс обусловлен самой интеграцией. Дальнейшее развитие ЕАЭС также неизбежно потребует определения унифицированных подходов к подготовке кадров и, следовательно, к системе образования.

Повышение роли университетов евразийского пространства в консолидации и развитии ЕАЭС в новых условиях — важный ресурс углубления интеграции. Это также неразрывно связано с особой исторической миссией университетов — быть центрами образования, науки и культуры. Такое понимание роли университета противостоит попыткам свести роль университетов к «заводу по производству услуг». Такая концепция отвергает, по сути, сам интеграционный процесс. Практика показывает, что способность университетов каждой страны не просто создавать образовательные

услуги, но служить более высоким целям развития страны, присуща всем университетам евразийского пространства. Современные исследования соотношения культуры и экономики, которые активно проводятся в мире, ясно свидетельствуют о том, что формирование ценностных установок в обществе XXI в. становится важной функцией университетов [3, 4]. Это общественная миссия университета. К развитию евразийской интеграции она имеет прямое отношение. Чем теснее университеты связаны между собой, чем выше уровень взаимодействия в подготовке кадров, тем выше профессиональный и общественный интеграционный эффект их деятельности для интеграции в целом. Естественным выражением высшей ответственности университетов перед обществом является стремление евразийских университетов к сотрудничеству и объединению усилий.

Почти 30 лет назад в сложных условиях 1990-х гг. университеты евразийского пространства, осознавая свою историческую миссию, создали Евразийскую ассоциацию университетов (1989 г.), которая стала для них центром объединения и притяжения. В настоящее время она включает 139 университетов всего постсоветского пространства. Ректор Московского университета академик В. А. Садовничий внес большой вклад в создание ассоциации и возглавляет ее со дня образования. Действия ассоциации, направленные на сохранение и развитие евразийского образовательного пространства, представляют собой целостную интегрированную систему действий, которые можно определить как действия *регионального образовательного интеграционного объединения*.

Объективная необходимость повышения уровня интеграции в образовательной сфере в начале XXI в. также обусловлена другим объективным фактором — особенностями современного развития. XX в. создал мощный инструмент для освоения мира — информационные технологии, которые позволяют через развитие информационного обще-

ства преодолеть естественные ограничения освоения мира, диктуемые природой человека. Образование XXI в. развивается в условиях формирования качественно нового технологического уровня развития производительных сил общества и перехода к четвертой промышленной революции, что требует, с одной стороны, освоения общих закономерностей естественных и социальных процессов и, с другой стороны, новых принципов, которыми руководствуется новый мир. Иными словами, революция в содержании и формах образования становится неизбежным результатом сложившихся объективных условий нового века. Необходимо глубокое реформирование образования и сочетание в этих реформах принципов преемственности с принципами радикальных изменений. Главная трудность при этом состоит в том, что реформы образования, по сути, носят долгосрочный характер и требуют объединения усилий евразийских университетов в условиях ограниченности ресурсов каждой страны в отдельности. Поэтому перед евразийскими университетами стоит особая задача объединения как в области научных исследований, так и в области нового качественного образования. Последнее должно обеспечивать современный уровень знаний, адекватный условиям XXI в., и вместе с тем сочетать фундаментальность образования с практичностью и креативностью личностного подхода к решению сложных задач выпускниками современных университетов. Евразийские университеты прилагают много усилий в этом направлении.

Вместе с тем становится очевидным, что даже крупные университеты не могут без взаимодействия с другими университетами обеспечить качественно новый уровень образования и исследований. В этих условиях возрастает и развивается интеграционная функция ЕАУ в рамках ее уставных полномочий. Ассоциация функционирует на правах некоммерческой организации, которая в соответствии со своим уставом осуществляет

деятельность, направленную на развитие образования и науки в евразийском пространстве, и организует эту работу через регулярное проведение съездов ассоциации и заседаний ее Совета. Практика работы ассоциации такова, что принимаемые решения являются ориентирами деятельности университетов и позволяют дать согласованный ответ университетов на важнейшие проблемы развития образования и науки. Так было на всех этапах развития ассоциации.

Один из основных принципов деятельности ассоциации состоит в том, что она поддерживает и развивает сотрудничество университетов, ориентируясь на новые проблемы, возникающие перед университетами в условиях быстрых изменений в XXI в., которые оказывают воздействие на изменения роли университетов в меняющемся мире. Эти изменения в деятельности евразийских университетов в современных условиях имеют двоякую природу. Во-первых, они отражают новые тенденции в науке и технологиях, во-вторых, эти изменения вызваны преобразованиями национальных систем образования в ходе становления новых независимых государств на постсоветском пространстве. Логика деятельности ассоциации заключается в том, чтобы совместно обсуждать эти сложные проблемы и принимать меры по углублению сотрудничества между учеными и преподавателями университетов во имя высоких идеалов развития образования и науки и благосостояния государств, уважая при этом суверенитет государств. Реализацию таких задач можно проследить на эволюции проблем, оставшихся в центре внимания работы ассоциации.

За время работы Евразийской ассоциации университетов было проведено 13 съездов. И каждый из них был посвящен решению остро актуальных проблем, которые стоят перед университетами. Например, в 1992 г., когда в связи с распадом Советского Союза возникла реальная возможность опасного разрыва отношений между университетами быв-

ших советских республик, съезд принял историческое решение: концентрировать внимание на содружестве университетов. В последующие годы происходил процесс адаптации к новым формам деятельности в условиях становления новых государств. С 1991 г. по 1999 г. съезды ассоциации проходили в Ашхабаде (1993 г.), Казани (1995 г.), Москве (1997 г.), Минске (1999 г.), на них были рассмотрены конкретные вопросы сотрудничества в условиях становления национальных систем образования. Позиция Московского университета и лично ректора В. А. Садовниченко, других университетов позволила выработать новые принципы сотрудничества, а также сформировать устойчивые его формы и в других сферах — профсоюзных и молодежных связях, наладить регулярные обмены между университетами. В 2002 г. на 9-м съезде ассоциации в Киеве были рассмотрены новые формы образования, обозначенные Болонским процессом. В 2009 г. в связи с активным процессом евразийской экономической интеграции особенно актуальной стала проблема отношений на принципах евразийского сотрудничества. На 11-м съезде ассоциации в Астане этот вопрос оказался в центре внимания. В ярком выступлении на съезде Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева был особо затронут вопрос о «евразийском образовании на деле». Эти идеи получили дальнейшее развитие на 13-м съезде в Санкт-Петербурге, на котором члены ассоциации подтвердили свое стремление расширять связи по всем направлениям деятельности и приняли программу развития евразийских университетов на современном этапе.

Значимым фактором в деятельности ЕАУ стало проведение крупных конференций «Университеты и общество». За это время состоялись три конференции, на которых присутствовали не только руководители вузов, но и представители факультетов, профессора и преподаватели всех ведущих университетов стран СНГ. О значимости данных кон-

ференций, важности их общественной роли свидетельствует поддержка руководством Российской Федерации, Республики Беларусь, Азербайджанской Республики, Украины, Республики Узбекистан, Республики Казахстан, Кыргызской Республики. По результатам работы конференций, в каждой из которых участвовало более тысячи профессоров и преподавателей, были изданы коллективные монографии «Университеты и общество» [5–7], которые сыграли большую роль в обобщении опыта евразийских университетов в условиях радикальных преобразований в начале XXI в.

В ходе работы ЕАУ выявилась необходимость проведения тематических конференций, посвященных отдельным проблемам развития образования и науки. Следствием этого стало проведение региональных конференций и мероприятий, целью которых является активизация регионального евразийского сотрудничества. В связи с этим были проведены: расширенное заседание Совета ЕАУ в Баку (подписана Бакинская декларация университетов о сотрудничестве между Евразийской ассоциацией университетов, Ассоциацией университетов Черноморского бассейна и Ассоциацией университетов стран Каспийского региона), масштабная конференция «Казахстан и евразийская идея в новом мире» на базе ЕНУ им. Л. Н. Гумилева и Казахстанского филиала МГУ.

Важный этап сотрудничества университетов ЕАУ — проведение ежегодных международных форумов «Евразийская экономическая перспектива» на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Первый форум состоялся 1 апреля 2013 г. по совместной инициативе парламентов России, Беларуси, Казахстана и был поддержан парламентариями стран СНГ. Проведено уже пять форумов, шестой планируется провести 12 апреля 2018 г.

Важным фактором развития интеграции, как показывает опыт проведенного в ноябре 2017 г. XIV Форума меж-

регионального сотрудничества Казахстана и России, могут стать форумы ректоров стран СНГ. На площадке в Челябинске встретились более 100 ректоров вузов Казахстана и России, состоялся всесторонний обмен опытом, развернулось откровенное обсуждение острых проблем развития, которые близки каждому университету. В результате было подписано 40 соглашений о сотрудничестве между университетами, высказан ряд идей, в том числе о проведении совместных форумов и программ.

Еще одна важная сторона деятельности ЕАУ, направленной на анализ интеграционных процессов и обобщение опыта деятельности университетов, — издание тематических монографий: начиная с 2005 г. выпущено четыре монографии евразийских университетов из серии «Евразийские университеты XXI века» [8–11].

В современных условиях, когда особенно актуальной стала проблема инновационного развития и перехода к четвертой промышленной революции, а также проблема более справедливого учета позиций евразийских университетов в мировых рейтингах, ЕАУ не могла оставаться в стороне от ответа на острые современные вопросы. Необходимо особо подчеркнуть, что ЕАУ в новых условиях отстаивает принцип фундаментальности университетского образования, который основан на соединении научного знания и процесса обучения, на единстве исследовательской и образовательной деятельности. Утрата фундаментальной линии развития университетов означала бы превращение их в место купли-продажи услуг образования и окончательную победу репродуктивного типа образования. Противоречивые тенденции современного образования требуют от всех государств и университетов ответа на вопросы о характере образовательного процесса в университетах, о миссии университетов в современных условиях и о роли профессора, преподавателя в системе обучения. Важная задача университетов состоит в преодолении односторонности образования

и одностороннего осознания мира. Конечно, новые потребности вызывают значительную дифференциацию образовательных программ. Но видеть в этом коренное изменение смысла деятельности университетов — отказ от фундаментальности образования в университетах было бы ошибочно. Требуется поиск новых форм сотрудничества.

Важную роль для объединения сил в области образования могут сыграть сетевые университеты, которые постепенно завоевывают признание на евразийском пространстве. Развитие традиционных и коммуникационных технологий, формирующих новый тип взаимосвязей через информационный обмен, как справедливо отмечает академик НАН Беларуси С. В. Абламейко, ведет к тому, что создается новая среда для образовательного процесса в целом [12]. Примеры и опыт сетевых структур показывают, что данное образовательное направление должно быть органично включено в интеграционные процессы и может служить важным фактором, ускоряющим региональную интеграцию в рамках ЕАЭС. Такое сетевое взаимодействие предлагает более широкий спектр компетенций выпускникам, что позволяет в процессе образования учитывать опыт различных университетов, школ и направлений. Опыт работы сетевых университетов СНГ и БРИКС — показательный пример возможности данной формы интеграции образования [13].

12 декабря 2016 г. на расширенном заседании Совета Евразийской ассоциации университетов, в работе которого принял участие Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ С. Е. Нарышкин, было принято решение о необходимости создания Евразийского сетевого университета, ориентированного на подготовку специалистов, соответствующих задачам ЕАЭС. В рамках Совета состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета ЕАЭС. Подписи под Меморандумом поставили руководители 23 универси-

тетов — участников расширенного заседания Совета Евразийской ассоциации университетов. На этом же заседании Совета был поставлен вопрос об инновационности университетов. Все большее значение в странах евразийского пространства приобретает положение о том, что разрешение современных противоречий образования требует перехода деятельности университетов на инновационные принципы. Выделение инновационных вузов в России, ведущих национальных университетов в других странах и т. д. — яркое проявление данного процесса.

Важным фактором осознания университетами евразийского пространства своей интеграционной миссии должна стать реальная оценка места евразийских университетов *в мировых рейтингах*. К сожалению, система мировых рейтингов сложилась как бизнес-институт, который контролируется группами университетов отдельных стран. Этот рейтинг абсолютно не учитывает реальную миссию университетов. В. А. Садовничий, выступая на Совете ЕАУ, специально обосновал необходимость рейтинга «Три миссии университета». Отражая вклад университетов в образование, науку и жизнь общества, этот рейтинг более реалистично оценивает роль евразийских университетов в мировой иерархии университетов.

Особо важное направление деятельности университетов — совместная работа по обмену талантливой молодежью и совместной подготовке преподавателей. Выработано много форм такого взаимодействия, однако мы видим, что многие из них бессистемны и не имеют законодательного подкрепления. Особенно остро стоит вопрос об обмене студентами между университетами в рамках ЕАЭС. Не менее важен вопрос о подготовке преподавателей. На наш взгляд, назрела необходимость создания в Российской Федерации целевой программы подготовки и переподготовки преподавателей для университетов евразийского пространства. Это, несомненно, будет содействовать развитию евразийской интеграции.

Накопившиеся проблемы развития образования требуют системных решений, которые должны основываться на комплексном совершенствовании институциональной среды жизни университетов, существенной экономической поддержке преподавателей и университетов государством, а также на безусловном уважении мнения университетского общества при сохранении принципа университетской автономии. Деятельность ЕАУ содействует интеграционному процессу во имя высоких целей прогресса и благополучия стран и народов на евразийском пространстве.

Использованные источники

1. Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев и Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 2-е изд., доп. / под общ. ред. В. А. Садовничего. Астана : Казахстанский филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. 116 с.
2. Комплексный социологический опрос, проведенный Институтом Евразийской интеграции в период июнь — октябрь 2017 г. Астана, 2017. 146 с.
3. Аузан А. А. Социокультурные коды в экономическом анализе // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 1. С. 173–176.
4. Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. 464 с.
5. Университеты и общество. Сотрудничество университетов на рубеже веков : материалы Первой международной конференции университетов стран СНГ и Балтии (МГУ им. М. В. Ломоносова, 23–24 марта 2000 г.). М. : Изд-во МГУ, 2001. 768 с.
6. Университеты и общество. Сотрудничество университетов в XXI веке : материалы Второй международной конференции университетов (МГУ им. М. В. Ломоносова, 27–28 ноября 2003 г.). М. : Изд-во МГУ, 2003. 788 с.
7. Университеты и общество. Сотрудничество и развитие университетов в XXI веке :

материалы Третьей международной научно-практической конференции (МГУ им. М. В. Ломоносова, 23–24 апреля 2010 г.) М. : Изд-во МГУ, 2011. 872 с.

8. Об образовании. Евразийское пространство. М. : Изд-во МГУ : МАКС Пресс, 2009. 404 с.

9. О научных исследованиях и научных школах. Евразийское пространство. М. : Изд-во МГУ, 2010. 256 с.

10. Экологические проблемы. Евразийское пространство М. : Изд-во МГУ, 2014. 624 с.

11. Университеты в евразийском образовательном пространстве. М. : Изд-во МГУ : МАКС Пресс, 2017. 392 с.

12. Абламейко С. В. Национальный университет в образовательном пространстве евразийских университетов // Университеты в евразийском образовательном пространстве. М. : Изд-во МГУ : МАКС Пресс, 2017. С. 24–43.

13. Филиппов В. М. Сетевое взаимодействие в подготовке высококвалифицированных кадров для национальной экономики // Университеты в евразийском образовательном пространстве. М. : Изд-во МГУ : МАКС Пресс, 2017. С. 323–334.

Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева

Межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества» — модель эффективного культурного сотрудничества в СНГ

Аннотация: Статья посвящена межгосударственной программе «Культурные столицы Содружества». Авторы рассматривают программу как одну из ключевых инициатив государств СНГ в сфере культуры. Проанализированы история, документальные основы, круг участников, направления и формы реализации проекта. Отдельное внимание уделено проекту «Культурная столица Европы», который стал основой для инициативы государств СНГ. Авторы задаются вопросом о том, сможет ли программа «Культурные столицы Содружества» стать инструментом повышения эффективности культурного сотрудничества стран СНГ.

Ключевые слова: культурная столица, культурное сотрудничество, международные отношения, Содружество Независимых Государств, Россия, Европа.

Об авторах

Наталья Михайловна Боголюбова (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доцент кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук; bogoliubovanm@gmail.com

Юлия Вадимовна Николаева (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доцент кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук; mollycat@mail.ru

N. Bogoliubova, J. Nikolaeva

The Interstate Program *Cultural Capitals of the Commonwealth* — the Model of Effective Cultural Cooperation

Summary: The article is devoted to interstate project *Cultural Capitals of the Commonwealth*. The authors consider the project is considered as one of the key initiatives of the CIS countries in the sphere of culture. The article analyzes the history of documentary basis, the number of participants, directions and forms of implementation of the project. Special attention is given to the project *Cultural Capital of Europe*, which became the basis for the project of the CIS countries. The authors raise a question about whether the project *Cultural Capitals of the Commonwealth* become a tool to enhance cultural cooperation of the CIS countries.

Keywords: cultural capital, cultural cooperation, international relations, the Commonwealth of Independent States, Russia, Europe.

About the Authors

Natalia Bogoliubova (St. Petersburg, Russian Federation) — Associate Professor of the Department of International Humanitarian Relations of the School of International Relations of the St. Petersburg State University, Candidate of Historical Sciences; bogoliubovanm@gmail.com

Julia Nikolaeva (St. Petersburg, Russian Federation) — Associate Professor of the Department of International Humanitarian Relations of the School of International Relations of the St. Petersburg State University, Candidate of Historical Sciences; mollycat@mail.ru

В современных международных отношениях и культурном сотрудничестве большое внимание уделяется поиску новых оригинальных форм сотрудничества, которые отличались бы эффективностью, объединяли бы широкую аудиторию участников и способствовали бы решению актуальных проблем в разных сферах [1, с. 88].

В культурном диалоге на протяжении более чем 30 лет такой формой является международный проект «Культурная столица», который успешно осуществляется в странах Европы с 1985 г. В конце 1990-х гг. подобный формат взаимодействия получил интересное развитие в странах арабского мира, в Америке, а в 2010 г. культурные столицы стали

выбирать и в странах тюркского мира. Содружество Независимых Государств подключилось к этой форме культурного сотрудничества в 2011 г.

Поскольку именно страны Европы стояли у истоков мероприятий в рамках проектов «Культурная столица», уместно изучить европейский опыт и обратиться к истории этих масштабных и статусных событий, что в свою очередь позволит понять значение данной культурной инициативы для стран СНГ.

Впервые идею подобных проектов политики стали обсуждать еще в начале 1980-х гг. Греческая актриса, певица и политический деятель, член греческого парламента и первая женщина — министр культуры Греции Мелина Меркури выступила перед представителями европейской политической элиты с инициативой противопоставить войнам и конфликтам культуру. По сути, ее предложение было связано с желанием активнее использовать возможности культуры и культурной дипломатии в интересах Европы. Занимая высокие политические позиции, Мелина Меркури всегда стремилась продвигать различные культурные инициативы и поддерживала многие интересные проекты, например идею возрождения международных Дельфийских игр. Когда-то Дельфийские, или Пифийские, игры, наряду с играми Олимпийскими, относились к числу четырех общеэллинских агонов и проводились в честь Аполлона начиная с 562 г. до н. э. в городе Дельфы, служившем центром почитания этого бога. Считается, что именно Мелине Меркури принадлежит идея ежегодного выбора культурной столицы Европы, которая, как показало время, стала довольно популярной.

Согласно уже сложившейся традиции разным европейским городам по очереди присваивается титул культурной столицы и на один год выбранный город становится средоточием культурной жизни всей Европы. Первой европейской культурной столицей в 1985 г. стали Афины, что было весьма символично: Греция, и в частности Афины, традици-

онно воспринимается как колыбель европейской цивилизации [2].

Затем в разные годы этот титул получили более 40 городов Европы, среди которых Глазго (1990 г.), Стокгольм (1998 г.), Краков (2000 г.), Порту (2001 г.), Генуя (2004 г.) и многие другие. В 2000 г. культурными столицами Европы стали сразу девять городов, а с 2011 г. статус культурной столицы получают два города из двух стран — членов Европейского союза, хотя подобный подход и примеры можно отметить еще в начале 2000-х гг. В 2017 г. культурными столицами Европы являлись Орхус (Дания) и Пафос (Кипр); в 2018 г. этого титула удостоены Леуварден (Нидерланды) и Валлетта (Мальта).

Программа проекта «Культурная столица Европы» направлена прежде всего на содействие трансграничной мобильности деятелей культуры и развитие широкого межкультурного диалога. Для достижения этих целей проект поддерживает проведение культурных мероприятий; создание профильных органов культуры; распространение опыта своей деятельности. Значительное внимание уделяется знакомству с адресной аудиторией, определению потребностей европейского культурного сообщества и выработке культурной политики, соответствующей новым потребностям, вызовам и угрозам ЕС [3].

Проект «Культурная столица Европы» осуществляется при поддержке Совета Европейского союза, который утверждает программу мероприятий и направляет средства на реализацию различных проектов в рамках этой крупномасштабной инициативы, в том числе используются средства из муниципальных бюджетов, привлекаются деньги спонсоров. Город, выбранный культурной столицей, становится местом проведения множества мероприятий: здесь организуются конкурсы, фестивали, семинары, конференции, проходят интересные культурные события. Как правило, оживляется въездной туризм и, следовательно, экономика города. Многие культурные объ-

екты строят специально для данного события.

Однако концепция проекта «Культурная столица Европы», безусловно, не сводится к развитию культурного сотрудничества. Культура здесь является фактором объединения и утверждения идеи сохранения культурного разнообразия как уникального наследия тысячелетней европейской истории. Поэтому сегодня проект «Культурная столица Европы» стал и площадкой для дискуссий, обмена идеями, обсуждения актуальных и острых проблем современной Европы. В рамках проекта в различных городах Европы были организованы выставки молодых художников, осуществлен сбор средств для восстановления библиотеки в Сараево, проведен биеннальный проект в поддержку гендерного равенства [2]. Важным итогом проекта «Культурная столица Европы» стало открытие театров, концертных залов, которые были построены специально для столичных фестивалей, конкурсов и концертов. Так, в Порту под эгидой проекта «Культурная столица Европы» был построен знаменитый Дом музыки, в котором могут располагаться одновременно три оркестра. Созданный известным архитектором Ремом Колхасом, Дом музыки получил широкое признание в художественном сообществе и украсил исторический центр города.

Сегодня специалисты высоко оценивают значение проекта «Культурная столица Европы», не случайно он проходит на регулярной основе уже более 30 лет.

Потенциал данного проекта был использован организаторами межгосударственной программы «Культурные столицы Содружества», которая относится к числу ключевых проектов Содружества Независимых Государств в сфере культуры. Эту программу стоит рассматривать как оригинальный инструмент культурного сотрудничества, нацеленный в первую очередь на создание благоприятного климата для объединения стран-участниц и расширение культурных связей между государствами СНГ, а также

на создание почвы для экономического и политического взаимодействия. Кроме того, программа направлена на создание условий для всестороннего развития отдельных территорий и городов стран СНГ, повышение статуса Содружества на международной арене за счет развития культурного потенциала [4].

Россия уже имела опыт организации таких проектов на национальном уровне: в 2000–2006 гг. в Приволжском федеральном округе успешно осуществлялась инициатива «Культурная столица Поволжья» — аналог европейской программы, но на региональном уровне. Культурными центрами становились Ульяновск (2001 г.), Киров и Нижнекамск (2002 г.), Чебоксары (2003 г.), Ижевск и Димитровград (2004 г.), Пермь и Нижний Новгород (2006 г.). Таким образом, в основу проекта «Культурные столицы Содружества» был положен и европейский, и российский опыт подобных культурных мегасобытий.

Межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества» стартовала 28 февраля 2011 г. в Гомеле (Республика Беларусь) в рамках Года историко-культурного наследия в СНГ и празднования 20-летия Содружества Независимых Государств. Тогда этот проект носил пилотный характер, однако спустя полтора года было разработано его документальное обоснование — Положение о Межгосударственной программе «Культурные столицы Содружества», утвержденное 5 декабря 2012 г. в Ашхабаде.

Программа направлена на активизацию культурного взаимодействия государств — участников СНГ, содействие развитию горизонтальных связей и культурного общения между гражданами стран Содружества, интенсификацию творческих обменов, наращивание культурного и гуманитарного потенциала территорий и городов государств СНГ. Предполагается, что в рамках программы будут решены многие общие и частные проблемы стран Содружества. Безусловно, программа нацелена на развитие межгосударственного общения, обмен опытом

в области культурной политики, культурно-познавательного туризма, экономики и менеджмента в сфере культуры. Исключительные возможности программы, ее протяженность во времени и широкая география участников позволяют также реализовать образовательные инициативы, уделять внимание подготовке специалистов в области культуры, городского развития и архитектуры. Стоит отметить, что площадками реализации мероприятий программы являются прежде всего города, культурные центры СНГ, поэтому большое внимание уделяется улучшению инфраструктуры территорий, сохранению историко-культурного наследия и поддержке современной культуры в государствах СНГ. Организаторы стремятся в рамках программы «Культурные столицы Содружества» расширить спектр культурной деятельности и художественных событий; стимулировать рост туристического потока; преодолеть географически обусловленное неравенство отдельных территорий в доступе к культурным благам.

В основу программы «Культурные столицы Содружества» положены важнейшие гуманитарные принципы, такие как взаимное уважение самобытных культурных традиций народов государств — участников СНГ; равное внимание к историко-культурному наследию и современной культуре; открытый конкурсный отбор городов и проектов, составляющих содержание программы. Эта инициатива объединяет государственные и негосударственные организации, общественные объединения, творческие коллективы, осуществляющие деятельность в гуманитарной сфере [5].

Очень важно, что организаторами программы выступают Совет по гуманитарному сотрудничеству государств — участников СНГ, Совет по культурному сотрудничеству государств — участников СНГ и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ (МФГС) [6, с. 97], которые являются гарантами стабильности данной инициативы и обеспечивают

высокий уровень проведения различных мероприятий.

Первые сертификаты культурных столиц Содружества Независимых Государств были вручены белорусскому Гомелю и российскому Ульяновску. В 2012 г. культурными столицами СНГ были объявлены два города — Астана (Республика Казахстан) и Мары (Туркменистан). В 2013 г. эстафета была передана городам Габала (Азербайджанская Республика), Гюмри (Республика Армения) и Могилев (Республика Беларусь). Статус культурных столиц СНГ в 2014 г. получили Алматы (Республика Казахстан) и Ош (Кыргызская Республика). Культурными столицами СНГ в 2015 г. были объявлены Воронеж (Российская Федерация) и Куляб (Республика Таджикистан). 16 октября 2015 г. Совет глав государств СНГ решил реализовать программу «Культурные столицы Содружества» в Туркменистане, объявив город Дашогуз культурной столицей СНГ в 2016 г. В 2017 г. статус культурной столицы присвоен второму по величине городу Азербайджанской Республики — Гянджа.

11 октября 2017 г. в Сочи на заседании Совета глав государств СНГ принято решение о реализации программы «Культурные столицы Содружества» в 2018 г. в Республике Армения (город Горис), в 2019 г. — в Республике Беларусь (город Брест), в 2020 г. — в Республике Казахстан (город Шымкент). Таким образом, уже сегодня можно отметить, что программа является не только «прекрасным путешествием» по странам и городам, составляющим палитру уникального культурного наследия Содружества Независимых Государств, но и весьма стабильной формой и эффективным инструментом культурного сотрудничества.

Стоит выделить продуманный комплексно-целевой подход к механизму отбора городов — претендентов на статус «Культурная столица Содружества». Программа реализуется поочередно в государствах — участниках СНГ в порядке русского алфавита наименований госу-

дарств. Проводятся национальные процедуры отбора городов (в том числе конкурсы) на право получения статуса культурной столицы. По их итогам ежегодно выбирают, как правило, нестоличный город в качестве кандидата на статус культурной столицы Содружества.

Основными критериями отбора городов являются готовность города к культурному развитию, что подтверждается наличием гражданских инициатив и предложений по международному сотрудничеству в сфере культуры, а также наличие предпосылок к межгосударственной кооперации, развитая культурная жизнь и необходимая инфраструктура [5].

Одним из базовых элементов механизма реализации программы являются национальные конкурсы проектов, планируемых к осуществлению в городах, получивших статус «Культурная столица Содружества», а также внеконкурсные («гостевые») проекты. При отборе проектов предпочтение отдается уникальным для СНГ мероприятиям, которые демонстрируют многообразие и исключительность культурных традиций определенной территории и государства. Проекты должны быть ориентированы на развитие партнерских связей с государствами — участниками СНГ, иметь сетевой, инновационный характер и адресную аудиторию, а кроме того, предусматривать вовлечение местного сообщества [5].

Большое внимание в Положении о Межгосударственной программе «Культурные столицы Содружества» уделяется финансированию проекта, которое осуществляется за счет средств местных и региональных бюджетов, национальных бюджетов государств — участников СНГ, средств МФГС, выделяемых на проектную деятельность, с привлечением внебюджетных источников [5]. Положением также предусмотрено, что город, получивший статус «Культурная столица Содружества», создает собственные организационные механизмы реализации программы в соответствии с националь-

ными процедурами [5]. Города, получившие этот статус, организуют различные мероприятия, фестивали, конгрессы, выставки, которые не только существенно оживляют жизнь города, но и способствуют привлечению туристов, политиков, бизнесменов, деятелей культуры.

Отметим, что в 2011 г. было проведено более 100 мероприятий в Гомеле и Ульяновске, в том числе крупнейший международный конгресс «Культура как ресурс модернизации», который вызвал интерес у профессионалов и широкой общественности. В результате количество туристов в Гомеле выросло на 30% [7].

В 2012 г. множество интереснейших мероприятий состоялось в объявленных культурными столицами Содружества городах Астана (Республика Казахстан) и Мары (Туркменистан). Так, одним из ключевых событий года можно назвать международный форум «Евразийская культура в новом мире», который состоялся в рамках открытия программы «Астана — культурная столица Содружества». В форуме приняли участие видные политики и известные деятели культуры из государств СНГ [8].

В 2013 г. в рамках программ «Габала — культурная столица Содружества», «Могилев — культурная столица Содружества», «Гюмри — культурная столица Содружества» проводились международные молодежные фестивали, круглые столы, концерты, мастер-классы, выставки [9], демонстрировавшие самобытные культурные традиции городов. Такие мероприятия, несомненно, могут стать прочной основой формирования единого культурного пространства государств СНГ.

Показательной можно назвать программу культурных мероприятий 2015 г., когда культурной столицей Содружества был российский Воронеж — город с интересной судьбой и богатым культурным наследием. В рамках программы состоялось 56 значимых культурных мероприятий, которые высоко оценили и горожане, и гости города. Были задействованы основные областные и муниципальные

учреждения культуры, свой вклад в успех культурной программы внесли лучшие воронежские самодеятельные коллективы и более 400 творческих работников из стран СНГ. Событие такого масштаба не могло не вызвать широкий общественный резонанс: мероприятия программы «Воронеж — культурная столица СНГ» посетили свыше 600 тыс. человек [10].

Благодаря новому статусу развитие получили традиционные культурные проекты, посвященные многогранному наследию Воронежа: Платоновский фестиваль искусств, Академический пленэр «На родине И. Н. Крамского», выставка-ярмарка «Воронеж — город-сад», фестиваль «Воронеж многонациональный» и др. [10]. Кроме того, были инициированы новые интересные проекты: фестиваль хореографических училищ стран СНГ «Антре», гала-концерт «Молодые голоса Содружества», международный фестиваль детских духовых оркестров «Воронежские духовые ассамблеи» [10].

Интересным примером организации культурных мероприятий в рамках проекта «Культурные столицы Содружества» является азербайджанский город Гянджа — город великого поэта Низами. Программа «Гянджа — культурная столица СНГ» была реализована при поддержке МФГС. В мероприятиях по случаю открытия программы приняли участие председатель правления МФГС Полад Бюльбюль оглы, сопредседатель правления МФГС Михаил Швыдкой и исполнительный директор МФГС Анатолий Иксанов. Гостем праздника стал коллектив «Воронежские девочки», выступление которого на открытии проекта носило символический характер, так как в 2015 г. статус культурной столицы Содружества принадлежал Воронежу [11]. В рамках проекта «Гянджа — культурная столица Содружества» были организованы выставки изобразительного и декоративно-прикладного искусства, выступления лучших музыкальных коллективов Азербайджанской Республики. Общий итог года — более двух десятков мероприятий, в которых приняли участие представи-

тели творческой и научной интеллигенции из стран СНГ [11].

Культурной столицей 2018 г. стал город Горис (Республика Армения), который уже подготовил целый ряд интересных культурных событий. В многочисленных и разноплановых программах и мероприятиях, которые пройдут в течение года, примут участие зарубежные гости, причем не только из СНГ, но и из Китая, Ирана, некоторых других стран. Важной частью культурной программы можно назвать выставку «Арт-Экспо», на которой у стран СНГ будет возможность представить свою культуру в отдельных национальных павильонах [12].

За довольно короткое время программа «Культурные столицы Содружества» зарекомендовала себя как значимый этап на пути объединения усилий творческого сообщества в целях расширения культурных связей; продвижения общих гуманистических ценностей; повышения осведомленности и заинтересованности международного сообщества в совместных культурных мероприятиях на пространстве СНГ.

В целом для стран СНГ программа «Культурные столицы Содружества» стала новым эффективным инструментом межгосударственного взаимодействия в сфере культуры, направленным на расширение и сближение связей между странами СНГ не только в культурной, но и в политико-экономической сфере. Эта программа нацелена также на повышение статуса Содружества на международной арене.

Большое внимание участники программы традиционно уделяют развитию туристического потенциала городов, которые становятся культурными столицами Содружества. Проект рассчитан не только на внешнюю аудиторию, но и на горожан, которые участвуют в разных мероприятиях, обретают новый статус, получают возможность стать организаторами культурных событий, установить контакты с зарубежными гостями, приехавшими на различные мероприятия. Статус культурной столицы Содружества

ставит определенные задачи и перед городом, который готовится к встрече высоких гостей и проведению масштабных мероприятий.

Участие городов в программе «Культурные столицы Содружества» позволяет странам СНГ восстановить и укрепить ослабленные в годы перестройки межкультурные и межнациональные связи, способствует развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве, расширению культурного обмена, привлечению новых интеллектуальных и денежных инвестиций в межкультурное сотрудничество.

Несмотря на то что проект «Культурные столицы Содружества» является продолжением инициативы европейских стран, возникшей еще в конце XX в., он отличается самобытностью и направлен на решение собственных задач. Можно сказать, что европейский опыт был творчески освоен, обогащен новыми идеями, которые рождаются и реализуются в формате проекта с участием государств СНГ.

Содружество Независимых Государств представляет собой уникальное и очень пестрое в религиозном, этническом, языковом плане объединение, основанное на общем прошлом, историческом опыте, который определяет вектор межкультурного диалога, формы и содержа-

ние сотрудничества. При этом уникальное многоголосие культурных традиций государств СНГ позволяет давать жизнь беспрецедентным проектам, программа которых может и должна отражать принципы толерантности, культурного многообразия не на словах, а на практике. Межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества» как один из основополагающих культурных проектов СНГ призвана не только расширять границы культурного обмена и разнообразить его формы на пространстве Содружества, но и, что не менее важно, раскрывать культурный потенциал государств СНГ, демонстрировать их культурную самобытность и уникальность. Особенно это важно для нестоличных, региональных городов стран Содружества, остро нуждающихся в поддержке, популяризации, продвижении, привлечении туристов, инвесторов, креативной молодежи, развитии инноваций.

Можно предположить, что дальнейшее развитие программы «Культурные столицы Содружества» имеет очень хорошие перспективы. Программа может стать эффективным инструментом общей культурной политики государств СНГ, а возможно, и повышения конкурентоспособности не только городских и региональных брендов, но и единого бренда СНГ.

Использованные источники

1. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Новые формы межкультурного сотрудничества // Межкультурный диалог в современном мире : материалы международной конференции в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб., 2015. С. 84–92.

2. Speech by Spyros Mercouris. Concept & Spirit of the 25 years of European Capitals of Culture // European Cultural Parliament. URL: <http://www.tulturparlament.com/sessions/2010-athens/speech-by-spyros-mercouris/> (дата обращения: 20.01.2018).

3. Культурные столицы Европы от 17 января 2011 г. // Европейская комиссия. URL: http://ec.europa.eu/culture/our-programmes-and-actions/doc413_en.htm (дата обращения: 20.10.2017).

4. Сотрудничество Россия — Европа в области культуры. Сотрудничество с ЕС и странами Европы. URL: <http://www.rus-eu-culture.ru/rf/588/> (дата обращения: 20.10.2017).

5. Положение о Межгосударственной программе «Культурные столицы Содружества» // Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/basic/566.html> (дата обращения: 20.10.2017).

6. Макаров Д. В., Демьяненко А. А. Программы «Культурные столицы СНГ» и «Культурные столицы Европы» // Власть. 2014. № 7. С. 96–99.

7. Арыстанбек Мухамедиулы: «Предстоит интереснейшая и напряженная работа» // Форум Плюс. URL: www.mfgs-sng.org/local/images/

mfgs/forum_04-2014s_pdf_1409568518.pdf (дата обращения: 30.10.2017).

8. 15 июня в Астане во Дворце мира и согласия состоится Международный форум «Евразийская культура в новом мире» в рамках открытия Года «Астана — культурная столица Содружества» // Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/basic/1052.html> (дата обращения: 20.01.2018).

9. Итоги выполнения Плана мероприятий на 2012–2013 годы по реализации Стратегии международного молодежного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств на период до 2020 года. URL:

<http://fuck.e-cis.info/page.php?id=24058> (дата обращения: 20.01.2018).

10. Проект «Воронеж — культурная столица СНГ» обогатил нашу культуру // Культура ВРН. URL: <http://culturavrn.ru/society/17499> (дата обращения: 20.01.2018).

11. «Воронежские девчата» выступили в Азербайджане на открытии проекта «Гянджа — культурная столица СНГ» // Культура ВРН. URL: <http://culturavrn.ru/music/20864> (дата обращения: 20.01.2018).

12. Горис — Культурная столица Содружества 2018 года // Исполнительный комитет СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=8747> (дата обращения: 20.01.2018).

О V международном форуме «Евразийская экономическая перспектива»

On the V International Forum
Eurasian Economic Prospect

В 2012 г. по инициативе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, поддержанной парламентами стран — участниц евразийской экономической интеграции, был учрежден и ежегодно проводится в Санкт-Петербурге международный форум «Евразийская экономическая перспектива» (далее — форум). Целью указанного международного конгрессного мероприятия является развитие евразийского парламентского сотрудничества. По поручению Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ) в период с 2012 г. по настоящее время осуществляет организационное и научное сопровождение подготовки и проведения форума. По состоянию на январь 2018 г. в Санкт-Петербурге организовано и проведено пять форумов. Также в 2012–2015 гг. в рамках указанного форума проведено пять выездных круглых столов: в Астане, Бишкеке, Ереване, Казани и Минске.

Программа пятого форума, который был проведен 1 декабря 2017 г. в Таврическом дворце, предусматривала пленарную сессию и пять круглых столов. Модератором пленарной сессии был ректор СПбГЭУ И. А. Максимцев. Председатель Совета МПА СНГ В. И. Матвиенко, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В. В. Володин и Предсе-

датель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь М. В. Мясникович направили участникам пятого форума приветствия, которые были зачитаны на пленарном заседании.

На **пленарной сессии** выступили врид Генерального секретаря Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ С. В. Антуфьев, председатель Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Л. И. Калашников, председатель Суда ЕАЭС А. А. Федорцов, директор Департамента развития интеграции Коллегии Евразийской экономической комиссии С. С. Шухно, вице-губернатор Санкт-Петербурга С. Н. Мовчан, председатель Исполкома Евразийской ассоциации университетов А. В. Сидорович, ректор Армянского государственного экономического университета К. Л. Атоян и ректор Университета АДАМ/БФЭА С. Р. Сирмбард.

На пятом форуме проведено пять круглых столов: ««Большая Евразия» в современном геэкономическом ландшафте: возможен ли мегаинтеграционный проект?», «Приоритеты саморазвития ЕАЭС: поиск синергий и новых источников экономического роста», «Евразийское и международное интеграционное право: проблемы и перспективы развития», «Евразийское гуманитарное сотрудничество: образование, наука и культура» и «Молодежное измерение евразийской

интеграции: экономика, право, образование». Круглые столы по проекту «Большая Евразия» и по евразийскому гуманитарному сотрудничеству были введены в программу форума и проведены впервые. Указанные новые конгрессные мероприятия заменили круглые столы по политике и по образованию и науке, которые проводились на первых четырех форумах.

На круглом столе «**“Большая Евразия” в современном геоэкономическом ландшафте: возможен ли мегаинтеграционный проект?**» были освещены вопросы межгосударственной и межрегиональной интеграции, затрагивающей практически всю территорию евразийского континента. Модераторами круглого стола выступили востоковед профессор Российского университета дружбы народов, член президиума Евразийской академии телевидения и радио, постоянный член Изборского клуба Ю. В. Тавровский и директор Центра изучения Китая и стран Азиатско-Тихоокеанского региона СПбГЭУ Т. Б. Уржумцева.

В рамках доклада «Евразийская интеграция в условиях цифровой экономики» доктор экономических наук, академик РАЕН, профессор СПбГЭУ С. А. Дятлов обосновал авторский теоретико-методологический подход к исследованию гиперконкурентной электронно-цифровой нейросетевой экономики. Он рассмотрел институциональные основы и определил основные направления формирования цифровой повестки евразийской интеграции и организационного механизма реализации мегапроекта «Цифровая Евразия».

Старший научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук А. В. Пиковер рассказал о процессе информатизации Китая, которая является одним из важнейших факторов модернизации страны. Политическая и интеллектуальная элита Китая уделяет огромное внимание информатизации страны и формированию выгодного для Китая киберпространства.

Доцент Института международных отношений Варшавского университета М. Качмарски представил польский взгляд на большую евразийскую интеграцию, проект сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь», а также сравнил структуру и перспективы развития ЕС и ЕАЭС.

Модератор круглого стола профессор Ю. В. Тавровский осветил тему «Северный коридор Нового шелкового пути и Санкт-Петербург как северный хаб Нового шелкового пути». На текущем этапе российско-китайское сотрудничество нуждается в масштабных проектах, одним из которых и может стать транспортный коридор из Западного Китая в Санкт-Петербург. Также в рамках круглого стола по проекту «Большая Евразия» с докладами выступили исполнительный директор Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией при Университете Цинхуа Ван Ци, первый вице-президент Русско-Азиатского союза промышленников и предпринимателей М. А. Федотова и профессор Университета Цинхуа Чжан Жунцзюнь.

Круглый стол «**Евразийское гуманитарное сотрудничество: образование, наука и культура**» был организован и проведен совместно Евразийской ассоциацией университетов и СПбГЭУ. Модератором круглого стола выступил ректор СПбГЭУ И. А. Максимцев. В ходе круглого стола были рассмотрены тенденции развития евразийского и европейского образовательного пространства, проанализированы противоречия, обусловленные развитием гуманитарного сотрудничества, сформулированы рекомендации по повышению и обеспечению качества образования в государствах — участниках СНГ и ЕАЭС. Особую роль в развитии гуманитарного сотрудничества играют университеты. Председатель Исполкома Евразийской ассоциации университетов А. В. Сидорович в докладе «Сотрудничество университетов как фактор развития евразийской интеграции» особо отметил: «Фактор сближения людей, желание и умение понять друг

друга — это коренные принципы евразийского мира. Повышение роли университетов евразийского пространства в консолидации и развитии интеграции может создать важный новый ресурс углубления интеграции. Это связано с особой исторической миссией университетов — быть центрами образования, науки и культуры. Попытки свести роль университетов к «заводу по производству услуг» не только несостоятельны, но и противоречат развитию евразийской интеграции».

Проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного экономического университета Е. А. Горбашко в докладе «Обеспечение качества образования в государствах — членах ЕАЭС: возможности и перспективы гармонизации» представила тенденции развития евразийского и европейского образовательного пространства, выделила основные этапы и направления развития, а также подчеркнула важную тенденцию современного этапа интеграции — создание сетевых университетов. Член Научного совета по информатизации Санкт-Петербурга И. Л. Коршунов рассказал о развитии информационного общества, цифровизации всех сфер деятельности, в том числе образования, и возможностях совместного использования странами ЕАЭС данных тенденций. Ректор Алтайского государственного университета С. В. Землюков в докладе рассмотрел роль вуза в социально-экономическом развитии региона, а также представил результаты развития Алтайского государственного университета в сфере реализации потенциала в области экспертно-аналитической поддержки и сопровождения развития региональной экономики и социальной сферы, местных сообществ, городской и региональной среды.

Исторические аспекты развития Великого шелкового пути с позиций представления в музейных коллекциях Эрмитажа были рассмотрены в докладе начальника отдела туризма и специальных программ Государственного Эрмитажа О. Б. Архиповой. Организатор и руко-

водитель исследовательской группы «ЦИРКОН» И. В. Задорин обратил внимание участников на исторические и культурологические аспекты, обеспечивающие когнитивную близость стран Северной Евразии.

Президент Российской ассоциации прибалтийских исследований Н. М. Межевич привлек внимание к проблеме академической мобильности, в том числе в рамках Союзного государства Беларуси и России, как одного из ключевых факторов, обеспечивающих когнитивное и организационное единство, необходимое для эффективной социальной и экономической интеграции.

Ректор Университета АДАМ/БФЭА С. Р. Сирмбард рассмотрела вопросы организации и координации взаимодействия вузов в целях разработки межгосударственных законодательно-правовых документов для гармонизации образовательных программ. Перспективы развития общего информационного пространства Евразийского экономического союза, барьеры и ограничения, препятствующие его формированию, а также способы и методы их преодоления представил главный редактор журнала «Евразия. Эксперт» В. В. Сутырин.

В рамках круглого стола по экономике на тему «**Приоритеты саморазвития ЕАЭС: поиск синергий и новых источников экономического роста**» прозвучали доклады по вопросам новых внутренних и внешних источников экономического роста, парламентского измерения и экономической безопасности евразийской интеграции, а также развития евразийской политэкономии как новой теоретической основы для ЕАЭС. Модератором круглого стола был российский экономист, политолог, постоянный член Изборского клуба, член Высшего совета Международного евразийского движения М. Л. Хазин.

Руководитель Секретариата Совета по развитию бизнеса и инвестициям при Правительстве Кыргызской Республики Т. Дж. Койчуманов отметил замедление темпов развития стран Евразийского

союза и предложил возможные варианты ускорения темпов развития экономики на основе евразийской единой экономической политики. В своем докладе ученый секретарь диссертационного совета «Мировая экономика» при Институте экономики РАН Е. М. Кузьмина выделила основные внешние и внутренние факторы стагнации экономик государств — членов ЕАЭС. По ее мнению, одним из внутренних негативных факторов является то, что приоритеты промышленного развития государств — членов ЕАЭС имеют высокую степень совпадения и это формирует конкуренцию между ними.

Заместитель руководителя Секретариата Совета МПА СНГ В. М. Нуянзин выступил с докладом о текущем состоянии и перспективах парламентского аспекта евразийской интеграции. Заведующий кафедрой общей экономической теории и истории экономической мысли СПбГЭУ, доктор экономических наук, профессор Д. Ю. Миропольский посвятил свой доклад новой экономической политике, созданной на основе евразийской политэкономии, которую целесообразно использовать в ЕАЭС.

Советник секретариата члена Коллегии (министра) по экономике и финансовой политике Евразийской экономической комиссии Г. Г. Рахматулина отметила, что совместное движение к евразийской цифровой экономике — это важнейший приоритет интеграционного сотрудничества государств союза.

Профессор кафедры экономической теории Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина Г. О. Халова сделала доклад о внешнем энергетическом сотрудничестве государств — членов ЕАЭС. Основной вызов, по мнению Г. О. Халовой, заключается в том, чтобы экспорт первичных и иных энергетических ресурсов не блокировал, а стимулировал развитие других секторов экономики, в первую очередь высокотехнологичной промышленности и сектора услуг.

На круглом столе «**Евразийское и международное интеграционное пра-**

во: проблемы и перспективы развития» с участием ведущих специалистов в области права из Беларуси, Германии и России обсуждались основные проблемы в сфере евразийского интеграционного права. Было подтверждено, что сохраняется необходимость в унификации законодательства о едином экономическом пространстве, которая существенно выходит за рамки унификации таможенного законодательства. В едином экономическом пространстве востребованы единые правовые механизмы уголовно-правовой и административно-правовой защиты экономических отношений. В связи с этим на межпарламентском уровне необходимо проведение работы, направленной на введение в действие Единых основ уголовного законодательства, Единых основ законодательства об административной ответственности Евразийского экономического союза.

Имеющаяся в настоящее время договорная база в сфере уголовно-правового и административно-правового воздействия на общественные отношения уже не удовлетворяет потребностей обеспечения законности на единой таможенной территории Евразийского экономического союза. Унификация административного законодательства, выходящая за рамки унификации законодательства об административной ответственности и исполнении производств, представляет собой еще более масштабную задачу в силу существенного разнообразия административно-правовых институтов публичного управления в государствах — участниках Евразийского экономического союза.

Круглый стол «**Молодежное измерение евразийской интеграции: экономика, право, образование»** собрал на площадке форума молодых представителей образовательных, государственных и бизнес-структур для обсуждения актуальных вопросов развития евразийской интеграции. В качестве модератора круглого стола выступила проректор по учебной и методической работе СПбГЭУ, доктор экономических наук, профессор

В. Г. Шубаева, в качестве экспертов — представители Евразийской экономической комиссии: директор Департамента развития интеграции С. С. Шухно и начальник отдела международного взаимодействия Д. П. Ежов.

В ходе работы круглого стола для молодых ученых обсуждался ряд актуальных вопросов и проблем, с которыми сталкивается евразийская интеграция в процессе своего развития. Дискуссию открыла аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова Ж. А. Абдулаева, доклад которой был посвящен идеям классического евразийства в современном преломлении. От фундаментальных идей участники дискуссии перешли к обсуждению практических вопросов. Начальник отдела общей экономики контрактов ООО «Газпром экспорт» А. А. Аксенов высказал мнение о целесообразности ограничения использования доллара США при расчетах за энергетические ресурсы. Было представлено несколько возможных вариантов перехода на другую валюту.

Другим стратегически значимым сектором евразийской интеграции является электронный рынок объединения. Доцент Тюменского индустриального университета Н. П. Шевелева представила работу, посвященную оценке развития цифровой экономики в ЕАЭС. Автором была сформирована система показателей развития электронной торговли, а также даны прогнозные оценки целевых индикаторов, проанализирована институциональная основа и предложена система мер по развитию электронного рынка ЕАЭС.

Вопрос об оценке экономических эффектов интеграционных процессов был освещен научным сотрудником Института проблем управления РАН Н. А. Росляковой, которая на примере приграничных территорий России и Беларуси апробировала авторскую методику оценки эффектов на приграничных территориях двух стран после снятия государственной границы и объединения транспортных систем.

Страны — участницы евразийской интеграции также являются активными

членами международных организаций. Например, практически все страны — члены СНГ и ЕАЭС, за исключением Беларуси, являются членами ВТО, что накладывает на них определенные требования в экономической и торговой политике. Однако на практике часто наблюдается коллизия между нормами и условиями ВТО и ЕАЭС. Аспирант СПбГЭУ А. А. Петрова разработала и предложила инструментарий для анализа развития торгово-экономической интеграции стран ЕАЭС в условиях ВТО.

Тему взаимодействия с третьими странами продолжили студенты Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева А. Канапья и Г. Н. Толеутаева, которые спроектировали логистические схемы при перевозке зерна на железнодорожном транспорте из Казахстана в Китай. Аспирант СПбГЭУ Е. В. Лубская представила основные постулаты концепции глобальных цепочек добавленной стоимости и оценила возможности применения данной концепции в евразийских энергетической и химической отраслях.

В рамках круглого стола также были представлены два проекта для молодых ученых: Международный конкурс научных работ/проектов «Евразийская интеграция: молодежное измерение», проводимый СПбГЭУ при поддержке Евразийской экономической комиссии, и новый научно-практический журнал «Гипотеза».

В результате дискуссий по основным измерениям евразийской экономической интеграции участники форума выявили внешние и внутренние факторы, которые определяют развитие евразийских интеграционных проектов, геополитизацию экономических стратегий стран и регионов мира, рост торгово-инвестиционной экспансии развивающихся стран Евразии и необходимость дальнейшего развития евразийского научно-образовательного пространства.

По итогам дискуссий участники форума выразили свою приверженность идее евразийской интеграции и готовность принимать активное участие в экс-

пертно-аналитических и образовательных проектах, направленных на более

полную реализацию евразийских интеграционных проектов.

И. А. Максимцев, А. А. Ананьев

Об авторах

Игорь Анатольевич Максимцев (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор; rector@unecon.ru

Андрей Анатольевич Ананьев (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — помощник ректора Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук; ananev@finec.ru

About the Authors

Igor Maksimtsev (St. Petersburg, Russian Federation) — Rector of the St. Petersburg State Economic University, Doctor of Economics, Professor; rector@unecon.ru

Andrei Ananiev (St. Petersburg, Russian Federation) — Rector's Assistant of the St. Petersburg State Economic University, Candidate of Economics; , ananev@finec.ru

Итоги IV международной конференции «Евразийский вызов»

23–24 ноября 2017 года, Санкт-Петербург, Таврический дворец

Outcomes of the IV International Conference *Eurasian Challenge*

23–24 November 2017, St. Petersburg, Tavrishesky Palace

IV международная конференция «Евразийский вызов», проходившая 23–24 ноября 2017 г. в Санкт-Петербурге, в Таврическом дворце, выявила особенности нового формата взаимодействия на евразийском пространстве в контексте современной политической ситуации.

В конференции приняли участие руководители государств, входящих в Евразийский экономический союз, политики и ведущие эксперты в области евразийской интеграции, представители крупных промышленных предприятий, бизнеса, научных и общественных организаций из 10 стран мира. Одной из важнейших тем для обсуждения стала роль ЕАЭС в глобальном мире XXI в.

На **пленарном заседании** конференции выступили вице-губернатор Санкт-Петербурга, руководитель администрации Губернатора Санкт-Петербурга А. Н. Говорунов, российский общественный и политический деятель, писатель, блогер, публицист Н. В. Стариков, Генеральный консул Китайской Народной Республики в Санкт-Петербурге Го Минь, заместитель директора Департамента экономического сотрудничества со странами СНГ и развития евразийской интеграции Министерства экономического развития Российской Федерации А. А. Сысоева, второй секретарь Первого департамента стран СНГ Министерства иностранных дел Российской Федерации А. В. Дьяченко, заместитель Министра экономического развития и инвестиций Республики Армения Э. С. Тарасян, за-

меститель директора Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии С. М. Асансеитова, официальный представитель Кыргызской Республики по продвижению инвестиций и экспорту в Северо-Западном федеральном округе России, советник Министра экономики Кыргызской Республики, представитель Торгово-промышленной палаты Кыргызской Республики в Северо-Западном федеральном округе России Д. А. Асеналханов.

Функционирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) позволяет государствам-членам стать одной из ячеек реальной глобализации. Такое мнение выразила заместитель директора Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии С. М. Асансеитова. Она обратила внимание на многовекторное развитие международного сотрудничества и на интерес, который проявляют третьи страны, организации и объединения к ЕАЭС: «Мы выходим на мировую арену и выстраиваем наши отношения со странами-партнерами как экономический блок». Подчеркнув большое значение Евразийского экономического союза для развития государств-членов, С. М. Асансеитова рассказала о достижениях ЕАЭС в 2017 г., текущей и перспективной работе Евразийской экономической комиссии, направлениях развития интеграции.

В докладе Н. В. Старикова отчетливо прозвучала мысль о том, что сегодня необходимо возвращение к скоордини-

рованной, согласованной политике в отраслях экономики стран постсоветского пространства, создание структур, способствующих достижению этой цели, наиболее эффективной из которых может стать ЕАЭС.

Согласно данным, приведенным в годовом докладе Евразийской экономической комиссии за 2016 г. «Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств — членов ЕАЭС и мерах, предпринятых государствами — членами ЕАЭС в области макроэкономической политики», основным источником роста со стороны спроса для государств ЕАЭС в 2016 г. стал чистый экспорт, со стороны предложения — сельское хозяйство (за исключением Армении), а также промышленность, строительство и торговля (в ряде государств ЕАЭС). Такой фактор роста, как увеличение спроса на туристические услуги, в докладе не упоминается, притом что правовая база для развития туристической сферы внутри ЕАЭС существует — в статье 27 раздела IV Договора о евразийском экономическом союзе говорится о создании и функционировании свободных экономических зон с целью развития транспортной инфраструктуры, туризма, санаторно-курортной сферы. Реализация данного положения может оказаться перспективной с точки зрения роста экономик стран ЕАЭС в связи с тем, что данные страны обладают рядом существенных конкурентных преимуществ.

Эксперты отмечают, что «Российская Федерация — локомотив будущего Евразийского экономического союза. Во многом от развития ее туристического рынка будут зависеть аналогичные рынки постсоветских евразийских государств»¹. Целесообразной представляется разработка специальных программ Правительства Санкт-Петербурга (одного из городов России, в которых туристический бизнес организован лучше всего), направленных на совершенствование сфе-

ры туризма и устранение некоторых особенностей, замедляющих развитие туристической сферы города. «Учитывая роль Российской Федерации в интеграционных процессах в Евразии, развитие туристического комплекса нашей страны заслуживает особого внимания. Это — важный элемент “мягкой силы”, развития патриотизма своих граждан и распространения знаний о достижениях страны среди иностранцев»². Санкт-Петербургу в этом процессе отведена существенная роль.

В программе конференции особое место заняли дискуссия «Интеграция России и Китая: проекты ЕАЭС и “Один пояс — один путь”», в ходе которой обсуждались вопросы сотрудничества ЕАЭС и Китая, и круглые столы, направленные на определение задач взаимодействия в сфере информационно-коммуникационных технологий, регулирования трансграничных рынков в области цифровой экономики, а также задач создания цифрового пространства в процессе стратегического взаимодействия с Китаем и странами ЕАЭС. На круглом столе, посвященном участию бизнеса в интеграционных процессах Евразийского экономического союза, были затронуты вопросы формирования единого электроэнергетического рынка, обозначены этапы построения единого рынка нефти, газа и нефтепродуктов. Участники конференции рассмотрели аспекты технического регулирования в Евразийском экономическом союзе, результаты процесса унификации и отмены нетарифных барьеров в торговле товарами и услугами. Эксперты проанализировали перспективы взаимодействия в области науки и инноваций, евразийского интеграционного права, общего научного и образовательного пространства. На конференции отмечалась особая роль Санкт-Петербурга как крупнейшего научно-образовательного центра, активно участвующего в процессах евразийской

¹ Сургуладзе В. Ш. Состояние и проблемы развития туристического комплекса России в контексте евразийской экономической интеграции // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 4 (25). С. 173.

² Там же. С. 183.

интеграции и межрегионального сотрудничества.

В рамках панельной дискуссии «Интеграция России и Китая: проекты ЕАЭС и “Один пояс — один путь”» большое внимание было уделено Крыму как объекту Морского Шелкового пути и полигону для развития цивилизационного туризма. В докладе Г. А. Лесковой, кандидата экономических наук, доцента, заведующей кафедрой туризма и социально-культурного сервиса Санкт-Петербургского государственного института культуры, и С. И. Головацкого, директора Межрегионального центра развития и внедрения инноваций «Крым — Северо-Запад», было отмечено, что Крым, тысячелетиями стоявший на перекрестке мировых торговых путей, закономерно воспринимается как место встречи цивилизаций и взаимопроникновения культур — греко-византийской, еврейской, тюркской, османской, славянской и др. Сегодня очевидно, что Крым — важное звено исторического маршрута Шелкового пути, соединявшего западные и восточные цивилизации: в разные исторические эпохи его города являлись транспортными узлами Великого шелкового пути, поэтому без упоминания Крыма не может быть серьезных исследований в сфере цивилизационного туризма.

Цивилизационный туризм — это новая наукоемкая и интегральная форма специализированного туризма. По мнению экспертов, цивилизационный туризм может и должен стать инструментом долгосрочной стратегии по обеспечению повышения индекса счастья людей, участвующих в таком глобальном диалоге цивилизаций, и устойчивого развития экономики и культуры, науки и образования.

О текущих аспектах трансформации политического ландшафта в условиях евразийской интеграции сообщил И. Ж. Исаков, ректор Университета при МПА ЕврАзЭС, кандидат юридических наук, доцент, член Российской академии юридических наук, Русского географического общества. Он отметил, что в свя-

зи с широко пропагандируемым КНР проектом «Экономический пояс Шелкового пути» и выдвинутой Президентом Российской Федерации В. В. Путиным идеей Большого евразийского партнерства в научном мире активизировался интерес к проблемам развития социальных и политических процессов на огромном евразийском пространстве. В докладе прозвучало, что процессы политических, экономических и социальных изменений, происходящих на постсоветском пространстве, оцениваются как своеобразная лаборатория, где апробируются различные экономические, социально-политические, культурно-цивилизационные модели с учетом не только внутривнутриполитических условий, но и международного контекста. Поэтому, с одной стороны, региональная евразийская интеграция сохраняет свою привлекательность (в нее в разных формах включаются все новые участники), с другой стороны, возникают все новые препоны для дальнейшего повышения ее эффективности. И. Ж. Исаков подчеркнул необходимость не только выхода на новые уровни экономической кооперации, что непременно даст позитивные результаты с точки зрения развития национальных экономик, но и формирования единой идеологической основы осуществляемого интеграционного проекта.

Одним из существенных текущих аспектов, как полагает И. Ж. Исаков, стал растущий интерес Китая к интеграционным процессам в Евразии, продиктованный во многом жизненно важными вопросами современной политики страны, а именно воплощением на евразийском пространстве проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Однако, по мнению эксперта, нельзя оставить без внимания провозглашенную КНР в 1990-х гг. политику освоения западных и центральных провинций и привлечения туда иностранных инвестиций. Наряду с позитивными тенденциями имеют место сложности развития политического ландшафта, в котором эволюционирует евразийская интеграция, вследствие чего

сохраняется особая потребность в научном поиске методов решения актуальных проблем ее дальнейшего развития.

Важной составляющей конференции стал доклад П. И. Рысаковой, кандидата социологических наук, доцента (Санкт-Петербургский государственный университет), «Процессы реализации концепции “Шелкового пути” в образовательной доктрине КНР 2010-х годов». В нем, в частности, было отмечено, что анонсированные в 2013 г. проекты «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века» (с 2016 г. именуемые инициативой «Один пояс — один путь») чаще всего расцениваются как сугубо экономические и транспортные. Однако они имеют также отчетливую образовательную составляющую, значение которой, по всей видимости, в будущем будет только усиливаться. Как считает П. И. Рысакова, сегодня можно выделить основные аспекты образовательного измерения концепции Шелкового пути. К ним относится программа интернационализации китайского образования. Китайские инициативы нацелены не только на реализацию относительно традиционных мер — усиление образовательных и научных контактов, учреждение специальных стипендиальных программ, финансирование открытия институтов Конфуция и популяризация китайского языка. Китайская образовательная стратегия направлена в первую очередь на открытие зарубежных филиалов национальных образовательных учреждений, предоставление экспертных услуг на местах. При этом особый акцент делается на развитии центров технического образования, связанного с транспортной сферой и телекоммуникационными технологиями.

Необходимо учитывать, что образовательные инициативы Шелкового пути призваны упрочить и легитимировать заданный вектор «идти во внешний мир» и «следовать восточному ветру», что требует особого осмысления с исторической, политической, экономической точек зрения.

Эксперты отметили, что для сопряжения «Одного пояса — одного пути» и ЕАЭС ведется работа по формированию инвестиционных фондов, фондов регионального развития. «Создание совместных финансовых институтов — это необходимое условие для совместных инвестиций». Было отмечено, что инвестиционное сотрудничество между двумя странами имеет огромный потенциал, ведутся переговоры об интеграции финансовых рынков, в частности о размещении государственных облигаций, номинированных в национальных валютах: российских облигаций в юанях и китайских облигаций в рублях; о сопряжении банковских секторов с тем, чтобы банки теснее работали друг с другом; о переходе на работу в национальной валюте во взаимной торговле и о совместных инвестициях.

На круглом столе «**Туризм как инструмент развития экономик стран ЕАЭС, роль Санкт-Петербурга как мирового туристического центра**» В. Э. Гордин, доктор экономических наук, профессор (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург), и Л. В. Хорева, доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет), затронули вопросы, связанные с регулированием и потенциалом расширения международной торговли туристскими услугами между странами ЕАЭС. Докладчики подчеркнули, что туризм является сегодня одной из наиболее стабильных сфер международной торговли услугами, показали, что торговля туристскими услугами между странами ЕАЭС в последние годы обнаруживает динамичный рост. Однако для расширения торговли в этой сфере необходимо проводить дальнейшую либерализацию условий торговли туристскими услугами, в том числе путем создания единого рынка услуг. Важен также процесс сокращения числа изъятий и ограничений в общих правилах регулирования торговли на туристском рынке.

Актуальные вопросы развития туризма на территории ЕАЭС были поставлены

в докладе «Проблемы и перспективы развития туристского бизнеса в условиях цифровой экономики» А. А. Клеймана, доктора экономических наук, профессора (Санкт-Петербургский государственный институт культуры). Докладчик сообщил, что цифровая экономика стала сегодня реальностью, важнейшей составной частью мировой экономики. Однако, к сожалению, туристский бизнес не всегда готов к восприятию новых технологий и принципиальных изменений, происходящих на рынке туризма, в то время как к 2025 г. цифровизация экономики России позволит увеличить ВВП страны на 4,1–8,9 трлн руб. Цифровизация обеспечит от 19% до 34% роста ВВП России, а сама доля цифровой экономики может составить 8–10% в ВВП. Эксперт подчеркнул, что развитие цифровой экономики формирует такие основные тенденции развития мирового туристского рынка, как глобализация туристского бизнеса, транснационализация интернет-ресурсов, сближение поставщиков туристических услуг и туристов, появление новых каналов дистрибуции, массовый выход предприятий туристической индустрии в Интернет, использование мобильных приложений. Сегодня в туристской среде активно ведется работа по продвижению на рынок динамического пакетирования туров, и в ближайшей перспективе динамические пакеты будут включать железнодорожные перевозки, автобусное сообщение, что обеспечит максимальный доступ туристских объектов для организованных и самостоятельных путешественников. А. А. Клейман убедительно показал, что современные технологии позволяют туристам самостоятельно планировать и организовывать свои поездки, что среди новых сегодня видов туризма выделяется виртуальный туризм — деятельность индивида, позволяющая посредством использования современной компьютерной техники

и коммуникационных сетей создать и получить максимально реалистичную сенсорную информацию о желаемой дестинации. По мнению А. А. Клеймана, технология блокчейна³ в течение ближайших 5–10 лет может коренным образом изменить туристическую индустрию: с рынка могут уйти все посредники, а турпродукт станет более качественным и доступным, повысится ответственность поставщиков туристских услуг.

На круглом столе «**Расширение культурных и научных связей как безусловный императив интеграционного процесса на евразийском пространстве**» особый интерес вызвал доклад доктора экономических наук, профессора, заведующей кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного экономического университета С. И. Рекорд «Роль экономических университетов в ЕАЭС: сетевые взаимодействия и перспективы Форсайта». Автор доказала, что в условиях международной геополитической и геоэкономической конкуренции Евразийскому экономическому союзу необходима дополнительная энергия для усиления конкурентных позиций и сохранения динамики развития. Она отметила, что с начала активизации процессов евразийской экономической интеграции одним из приоритетов считает работу по развитию сетевой научно-образовательной инфраструктуры в регионе «Большой Евразии» с целью изучения и продвижения евразийского интеграционного проекта. В частности, активное участие в Евразийской ассоциации университетов, инициатива по разработке проекта Евразийского сетевого университета, молодежные научные конкурсы, организация и формирование повестки международного форума «Евразийская экономическая перспектива». Организация распределенной сети научных Форсайт-центров,

³ **Блокчейн** (англ. *blockchain* или *block chain* — цепь блоков) — выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков (связный список), содержащих информацию. Чаще всего копии цепочек блоков хранятся и независимо друг от друга (чрезвычайно параллельно) обрабатываются на множестве разных компьютеров.

использующих совместно созданную методологию Форсайта для долгосрочного предвидения (на основе междисциплинарных исследований) развития мировых тенденций и их влияния на евразийскую экономическую систему, включая будущие изменения на глобальном и региональных рынках труда, будет иметь большое значение в мировых интеграционных процессах настоящего и будущего.

Важные положения прозвучали в докладе «Мягкая сила» Евразийского проекта кандидата политических наук В. Д. Агеевой (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург). Автор выявила, что:

1) для развития и эффективного функционирования Евразийского проекта необходимо работать над его привлекательностью как для потенциальных членов ЕАЭС, так и для текущих и будущих партнеров;

2) «мягкая сила» Евразийского проекта может оказывать положительное влияние как на социально-экономическое развитие стран — членов ЕАЭС, так и на имидж и инвестиционную привлекательность самого проекта;

3) на данный момент ЕАЭС не реализует мягкосиловые подходы на практике (среди стран-членов только Россия входит в международный рейтинг «мягкой силы»);

4) в текущей версии Евразийского проекта наибольшее развитие получили экономическое и военное направления, а идейное и ценностное измерение осталось на втором плане;

5) изучение современной политической практики и социокультурных реалий в странах — членах ЕАЭС позволяет предположить, что идейным основанием для дальнейшей евразийской интеграции могут стать традиционные ценности и модель «суверенной демократии», которые сегодня доминируют на пространстве ЕАЭС;

6) вместе с тем для дальнейшего развития Евразийского проекта существует

ряд угроз, таких как: разнонаправленные экономические интересы и политические амбиции стран-членов, а также концепция Русского мира, которая в настоящее время активно продвигается Россией.

Важной темой, прозвучавшей в сообщении многих докладчиков, стал вопрос «Об обеспечении информационной безопасности в процессе международного сотрудничества». В докладах В. С. Сторожика, кандидата технических наук, доцента, начальника отдела Управления ФСТЭК России по Северо-Западному федеральному округу (Санкт-Петербург), и Ю. В. Вовенды, помощника вице-губернатора Ленинградской области — руководителя аппарата Губернатора и Правительства Ленинградской области, отмечалось, что в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640, сформулирована позиция государства в отношении использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в современном мире. Однако состояние информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства характеризуется стремлением отдельных государств использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве.

В связи с этим сущность российской дипломатической инициативы заключается в том, что усилия в области обеспечения международной информационной безопасности при ключевой роли ООН необходимо нацелить на предотвращение конфликтов в информационном пространстве, недопущение использования ИКТ для вмешательства во внутренние дела государств, в террористических и иных противоправных целях, а также на выработку и принятие универсальных правил ответственного поведения государств в сфере использования ИКТ. Авторы подчеркнули, что принятие законов по кибербезопасности необходимо, в частности и для предотвращения

хакерских атак на мировые компьютерные системы. Эффективность предлагаемых Российской Федерацией новых международно-правовых норм, которые определяют правила поведения в информационном пространстве, планируется продемонстрировать на примере региональных площадок, таких как БРИКС, ОДКБ и ШОС.

Закономерно, что во время проведения IV конференции «Евразийский вызов» Центробанк РФ анонсировал создание единого пространства для информационного обмена данными о киберугрозах в финансовой сфере между членами ЕАЭС. О работе по формированию такого пространства рассказал заместитель начальника Главного управления безопасности и защиты информации Банка России Артем Сычев, выступая на SOC-форуме⁴.

В процессе оптимизации социально-экономического сотрудничества между странами, входящими в ЕАЭС, особое значение продолжают иметь вопросы регламентации международного права. А. Д. Рудоквас, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, в докладе «Гармонизация частного права в ЕС как модель путей правовой интеграции в ЕАЭС» на примере Европейского союза показал, что различия в договорном праве разных стран являются серьезным препятствием для развития внешнеэкономических связей между государствами — членами ЕС, поскольку слишком велики издержки, связанные с выяснением содержания применимого иностранного права. Трудный опыт Европейского союза демонстрирует, что противоречия между родственными, но не идентичными национальными порядками необходимо преодолевать на основе сравнительной оценки опыта, накопленного национальными правовыми системами, сквозь призму актуальных тенденций развития европейской и международной юридической мысли и эконо-

мического анализа права. Идея создания «европейского договорного права» как optional instrument приведет в долгосрочной перспективе к его доминированию в регулировании гражданского оборота по воле самих участников. А. Д. Рудоквас считает, что этот опыт и его практическое значение имеет смысл учесть и при продвижении правовой интеграции в ЕАЭС.

На круглом столе «Расширение культурных и научных связей как безусловный императив интеграционного процесса на евразийском пространстве» подводились своего рода итоги межкультурного сотрудничества стран ЕАЭС и сотрудничества в мировом масштабе. Многократно была подчеркнута абсолютная роль культуры и искусства как средств глобальной коммуникации.

Все участники конференции, эксперты и слушатели согласились, что осознание важности евразийского межкультурного диалога приобретает особое значение в период антропологического и духовно-нравственного кризиса, размывающего традиционные ценности и ориентиры, поиска основ межкультурных коммуникаций и диалога христианства с другими мировыми религиями в реалиях XXI в.

В результате двухдневной работы IV международной конференции «Евразийский вызов» — одной из важнейших экспертных площадок — были выявлены достижения деятельности ЕАЭС за 2017 г., сформулированы задачи международного сотрудничества и дальнейшего укрепления ЕАЭС в партнерстве с КНР и другими странами мира:

1. Создание свободных экономических зон с целью развития транспортной инфраструктуры, санаторно-курортной сферы в рамках формирования туристского сектора внутри Евразийского экономического союза как элемента «мягкой силы», способной оказывать положительное влияние на социально-экономическое развитие стран — членов ЕАЭС.

⁴ ЦБ анонсировал создание системы информационного обмена о киберугрозах в рамках ЕАЭС // Рамблер. URL: https://news.rambler.ru/other/38482053/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

2. Разработка программ Правительства Санкт-Петербурга, направленных на совершенствование сферы туризма и устранение особенностей, которые замедляют развитие туристической сферы Санкт-Петербурга — крупнейшего туристического центра, активно участвующего в процессах евразийской интеграции и межрегионального сотрудничества.

3. Развитие цивилизационного туризма как инструмента долгосрочной стратегии, обеспечивающей повышение индекса счастья людей — участников диалога цивилизаций.

4. Создание единого научно-образовательного пространства в регионе «Большой Евразии».

5. Рассмотрение вопросов создания единого электроэнергетического рынка, единого рынка нефти, газа и нефтепродуктов в рамках процесса интеграции России и Китая в контексте проекта сопряжения ЕАЭС и «Один пояс — один путь».

6. Обеспечение безопасного и устойчивого функционирования Интернета с целью недопущения использования информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств — участников ЕАЭС, в террористических и иных противоправных целях.

7. Выработка и принятие универсальных правил ответственного поведения государств в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, принятие законов по кибербезопасности.

8. Цифровизация национальной экономики.

9. Гармонизация национального законодательства стран — участниц ЕАЭС с Договором о ЕАЭС и соглашениями, подписываемыми в рамках союза, с целью обеспечения грамотного законодательного сопровождения интеграционных процессов.

*Информация
Комитета по внешним связям
Санкт-Петербурга*

Информационные процессы в странах СНГ: преодоление противоречий и проблемы устойчивого развития

Information Processes in the CIS Countries: Overcoming Contradictions and Problems of Sustainable Development

Международная научно-практическая конференция «Будущее Евразии: интеграционные и дезинтеграционные процессы, выбор стратегий развития (политико-медийный дискурс)»¹ проходила с 27 сентября по 1 октября 2017 г. в Алуште и Симферополе.

Концепция конференции. Перспективы развития Евразийского союза актуализируют необходимость углубленного теоретического осмысления интеграционных процессов в регионе, выявления новых интеграционных составляющих, способных предопределить устойчивое развитие неоевразийского пространства как одного из центров мировой политики и экономики XXI в. Для эффективного решения актуальных проблем интеграции и международной коммуникации большое значение приобретает задача формирования единого международного информационного пространства. Это особенно важно на фоне обострения геополитических противоречий и драматических, даже трагических, событий в различных регионах мира.

Пленарное заседание было открыто докладом «Роль межпарламентского сотрудничества в интеграционных процессах Евразии», с которым выступил профессор А. И. Сурыгин. Рассказ о практике и формах сотрудничества парла-

ментов стран Содружества Независимых Государств, о Межпарламентской Ассамблее СНГ и ее деятельности докладчик завершил темой освещения этой сферы в СМИ. Он выразил мнение, с которым согласились участники конференции, о недостаточном внимании СМИ к деятельности Межпарламентской Ассамблеи и СНГ в целом.

Проблемы построения и сохранения прочного мира, укрепления доверия между странами, утверждения идей миротворчества на евразийском континенте являются приоритетными в осмыслении и практической деятельности органов власти, информационных структур и гражданского общества.

Остро прозвучал в этом контексте доклад профессора А. Л. Вассоевича «Православно-мусульманское взаимопонимание как основа евразийского единства на постсоветском пространстве», в котором было показано, как нередко и отечественные, и зарубежные СМИ искажают суть религий, усиливая политический разлом между миром православных христиан и миром мусульман.

Один из аспектов проблемы «конфликта цивилизаций» был представлен в докладе профессора Б. Я. Мисонжникова «Евразийство: речная гладь или пороги (медиаумический фактор решения проблем)». Автор показал полную не-

¹ Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. Будущее Евразии (медийно-политический дискурс). № 3 (12) / отв. ред. Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжников, И. А. Щербо. СПб.: СПбГУ, Ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», 2018. 240 с.

обоснованность противостояния между исламом и христианством и подчеркнул необходимость четко отличать канонические вероучения от извращений, от которых не застрахована ни одна религия. Докладчик призвал представителей СМИ противостоять любым неправомерным оценкам и способствовать глубокой интеграции, формируя на основе взаимопонимания поле взаимодействия и сотрудничества.

С большим вниманием участники конференции отнеслись к проблеме безопасности в современном мире и роли СМИ в этом вопросе. В связи с этим с интересом был встречен доклад профессора В. В. Пыжа «Доктрина управляемого хаоса и современная Россия: идеология и технологии», в котором были раскрыты технологии ненасильственных переворотов в современных условиях, включая использование СМИ, а также возможности эффективного противодействия этим деструктивным политтехнологиям.

Проблему современных вызовов и угроз в контексте противодействия терроризму подробно анализировал в докладе «Стратегии антитеррора: гуманитарная и силовая составляющие» Ю. Н. Клёнов. Он отметил, что любые формы экстремизма и терроризма — чрезвычайно опасные явления, с которыми человечество вошло в XXI в. Сегодня свою деструктивную деятельность террористы адаптируют к новым реалиям, эффективно используют в качестве инструмента сайты, социальные сети, другие коммуникационные технологии. Поэтому крайне актуальным становится своевременное выявление и блокирование сетевых ресурсов с информацией экстремистского, деструктивного, радикального характера.

Профессор В. В. Тулупов выступил на тему «Медиаобразование на постсоветском пространстве: опыт, проблемы и перспективы», подробно остановившись на использовании в современном образовании, в частности в процессе подготовки журналистов, новых информаци-

онных технологий и средств коммуникации.

Идеям общей заинтересованности в эффективной работе современных медиасистем на пространстве Евразии, важности защиты национальных интересов путем участия в международном информационном обмене были посвящены выступления профессора С. Х. Барлыбаевой (Казахский национальный университет им. аль-Фараби) об информационной парадигме евразийской интеграции² и С. И. Тастулековой (университет «ТУРАН», Республика Казахстан) о цифровом вещании в евразийском пространстве.

Работа конференции была продолжена в панельных дискуссиях:

— Реализация концепции евразийства в XXI веке (руководитель — доктор исторических наук, профессор И. В. Синова, Санкт-Петербургский государственный университет);

— Современная журналистика стран СНГ (руководители — доктор филологических наук, профессор В. В. Тулупов, Воронежский государственный университет, и доктор филологических наук, профессор В. Д. Таказов, Академия журналистики (Алушта));

— Социальные технологии в формировании евразийского пространства (руководитель — доктор политических наук, профессор К. А. Панцеров, Санкт-Петербургский государственный университет);

— Интегрированные коммуникации: профессиональное образование на евразийском пространстве (руководитель — доктор политических наук, профессор В. А. Ачкасова, Санкт-Петербургский государственный университет);

— Психологические аспекты интеграционных процессов на пространстве Евразии (руководитель — доктор психологических наук, профессор О. С. Дейнека, Санкт-Петербургский государственный университет).

В ходе панельной дискуссии «**Реализация концепции евразийства**

² Барлыбаева С. Х. Информационная парадигма евразийской интеграции // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 4 (7). С. 68–74.

в XXI веке» были затронуты такие актуальные проблемы, как различные трактовки понятия «евразийство» и необходимость дальнейших исследований этого феномена; критическое осмысление интеграционных проектов ЕАЭС и в целом международных механизмов межгосударственного взаимодействия на евразийском пространстве (материалы А. Н. Гайшуна³, М. Г. Шилиной⁴, В. А. Фарбер, О. Г. Филатовой⁵), восточный поворот России и проект Экономического пояса Шелкового пути.

Дискуссия «Современная журналистика стран СНГ» касалась задач Евразийского союза в области массовой коммуникации, развития СМИ стран СНГ в глобальной перспективе, а также медийной активности стран СНГ в отражении проблем евразийства. Специально был рассмотрен вопрос функционирования Интернета как среды и инструмента интеграционных процессов. Центральным в дискуссии стал доклад «Журналистика стран СНГ: сравнительно-аналитический аспект» В. Д. Таказова и М. А. Красненкова, где нашли отражение исследование медийной активности в странах СНГ и обсуждение перспектив развития СМИ стран Содружества.

Кроме того, в рамках дискуссии выступавшие осветили темы медиаиндустрии Армении в эпоху глобализации, изображения в СМИ мусульман в связи с проблемой миграции, роли современных СМИ Ирана в поддержке российской дипломатии по вопросам урегулирования ситуации в Сирии, а также проблемы СМИ в политических системах самоопределившихся государств.

Участники панельной дискуссии «Социальные технологии в формировании евразийского пространства» сконцен-

трировались на обсуждении проблем информационных технологий в конструировании образа Содружества Независимых Государств; формирования образа региональных политиков; влияния политической элиты на интеграционные процессы; роли Русского мира как системного интегратора коммуникации⁶, а также затронули проблему сепаратизма как социально-политического феномена.

Наиболее оживленная панельная дискуссия «Интегрированные коммуникации: профессиональное образование на евразийском пространстве» была посвящена межкультурным коммуникациям и их включению в профессиональное образование. С ключевым докладом «Коммуникативное образование как интегратор социального пространства Евразии» выступила профессор В. А. Ачкасова.

Участники дискуссии обсудили такие вопросы, как межкультурный компонент в профессиональной подготовке специалистов по связям с общественностью, опыт межкультурных коммуникаций в культурологическом аспекте образования, современные тенденции и практика интегрированных коммуникаций, а также перспективы интеграционных процессов в образовании при подготовке профессиональных коммуникаторов. Ряд выступлений был посвящен медиаобразованию в странах Содружества в контексте интеграционной политики и межкультурной коммуникации как компетенции будущих профессионалов по связям с общественностью в евразийском пространстве.

В докладах подчеркивалось, что многоуровневый и многоаспектный характер современного медиапространства может

³ Гайшун А. Н. «Евразийское партнерство» и риски ЕАЭС // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 4 (7). С. 5–10.

⁴ Шилина М. Г. Международные механизмы межгосударственного взаимодействия на евразийском пространстве: анализ реалий и возможностей для развития экономической интеграции // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 4 (7). С. 49–53.

⁵ Филатова О. Г. Электронное управление в процессах евразийской экономической интеграции: итоги сравнительных исследований // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 4 (7). С. 11–19.

⁶ Остапенко А. А. Русский мир как интегрирующее коммуникативное пространство // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 4 (7). С. 65–67.

модернизировать пространства национальных культур, усилить международный обмен, увеличить амплитуды социально-политических, региональных, этнических, возрастных и иных мировоззренческих позиций.

Площадка «**Психологические аспекты интеграционных процессов на пространстве Евразии**» была предоставлена докладчикам, рассматривавшим концепции евразийства в современной теории и практике политической психологии и массовой коммуникации. Именно этой теме посвятила доклад профессор Г. С. Мельник («Реализация концепций евразийства в практике массовых коммуникаций»). Однако основное внимание участники дискуссии уделили анализу угроз безопасности евразийской интеграции, проблемам психологии со-

временного терроризма и экстремизма: когнитивным технологиям массовых беспорядков, роли медиа в трансформации идентификации в евразийском пространстве, профилактике экстремизма, тенденциям психологической интерпретации современного терроризма. В русле этой проблематики прозвучал и фундаментальный доклад профессора О. С. Дейнеки «Ценности как фактор проявления латентного экстремизма и терроризма на евразийском пространстве».

По итогам работы конференции была принята резолюция, в которой подтверждена необходимость подобных встреч и высказана идея создания постоянно действующего культурно-просветительского и научно-исследовательского Центра изучения проблем Евразии.

Г. С. Мельник, А. И. Сурыгин

Об авторах

Галина Сергеевна Мельник (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — профессор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук; melnik.gs@gmail.com

Александр Игоревич Сурыгин (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — заместитель начальника отдела обеспечения модельного законодательства в социально-гуманитарной сфере экспертно-аналитического управления Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, доктор педагогических наук, профессор; ipa.cis.as@gmail.com

About the Authors

Galina Melnik (St. Petersburg, Russian Federation) — Professor of the Institute «Higher School of Journalism and Mass Communications» of the St. Petersburg State University, Doctor of Political Sciences; melnik.gs@gmail.com

Alexander Surygin (St. Petersburg, Russian Federation) — Deputy Head of the Department for Support of Model Lawmaking in the Social and Humanitarian Sphere of the Expert-Analytical Directorate of the Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of CIS Member Nations, Doctor of Educational Sciences, Professor; ipa.cis.as@gmail.com

**Международный научно-аналитический журнал
Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ**

«Диалог: политика, право, экономика»

Издание Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников Содружества Независимых Государств (МПА СНГ)

Основная задача журнала — публикация научных статей, аналитических обзоров, научных рецензий, отзывов на научные издания, обзоров и информации о конференциях по гуманитарным, политическим, правовым и экономическим аспектам интеграционных процессов на пространстве СНГ и в Евразийском регионе. В журнале публикуются также статьи по регионоведению стран Содружества.

Журнал зарегистрирован как периодическое издание (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-67178 от 16.09.2016) и издается под международным серийным номером ISSN 2500-042X. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Периодичность издания — 4 раза в год.

Публикация научных статей в журнале бесплатна для авторов.

Более подробная информация о журнале и электронные копии всех вышедших номеров доступны на официальном сайте МПА СНГ

http://iacis.ru/mainevents/dialog_magazine/

Правила оформления статей

Формат файла с текстом статьи — doc, docx (MS Word 2007-2012).

Рекомендуемый объем статей — до 16 страниц формата А4 с учетом иллюстративного материала.

Шрифт — Times New Roman (14 pt), межстрочный интервал — 1,5.

Оформление текста — без переносов.

Примечания, связанные с основным текстом сноской — порядковым номером, располагать внизу страницы, под основным текстом.

Иллюстрации (только черно-белые!) представлять в формате tiff или jpeg, разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, схемы, графики, таблицы вставлять в текст с возможностью редактирования.

Список использованных источников оформлять по ГОСТ 7.0.5-2008.

В статье привести на русском и английском языках:

— название статьи;

— аннотацию до 1000 знаков, включая пробелы;

— список ключевых слов;

— сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, ученое звание; должность; место работы (название организации).

К статье необходимо приложить официальный почтовый адрес, электронный адрес и номер телефона для связи с автором (авторами).

© «ДИАЛОГ: ПОЛИТИКА, ПРАВО, ЭКОНОМИКА», ТЕКСТ, 2018

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 23.03.2018. ФОРМАТ 60 × 90 1/8. ПЕЧАТЬ ОФСЕТНАЯ. БУМАГА ОФСЕТНАЯ.
ГАРНИТУРА CHARIS SIL. УСЛ. ПЕЧ. Л. 14,75. ТИРАЖ 1000 ЭКЗ.
ЗАКАЗ № КД-0878-о-18.

АДРЕС: 191015, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ШПАЛЕРНАЯ УЛ., Д. 47

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ: (812) 326-69-24, 326-68-01. WEB-СТРАНИЦА: WWW.IACIS.RU; E-MAIL: KANZ@IACIS.RU

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ.
РЕГИСТРАЦИОННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ №ФС 77-67178 от 16.09.2016 г.

ОТПЕЧАТАНО С ОРИГИНАЛ-МАКЕТА В ТИПОГРАФИИ «КАПЛИ ДОЖДЯ»: 190005, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПР., Д. 16/30, ЛИТ. Б.
ТЕЛ./ФАКС: (812) 325-08-48